

Д. ДАНКЕН

**НОВЫЕ
ЛЕГИОНЫ**

THE NEW LEGIONS

by
Donald Duncan

LONDON

ДОНАЛЬД ДАНКЕН

НОВЫЕ ЛЕГИОНЫ

Сокращенный перевод с английского

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1970

ЛЕГИОНЫ ПАЛАЧЕЙ И КАРАТЕЛЕЙ

«...Я знаю много случаев, когда американские военные советники рекомендовали южновьетнамцам убивать пленных. Это отвратительно. Убить во время боя — одно дело, но убивать парней, когда у них связаны руки — совсем другое».

«...Чем больше мы предоставляем войск и денег, тем больше нас ненавидят. Даже государства, которые до сих пор находились на нейтральных позициях, становятся ярыми противниками Америки».

«...Мы дали Южному Вьетнаму не демократию, а антикоммунизм. Народ помнит, что, когда он боролся против французов за свою национальную независимость, именно американцы помогали французам. Именно американские бомбы убивали вьетнамских детей, а американский напалм сжигал дома и посеvy».

«...Вся эта война — сплошная ложь. Мы не оберегали свободу в Южном Вьетнаме. Здесь и не было свободы, которую надо было оберегать».

Эти слова взяты не из статьи или книги прогрессивного журналиста, не из речи политического деятеля — борца против грязной войны американского империализма во Вьетнаме.

Их бросил в лицо агрессорам, всем тем, кто ханжески твердит, будто бы США во Вьетнаме «воюют за демократию», кто кричит о «происках коммунистов» и «заговоре красных», бывший мастер-сержант (одно из старших званий сержантского состава в армии США. — Т. Б.) Дональд Данкен. Он прослужил в американских вооруженных силах более десяти лет, из них полтора года воевал в Южном Вьетнаме. А затем в знак протеста против этой грязной авантюры Вашингтона ушел со службы в армии США.

Приведенные выдержки взяты из публицистической статьи Д. Данкена, опубликованной в феврале 1966 года в американском журнале «Рэмпартс». Статья вызвала в свое время весьма широкие отклики. Наиболее показательным для этой статьи было то, что ее написал очевидец многих самых тайных, самых грязных сторон американской интервенции во Вьетнаме. И этому не приходится удивляться, поскольку автор статьи, бывший мастер-сержант, служил в небезызвестных войсках «специального назначения» армии США, пресловутых частях «зеленых беретов», наиболее засекреченном и привилегированном роде войск, на который правящие круги США и американское военное руководство всегда возлагали выполнение наиболее «ответственных» задач.

Подрывная деятельность империалистов против социалистических стран, в первую очередь против Советского Союза, пиратские действия западных колонизаторов против народов, ведущих национально-освободительную борьбу, принимают сейчас все более широкий размах. В последнее время в США и других странах НАТО все большее распространение получают тенденции включать в эту деятельность не только средства идеологических диверсий — подрывную пропаганду, политический шантаж, дезинформацию, клевету, но и вооруженные диверсионно-террористические операции — от убийств из-за угла до использования специальных воинских подразделений и частей, подготовленных для решения подобных задач. Такие «операции» правящие круги США и американская военная элита широко практикуют в странах Юго-Восточной Азии, особенно в Южном Вьетнаме, а также в странах Африки, Латинской Америки и других районах, где усиливается национально-освободительная борьба народов, где крепнет солидарность патриотических сил. Операции подобного рода проводятся врагами мира и в европейских странах.

Формы контрреволюционной борьбы, в которых сочетаются идеологические диверсии и акты вооруженного террора, политические провокации и боевые действия особо подготовленных воинских формирований, получили в США и других западных странах наименование «специальных операций» или «особых методов ведения войны». Бывший президент США Л. Джонсон, признавая в одном из своих выступлений, что правящие круги Америки уде-

ляют подобным действиям большое внимание, подчеркнул, что «эта другая война» имеет для США такое же важное значение, как и открытая вооруженная борьба «против мирового коммунизма».

Как и агрессивная политика империалистов в целом, «специальные операции» имеют прежде всего антисоветскую, антисоциалистическую направленность. Именно поэтому военное руководство США концентрирует основные силы, предназначенные для ведения «специальных операций», прежде всего вблизи границ социалистических стран.

Для осуществления вооруженных диверсий, организации террористических актов, проникновения в тыл противника в составе вооруженных сил США сформированы части войск «специального назначения». Они представляют собой тщательно подготовленные, отборные формирования парашютистов-десантников, способных вести боевые действия в чужом тылу, выполнять различные секретные задания, проводить карательные операции против национально-освободительных сил и бороться с партизанским движением. Особенностью формы одежды личного состава этих частей является зеленый берет со специальной эмблемой.

В последнее время американская буржуазная печать усиленно рекламирует зеленоберетчиков, называя их «борцами за демократию», «защитниками других народов» и «рыцарями справедливости». Нужно ли говорить, сколь лжива подобная пропаганда! О какой «освободительной миссии» американских диверсантов и террористов из войск «специального назначения» можно говорить сегодня, когда во Вьетнаме им поручаются прежде всего убийства прогрессивных политических деятелей, пытки патриотов, отравление колодцев, сжигание посевов и уничтожение населенных пунктов, жители которых поддерживают национально-освободительные силы.

Использование войск «специального назначения» для выполнения задач такого рода весьма остро ставит перед американским командованием вопрос об отборе личного состава, его особо тщательной подготовке в боевом и в идеологическом отношении.

Части «специального назначения» армии США комплектуются личным составом по долгосрочным контрактам. В этих частях находят приют бывшие граждане

некоторых социалистических стран — изменники и предатели, совершившие политические и уголовные преступления у себя на родине. Американская армейская газета «Арми таймс» писала, что «некоторые подразделения этих войск полностью состоят из иностранцев, проходящих обучение на своем родном языке». В частях «зеленых беретов» самый высокий для вооруженных сил США процент лиц, не имеющих американского гражданства. Конгресс США особым законом разрешил американскому военному командованию в случае необходимости заключать контракт на несение военной службы «с иностранцами и перемещенными лицами, не имеющими гражданства США».

Кроме лиц иностранного происхождения значительное число в войсках «специального назначения» составляют солдаты — уроженцы Америки, хорошо знающие иностранные языки (в первую очередь язык той страны, против которой будет действовать данная часть или подразделение), историю, географию, быт и нравы населения зарубежных стран. В связи с тем что костяк этого личного состава составляют солдаты и сержанты-долгосрочники, в частях «специального назначения» самый высокий для вооруженных сил США средний возраст военнослужащих — свыше 35 лет.

Задачи, которые ставятся перед этими формированиями армии США, определены уставом ФМ 31-21 «Специальные операции». В этом документе указывается, что основу боевых действий «специальных войск» составляют диверсии, саботаж и террор в тылу противника, в первую очередь уничтожение средств транспорта и связи, поджоги, ведение химической и бактериологической войны, сколачивание «партизанских отрядов» из тех слоев и групп населения, которые в той или иной степени недовольны существующим режимом, ведение подрывной пропаганды и распространение клеветнических слухов, осуществление карательных операций в своем тылу.

В конце 1969 года в армии США имелось семь кадровых парашютнодесантных групп «специального назначения» и столько же резервных. Общая численность кадрового личного состава превышает 20 тыс. человек. В США планируют довести ее до 50 тысяч.

Парашютнодесантная группа войск «специального назначения» насчитывает около 1300 человек и состоит из штабной и четырех «специальных» рот. Роты делятся на

отряды, а последние — на команды. Команда, или «подразделение Альфа», — основная боевая единица «специальных войск». Она состоит обычно из 12 человек, в том числе двух офицеров. Командир такого подразделения, которое по численности едва превышает отделение, имеет звание «капитан». Подавляющее большинство его подчиненных — сержанты или специалисты старших категорий, обычно не ниже шестой, то есть «мастер-сержанты». Все они владеют, как правило, двумя-тремя специальностями. В каждой команде обязательно есть разведчики, подрывники, оружейники, радисты, медики, специалисты по ведению подрывной пропаганды.

Опыт ведения боевых действий на вьетнамской земле заставил американское командование пересмотреть структуру подразделений «специальных войск» в сторону дальнейшего повышения их возможности к самостоятельным действиям в отдаленных районах, в длительном отрыве от основных сил. Появились так называемые «объединенные боевые силы специального назначения», в состав которых, как правило, входят группа «специальных войск» и взаимодействующие с ней органы войсковой разведки, инженерного обеспечения, психологической войны, военно-полицейской службы, а также транспортные, медицинские и другие подразделения и специалисты по работе среди гражданского населения. Такие «объединенные боевые силы» действуют во многих районах Южного Вьетнама. По сообщению американского журнала «Арми дайджест», подобные формирования готовятся в США и для других районов мира, где «может потребоваться немедленная американская помощь», то есть где Пентагон решит создать новый очаг международной напряженности.

Из имеющихся в армии США групп «специального назначения» каждая нацелена на строго определенный район земного шара, на конкретные зоны и театры военных действий. На конец 1969 года из семи кадровых групп этих войск четыре постоянно дислоцировались на чужой территории, в зависимых от США странах.

1-я и 5-я группы находятся в Южном Вьетнаме и на острове Окинава. Их личный состав широко используется для ведения «операций в зоне сумерек» против южно-вьетнамских патриотов и Демократической Республики Вьетнам, а также Лаоса и Камбоджи. 8-я группа бази-

руется в зоне Панамского канала и предназначена для ведения диверсионно-террористических операций в странах Латинской Америки. 10-я группа войск «специального назначения» предназначена для действий против народов европейских государств, в первую очередь против Советского Союза и других стран социалистического содружества.

Остальные три группы «специальных войск» дислоцируются в закрытом военном гарнизоне Форт-Брэгг (штат Северная Каролина, США), где находится штаб-квартира различных диверсантов и провокаторов — центр специальных методов ведения войны армии США. Каждая из этих групп также имеет свое конкретное предназначение (Африка, Латинская Америка, Ближний Восток).

Военный гарнизон Форт-Брэгг — центр подготовки личного состава для войск «специального назначения». В боевой подготовке солдат и сержантов этих войск основное внимание уделяется отработке приемов и методов ведения боевых действий в труднодоступной местности, в условиях полного отрыва от своих войск, а также применению «партизанской» тактики и других форм боя в тылу. Важное место занимает индивидуальная подготовка личного состава — физическая, огневая, парашютная. Занятия ведутся в обстановке, максимально приближенной к боевой, таким образом, чтобы солдат чувствовал, что он воюет «в холодных снегах Сибири или болотистых джунглях Южной Азии». Для этой цели созданы специальные полигоны.

В связи с тем что личный состав войск «специального назначения» готовится в первую очередь к ведению диверсионно-террористических операций в тылу противника, к действиям против социалистических стран, командование, помимо тщательного отбора, постоянного политического изучения личного состава и немедленного отчисления «политически неблагонадежных» солдат и сержантов, уделяет первостепенное внимание их идеологической обработке и воспитанию в духе ненависти к народам социалистических стран.

Таковы войска «специального назначения», в которых длительное время служил Дональд Данкен. Он был здесь «своим» человеком (поговаривали даже о том, чтобы аттестовать его на присвоение офицерского звания). Данкен был хорошо осведомлен о подлинном характере

использования этих войск, методах их обучения и подготовке личного состава. Средний американский парень, выходец из обычной буржуазной семьи, он в течение нескольких лет подвергался тлетворному воздействию американской пропагандистской машины и был изрядно напичкан ядом антикоммунизма и ненависти к другим народам. Но шел год за годом, и Дональд Данкен воочию убеждался в лживости наемных буржуазных пропагандистов, нагло утверждавших, что войска «специального назначения» якобы несут «свободу угнетенным народам», что они выступают чуть ли не в роли поборников демократии, защитников цивилизации.

Дональд Данкен завербовался в армию в 1956 году и был направлен на службу в американские войска в ФРГ. Впервые столкнувшись здесь с солдатами в зеленых беретах, он вскоре решил перейти на службу в эти формирования. После перевода в эти войска в 1959 году он был направлен на учебу в Форт-Брэгг.

В учебном центре Данкена поразило большое число иностранцев, особенно эмигрантов из европейских стран. «Их антикоммунизм, — писал он впоследствии, — граничил с фашизмом». Но американскому командованию этого было недостаточно. Оно непрерывно нагнетало антикоммунистическую истерию в частях. «Вся наша подготовка, — говорил Данкен, — была пропитана антикоммунизмом».

В то же время командование всеми способами старалось воспитать у солдат чувство крайнего расизма, шовинизма, ненависти к народам других стран, особенно Советского Союза и других стран социалистического содружества. Солдатам в Форт-Брэгге, по словам Данкена, постоянно внушалось презрение к вьетнамцам.

Особенно настойчиво инструктора в Форт-Брэгге добивались от своих подопечных слепого повиновения командирам и начальникам. Это достигалось тщательно продуманной, отработанной до мельчайших деталей и повседневно применяемой системой подавления личности, практикуемой с особым изуверством в «специальных войсках». Основу системы составляет возведенное в правило глумление над солдатами со стороны сержантов и офицеров, различные издевательства, всевозможные унижительные наказания. Примечательно, например, что в учебном центре, подобно тюрьме или концлагерю, курсанты ли-

шаются имени и фамилии и значатся здесь только под номерами. Даже в разговоре между собой или при докладе командиру называется только личный номер. Данкена на всю жизнь запомнились садизм и хамство сержантов и инструкторов, чудовищный цинизм преподавателей, обучавших его методике проведения допросов, истязаний пленных, убийств.

«Как вы знаете, — учил его один такой инструктор, — все, что мы делаем, — большой секрет. Вы предупреждены о том, что не имеете права разглашать что-либо из того, что узнали здесь. И хочу еще раз подчеркнуть: никто здесь не учил вас и не требовал от вас убивать пленных. Если вы излишне сентиментальны или слабы желудком, то вы совершенно непригодны для нашей работы. В таком случае советую вам немедленно просить о переводе, чтобы потом уже не жаловаться и не подвести других — тех, кто знает, как поступать. Эти мои слова — тоже секрет, тоже военная тайна. Если потребуется, я от них отопрюсь».

Система и методы подготовки личного состава «специальных войск», приемы их идеологической обработки, характер выполняемых заданий — все это еще в учебном центре настораживало Данкена и в какой-то мере способствовало началу его политического прозрения. Но до полного понимания той грязной роли, которую играет американская военщина, ему было еще далеко. Для этого потребовались годы, в том числе полтора года непосредственного участия в операциях «плаща и кинжала» в Южном Вьетнаме.

В 1966 году появилась статья Данкена в журнале «Рэмпартс». Но это уже другой человек. Конечно, нельзя считать, что Данкен полностью встал на демократические позиции и освободился от многих буржуазных критериев и оценок, привитых ему с детства и закрепленных за годы военной службы. Бывший мастер-сержант «специальных войск» и сейчас выступает в роли защитника «американского образа жизни». Данкен еще не понял, что все происходящее в специальных частях американской армии во Вьетнаме является закономерным порождением пресловутой «американской демократии». Пока он лишь осуждает современную политику правящих кругов США, агрессивные действия во Вьетнаме и в других странах, возмущается методами Пентагона и пресловутого амери-

канского военно-промышленного комплекса, милитаризирующего всю жизнь в США.

И все же Данкен — бесспорно сильная и смелая фигура. Уже одно то, что он не побоялся бросить вызов Пентагону, говорит о многом. Результатом такой позиции, его решимости бороться против вьетнамской авантюры американского империализма явилась книга «Новые легионы», предлагаемая советскому читателю в русском переводе.

Вышедшая в 1967 году сначала в США, потом в Англии и других странах, эта книга представляет, несомненно, большой шаг вперед по сравнению со статьей Данкена в журнале «Рэмпартс». Буржуазные рецензенты назвали ее «шокирующим произведением», «одним из самых опасных творений, с которыми Пентагону приходилось иметь дело».

«Данкен, — как указывается в бюллетене «Букревью», — считает, что Америка находится на грани превращения в полностью милитаристское государство... Его книга вполне может стать самым опасным произведением против вооруженных сил».

Действительно, в книге «Новые легионы» есть немало страниц, делающих ее подлинно обвинительным документом против американской военщины и применяемых ею методов.

В книге значительное место отведено показу быта американской военщины во Вьетнаме и в США, рассказу о нравах и настроениях американской казармы, некоторым сторонам воспитания личного состава.

Особым разделом выделяется в книге рассказ о расовой дискриминации в американских войсках, об отношении белых военнослужащих к солдатам-неграм и возникающих на этой почве трениях и столкновениях.

В книге «Новые легионы» в яркой, убедительной форме, на основе многолетних наблюдений очевидца показано, что представляют собой сегодняшняя американская армия и ее отборные части — войска «специального назначения». Показано, на каких принципах строится воспитание этого воинства империализма, к чему его готовят и как используют в разбойничьих войнах и авантюрах.

Все это делает книгу Дональда Данкена интересной и полезной для советского читателя, особенно для наших воинов — защитников Советской Родины, строящей ком-

мунизм, для руководителей групп политзанятий, партийных и комсомольских активистов, пропагандистов и агитаторов.

Не все, конечно, равноценно в этом произведении. В ряде мест весьма остро чувствуется политическая незрелость автора, его недальновидность, неспособность преодолеть пути буржуазной пропаганды и ее антинародные стереотипы. Некоторые оценки и выводы Д. Данкена никак не могут быть приняты советским читателем.

И тем не менее книга «Новые легионы» интересна, а имеющийся в ней фактический материал вскрывает подлинное лицо американского империализма и его военщины — этих злобных врагов человечества, тянущих мир в пучину новой мировой истребительной войны.

Капитан 1 ранга Т. БЕЛАЩЕНКО

I

Слабый свет утренних сумерек, с трудом пробиваясь в узкие щели между зданиями, падает на пустую в этот час улицу. У входа в дом из потемневшего от времени кирпича толпятся люди. Большинство из них — молодые парни с новенькими чемоданчиками, чем-то напоминающими рождественские подарки. На парнях короткие куртки «Айк», широкие спортивные брюки, пальто спортивного покроя, спортивные рубашки, белые рубашки с галстуком, модные полуботинки, теннисные туфли или ботинки на резиновой подошве. Полные и низкорослые, высокие и тощие подростки, только что ставшие «взрослыми», только что окончившие среднюю школу. Каждый по-своему индивидуален, у каждого свои особенности характера. Но все они оказались здесь под влиянием сил, так же не подвластных им, как не подвластно никому поднимающееся над горизонтом солнце.

Каждый молодой человек — остров, потому что его окружает плотное кольцо из родителей, бабушек и дедушек, младших братьев и сестер, подруг, а то и жены, или, если у него нет таковых, вокруг него пустота. Все эти островки еще не знают друг друга, еще не нашли общего языка. Те, возле которых нет провожающих, курят сигарету за сигаретой и сосредоточенно рассматривают под ногами выщербленный бетон, чтобы не оказаться невольным свидетелем эмоциональных сцен прощания. Те же, которых окружают родные и знакомые, неестественно громко смеются и разговаривают, по-видимому, тоже для того, чтобы избежать излишних эмоций. Младшие братья смотрят на старших с завистью, а те, в свою очередь, с беспечным видом стараются показать, что они стоят такой зависти, что все это им не ново и что они переживают такие минуты чуть ли не каждый божий день. Лица подруг выражают смешанные чувства стойкости и печали, на лицах жен — опасение и гордость, отцы нарочито

грубоватым голосом наказывают своим отпрыскам быть мужественными, матери то и дело вытирают набегающие слезы — им, как и всем матерям, не хотелось бы отпустить своих сыновей в неизвестный мужской мир. Картину дополняют два автобуса, которые стоят у панели, злоеще напоминая о предстоящей разлуке.

То в одной группе, то в другой раздаются голоса:

— Мам, я же не донесу все это. Меня накажут там... сразу же, как только мы приедем туда...

— Рут, мы поженимся сразу же, как только я вернусь... Там не будет холодно. Мы ведь едем на юг.

— Пошли-ка ты их к черту, сынок...

Помимо тех неподвластных сил, что привели их сюда в этот день и час, было и еще одно, общее для всех чувство: независимо от того, предпочитал ли тот или иной из них, чтобы расставание длилось как можно дольше, или желал скорейшего окончания этой сцены, все они, и провожающие, и провожаемые, чувствовали себя как-то неловко. Поэтому, когда одна из дверей кирпичного здания с шумом распахнулась и в ней появился человек, все сразу же, со смешанным чувством нежелания и в то же время облегчения, прекратили разговоры.

Низкорослый, какой-то помятый человек в синем форменном костюме поправил очки, вяло пошуршал небольшой пачкой бумаг и, видимо для придания важности своей персоне, откашлялся. В этот момент и на этом месте этот ничем не примечательный в другое время и в другом месте человек являлся олицетворением распоряжений, исходящих от тех самых никому не подвластных сил, которые привели всех сюда.

— Джентльмены, прошу внимания, — обратился человек к собравшимся. — Когда я назову ту или иную фамилию, тот, кому она принадлежит, в ответ называйте, пожалуйста, свое имя и первую букву отчества и после этого садитесь в первый автобус. Аарон... Эйблс... Ачесон... Албо... Брэдшо... Брайт... Калверт... Кэмпби... Дэймонте... Димарко... Данкен...

— Дональд, дабл-ю! — крикнул я и направился к первому автобусу.

День зачисления на военную службу по призыву.
Рочестер, штат Нью-Йорк. 27 декабря 1954 года.

Утомительный переезд в автобусе из семьдесят третьей участковой призывной комиссии в Рочестере на учебный пункт в Буффало. Автобус заполнен незнакомыми ребятами. Такими же, как я. Каждый думает о чем-то своем. (Почему это называется воинской повинностью для отдельных граждан?) В отличие от дежурного в помятой синей форме на призывном пункте в Рочестере в Буффало к нам вышел дежурный в тщательно отутюженной форме оливково-серого цвета с двумя шевронами на каждом рукаве. Здесь уже находились группы призывников, прибывшие раньше нас.

— Джентльмены, сейчас я зачитаю список. Услышав свою фамилию, становитесь в шеренгу вот здесь, вдоль этой линии на асфальте. Аарон... Эйблс...

— Повернитесь направо, джентльмены, и следуйте за мной...

— Джентльмены, на столе лежат бланки... Нет, нет, пока их не трогайте... На стене перед вами висит увеличенный образец заполненного бланка. Я объясню, как заполнять графы... Подождите, джентльмены, не торопитесь вписывать что-либо без объяснений... В первой графе, где стоит «дата», напишите сегодняшнее число. Сегодня двадцать седьмое декабря тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года. Во второй графе напишите сначала фамилию, потом имя, потом отчество... Повторяю...

Усваиваю первый урок: отныне я должен писать не «декабрь 27», а «27 декабря».

— Джентльмены, теперь повернитесь налево и следуйте за мной...

— ...Снимите с себя все, кроме трусов. Возьмите с собой ваши бумажки.

Эти наставления нам дает уже другой дежурный, с четырьмя нашивками на рукавах...

— Подойдите каждый сюда, возьмите по пузырьку и идите в уборную, которая находится вон там, налево... Наполните пузырьки, возвращайтесь с ними сюда и вставайте в строй...

Толчая, шум, ругань, запах аммиака. Держа теплый пузырек в руках и отводя смущенный взгляд в сторону, каждый послушно возвращается в строй. В пузырек бросается таблетка... Дежурный проверяет реакцию... Потом снова в уборную — опорожнить пузырьки. Снова толчая, ругань... Снова в строй.

— Джентльмены, выровняйте ноги по линии. Положите ваши бумажники на пол, около правой ноги. Сейчас будет медицинский осмотр...

Белые халаты... стетоскопы... постукивание пальцами... «скажи «а-а-а»... осмотр глаз, ушей... запах пота на нервной почве...

Начало посвящения в строго организованную жизнь. Освобождение от неформенной одежды и других гражданских признаков и качеств. Постукивание и похлопывание холодными пальцами... Осмотр каждого безразличным взглядом... Мы переходили из одной очереди в другую, строились то в одну, то в другую шеренгу в соответствии с дьявольски задуманным планом. Разговоров и тем более смеха с нашей стороны было мало. Те же, кто участвовали в этих сценах одетыми, разговаривали между собой так, словно нас здесь не было или будто мы не могли слышать их. Словно безъязыкие обитатели дома сумасшедших, мы молча пялили глаза на пол. Полные и низкорослые, высокие и тощие подростки, только что ставшие «взрослыми», только что окончившие среднюю школу... Каждый из нас вошел в здание как индивидуум, как личность. А теперь здесь столько же обнаженных тел, сколько вошло индивидуумов, и каждый готовится сделать следующий шаг по направлению к тому, чтобы стать наименьшим общим знаменателем — новобранцем американской армии.

Наконец нам приказали одеться. Новые построения, новые «следуйте за мной», новые дежурные, новые проверки по спискам. Мы снова в комнате для смотра и осмотров. Деревянная подставка с торчащим из нее американским флагом выдвинута на середину комнаты.

— Сейчас под руководством офицера вы дадите присягу как военнослужащие американской армии. Призывники, не являющиеся гражданами Соединенных Штатов Америки, не обязаны давать воинскую присягу. Те, кто предпочтет не давать присягу, будут направлены в ближайший порт в сопровождении персонала иммиграционной службы.

Человека с шестью нашивками на рукаве заменяет человек с серебряными полосками на плечах.

— Тех, кто желает поступить на военную службу в американскую армию, прошу сделать шаг вперед...

Призывники вынуждены принять «предложение», ина-

че им грозит заключение в тюрьму. Большинство понимают это противоречие, однако делают шаг вперед к подставке с флагом — символу Соединенных Штатов и конституции этого государства.

— Примите стойку «смирно» и поднимите правую руку. Повторяйте за мной...

Так обстоит дело с невольным порабощением и тринадцатой поправкой к конституции США. Комната, в которой все это происходит, — немой свидетель еще одной сцены массового цинизма.

Солдаты. Рядовые. Звание, несомненно, заслуженное, поскольку все прошли тщательный публичный осмотр.

Снова переходы неорганизованной толпой из комнаты в комнату, чтение списков, ожидание... Солдаты (теперь мы уже удостоены этого звания) собираются в группы, заводят разговоры. Некоторые окружают человека с пятью нашивками, задают ему вопросы относительно своего будущего. Кто-то переходит из одной группы в другую. У всех важный вид. Большинство испытывает чувство беспокойства в связи с действительно предстоящими или только воображаемыми испытаниями. Некоторым они представляются веселыми приключениями, другим — тяжелой необходимостью. Эти последние предпочли бы сейчас снова оказаться дома, в семье, но поскольку их заставили быть здесь — скорей бы уж все начиналось.

Кипы бумаг, рождающихся в неведомых местах, переходят к человеку в военной форме, с короткой стрижкой и в начищенных до блеска ботинках. Что это за бумаги и когда прекратится их движение — тайна, но мы инстинктивно чувствуем, что они содержат планы, касающиеся нашей жизни, тех ее аспектов, которые нам неподвластны.

Пачка размноженных на мимеографе бумаг заканчивает свое путешествие на столе человека с пятью нашивками. Все разговоры внезапно прекращаются. Бросив взгляд на бумаги, человек этот объявляет, что «джентльмены» будут направлены в Форт-Нокс в штате Кентукки. Сказав это, он передает копии обезличенных приказов.

— Аарон... Ачесоп...

Интересно, почему не выкликают Эйблса?

Я посмотрел на копию врученного мне приказа: «UP AR... fol rsg... sta... ALOC... BPED... ETS... EDCSA».

Это, несомненно, секретный код, который введет в заблуждение вражеских шпионов. После этого шел длинный список фамилий... А вот и моя: «DUNCAN DONALD W. E-1 (гст)... US 51 337 577». Звучит вполне официально. Теперь я государственная собственность и в доказательство этого мне присвоен порядковый номер.

Уже стемнело, когда нас привели к поезду, который должен был направиться в Форт-Нокс. Последнее, что мы видели на здании, перед тем как уйти в темноту ночи, — это плакат, на котором изображен солдат в племе, прижимающий к животу что-то похожее на узел с бельем для прачечной и пытающийся влететь в комнату ногами вперед. Надпись из заглавных букв гласила: «СЛУЖБА В ВОЗДУШНОДЕСАНТНЫХ ВОЙСКАХ АРМИИ США — БОЛЬШАЯ ЧЕСТЬ».

II

Восемь человек. Не так уж много, если попадем в какой-нибудь переплет. Восемь человек в районе, занятом вьетконговцами¹, районе, где, если верить донесению J-2, даже восемьдесят вряд ли что-нибудь сделают. Наша единственная надежда — осторожность и скрытность, но для этого и четырех человек уже много. Раздается звонок. Вертолет устремляется вверх. Все оставшиеся внизу, на земле, исчезают в облаке пыли. Постепенно разворачиваемся вправо. На некотором удалении показывается следующий за нами еще один Н-34.

Бросаю взгляд на Хоа, лейтенанта вьетнамской армии, который сидит рядом со мной в дверном проеме. Он рассматривает карту. Вожак он посредственный, но зато хорошо знает джунгли и, что еще важнее, сознает свои слабые стороны и поэтому позволяет Бокси², сержанту медицинской службы, руководить группой. Как обычно, Бокси располагается позади меня на расстоянии вытянутой руки. По соседству с ним, у самой двери, на парусиновой раскладушке сидит Грэйди, мой помощник, американец. Из-под ворота его рубашки виднеется мягкая маскировочная шляпа: как и все мы, он запихнул ее за

¹ Так в буржуазной печати называют патриотов Южного Вьетнама, солдат Народных вооруженных сил освобождения. — *Прим. ред.*

² Американизированное «Bac-si» — по-вьетнамски «доктор».

пазуху, чтобы не потерять, когда после высадки над нами пронесется воздушный вихрь от работающего винта вертолета. Грэйди — коренастый парень, успевший отрастить небольшое брюшко. Падающий на его высокий лоб свет отражается, как от зеркала. С ним на задание я иду впервые, однако неоднократно слышал о нем хорошие отзывы. Почувствовав на себе мой взгляд, он отвечает кривой улыбкой — признак контролируемой нервозности.

Остальное пространство в передней части кабины занимают четыре вьетнамца — вторая четверка нашей группы. Они сидят в самых различных позах, устроившись каждый по-своему, так, чтобы освободить плечи от тяжести торчащих за спиной рюкзаков. Я знаю радиста и маленького монтаньяра, выполняющего роль наводчика. Как и Бокси, горец неоднократно ходил со мной на такого рода задания. Два других вьетнамца введены в состав группы перед самым вылетом. Однако и они, хотя и новички, несмотря на неудобства, расположились в носовой части кабины, чтобы не нарушить центровку вертолета. Подав им ободряющий знак большим пальцем правой руки, улыбаюсь. Они отвечают мне тем же, а Бокси, обнажив в широкой улыбке свои золотые зубы, хлопает меня по плечу.

Упершись спиной в рюкзак, усаживаюсь поудобнее, чтобы не затекли ноги. Воздух на такой высоте довольно прохладный. Под монотонный гул мотора каждый из нас думает о своем. Переплет? Разве избежишь его, если мы идем в район, занятый вьетконговцами, как раз для того, чтобы установить, сколько их там? Судя по опыту прошлого, ответы на интересующие нас вопросы можно получить только в перестрелке. Долго ли такие вылазки будут проходить безнаказанно? Пожав плечами, я начинаю заниматься проверкой комплекта в своем рюкзаке и магазинов к автомату. Потом мысленно возвращаюсь к поспешно проведенному инструктажу перед вылетом на задание.

Звонок. Летчики сообщают нам, что вертолет находится над районом наших действий. Я быстро сажусь, чтобы осмотреть местность, где нам предстоит провести следующие четыре-пять дней. Ничего примечательного: два голых горных хребта, почти параллельных друг другу, торчащих на фоне джунглей. Протянувшись с севера на восток и несколько сближаясь в южной части, они окайм-

ляют шестимильную долину, которую нам предстоит разведать. Я невольно поеживаюсь. Мне много доводилось летать над местностью, похожей на эту, но она всегда выглядит какой-то особенно зловещей, если ты знаешь, что вскоре тебе придется пробираться где-то там, внизу, сквозь густые заросли джунглей. Что скрывается за этими верхушками деревьев? Сколько враждебных глаз следят за полетом нашего вертолета? Что происходит там, в южной части долины, откуда поднимаются столбики дыма? С высоты шестисот метров невозможно увидеть, что происходит под этим темно-зеленым покровом.

Каждый из нас снова упирается спиной в рюкзак. Пройдет еще по меньшей мере минут тридцать, прежде чем мы высадимся. Вертолет сейчас улетит из этого района и не вернется сюда до наступления сумерек. Причем мы вернемся сюда с другого направления. Я достаю карту и в который уже раз после инструктажа изучаю ее, стараясь запомнить каждую деталь. Кое-что на карте не соответствует тому, что я видел минуту назад. Я снова поеживаюсь: карты, видно, никогда не бывают достаточно точными. Старший пилот касается моего плеча и показывает через дверь на деревню, половина домов которой горела, — обычная картина в этом районе боевых действий...

Темнеет довольно быстро. Ждать остается недолго. Как бы в ответ на наши мысли вертолет кренится вправо и начинает терять высоту. Каждый из нас в который уже раз осматривает оружие. Пальцы левой руки ощупывают магазины и, скользя вперед, сжимают рукоятку. Пальцы правой руки привычно двигают затвор. Голова наклонена вперед — надо убедиться в поступлении патрона в казенную часть. Затвор и затворная рама на месте, предохранитель установлен на безопасное положение. Еще одно движение левой руки к магазину — магазин на месте. Последнее подергивание лямок и ремешков... Затем напряженное, молчаливое ожидание. Неожиданно для себя замечаю, что одежда у меня влажная от пота, а на высоте шестьсот метров жарко не бывает. Вот уже и верхушки деревьев. Становится теплее. Когда деревья проносятся под нами со скоростью восьмидесяти узлов, я инстинктивно встаю.

Под нами мгла джунглей. Мышцы на животе невольно сжимаются. Вовремя ли мы высаживаемся, чтобы ока-

заться в центре долины? Наклонившись вперед, поворачиваюсь лицом к ветру и напряженно всматриваюсь, рассчитывая определить зону высадки. Напрасно. Но я не разочарован. Это должна быть небольшая зона, совсем не похожая на те, к которым привыкли американские летчики, высаживающие десантные войска. Вьетконговцы вряд ли ожидают, что здесь может появиться вертолет, да еще ночью. Позади нас, на фоне лучей скрывшегося за горизонтом солнца маячит силуэт Н-34, доставляющего группу Мэнни в другой район.

Из-за толчка после потери поступательной скорости все мы с трудом удерживаемся на ногах. Кабина начинает вибрировать. Мы быстро приближаемся к земле. Неожиданно под нами появляется высокая трава, которую прижимает к земле воздушный поток вращающегося винта. Кто-то похлопывает меня по плечу. Это Бокси. Освобождаемся от привязных ремней. Мы с Хоа покидаем вертолет первыми. Что за чертовщина?! Под травой — вода! И ее много. Носки сразу же делаются мокрыми. Пошатываясь, мы пытаемся пройти вперед. Ноги вязнут в воде, а воздушный поток бьет с такой силой, что подгибаются колени. Летчик не хочет садиться на такой грунт, поэтому гидравлические амортизационные стойки все еще выдвинуты, а винт работает на полную мощность. Мы останавливаемся, чтобы пропустить вперед Бокси и проводника-наводчика. Хоа напряженно всматривается в темноту, а я поворачиваюсь лицом к вертолету. Последним должен сойти Грэйди. Мельком вижу синее выхлопное пламя пролетевшего над нами вертолета с группой Мэнни. Хочется надеяться, что его шум отвлечет внимание наблюдателей и им не придет в голову, что другая машина высаживает людей. Когда Грэйди появляется в проеме двери, я делаю ему знак большим пальцем правой руки — мол, все в порядке. Его ноги еще не успевают коснуться грунта, а вертолет уже отрывается от земли и ложится в кильватер прошедшему над нами. Изменивший направление поток воздуха сваливает с ног вьетнамца, идущего впереди Грэйди. Вертолет оставался внизу не более четырех секунд, а еще через несколько секунд после того, как он улетел, мы уже все собрались.

Держась рукой за рюкзак впереди идущего, идем к стоящим неподалеку деревьям. Темнота — хоть глаз выколи. Я не вижу ни рюкзака, за который держусь, ни

даже своей руки. Жуткая тишина, особенно для слуха, привыкшего к гулу мотора. Учащенное сердцебиение. Дойдя до деревьев, останавливаемся. Сейчас самый критический период. Пройдет по меньшей мере полтора часа, прежде чем мы установим радиосвязь с базой. Но если сейчас что-нибудь случится, и даже если на базе узнают об этом, нам вряд ли смогут помочь. Сейчас все преимущества на стороне противника.

Как и всегда, нащупав в темноте щетину на моем лице, ребята собираются вокруг меня. Щелчок — и руки невидимого в темноте Хоа освещаются слабым отблеском светящегося циферблата компаса. От ребят пахнет потом. Значит, они нервничают не меньше меня. Компас Хоа показывает предлагаемое им направление нашего марша. Я сравниваю показание его компаса со своим, затем медленно разворачиваю свой компас и устанавливаю совсем другое направление. Описав над светящимся циферблатом дугу против направления движения солнца, я резко отдергиваю указательный палец в сторону и показываю таким образом, куда нам идти. Через несколько секунд циферблат компаса Хоа исчезает: мое предложение принято. Хоа притягивает к себе проводника-наводчика и такими же жестами объясняет ему направление движения. Проводник сразу все понимает. Прислушавшись еще раз и не обнаружив никакого шума, мы начинаем путь по большой дуге, охватывающей место нашей высадки. Первым идет маленький горец, за ним Бокси, потом Хоа, я, радист, Грэйди и двое новеньких — вьетнамцев. Идем очень медленно. То и дело останавливаемся и прислушиваемся: нет ли какого-нибудь шума.

Наконец я слышу шум воды. Обнаруживаем горный ручеек. Слишком маленький, чтобы служить источником питьевой и санитарной воды для противника, но зато это отличный ориентир для нас при подъеме в горы и обходе болот. Ноги мы промочили еще при высадке, поэтому идти по ручейку не так уж страшно.

Идем по нему с полчаса. Потом резко сворачиваем влево, в густые заросли. Пройдя метров тридцать, останавливаемся на отдых. Располагаемся небольшим кругом. Через несколько минут моего плеча касается чья-то рука. Это Бокси. Путая французские, английские и вьетнамские слова, он шепчет мне на ухо: один из новичков вьетнамцев потерял карту, на которую он, если следо-

вал обычной практике, должен был напести границы подлежащего разведке района, место высадки и вероятный маршрут обхода. Вьетнамец не знает, где и когда он потерял карту. Возможно, в момент падения, когда его сбило воздушной волной от винта улетавшего вертолета, а возможно, позднее, на переходе. Практика показала, что растерянность в момент опасности никогда не приводит к хорошему. Бокси спрашивает, нужно ли возвращаться и искать карту. Услышав, что не нужно, вздыхает с нескрываемым облегчением: ночью ее все равно не найти. Хоа хочет знать, как мы должны поступить. Он, конечно, хотел бы услышать от меня, что теперь проводить операцию не имеет смысла и что поэтому следует просить базу о присылке вертолета для обратной переброски группы. Но прежде чем я успеваю ответить, слышится выстрел. В руках у всех, как по сигналу, вспыхивают циферблаты компасов. Решение принял за нас Чарли¹. Выстрел раздался в той стороне, где мы высадились с вертолета.

Мы продвигаемся вперед еще минут двадцать, потом описываем большой круг и останавливаемся. Решаем провести здесь остаток ночи. Снова располагаемся тесным кругом. Я усаживаюсь рядом с Грэйди, чтобы толкнуть его, если он захрапит: звука, подобного храпу, джунгли не знают. Бокси убеждается в том, что каждый из нас знает, где находятся остальные семь человек, и напоминает всем место сбора на случай, если ночной бой с противником разбросает нас.

Я снимаю рюкзак и достаю плащ-палатку и радиостанцию НТ-1. Укрывшись плащ-палаткой, пишу радиодонесение светящейся слабым красным светом самопишущей ручкой. После этого снимаю ботинки и выжимаю носки. К утру они должны высохнуть. Как это ни странно, но пиявок присосалось ко мне очень мало. Противомоскитная мазь, видимо, отталкивает и пиявок. Накидываю на себя черную нейлоновую куртку. Через короткое время для радиосвязи с нами где-то по соседству должен появиться самолет.

Неожиданно раздаются одиночные выстрелы. Все садятся и открывают свои компасы. Убеждаемся еще раз: стреляют в том месте, где мы высадились. Это известная нам уловка вьетконговцев: стрелять наобум, вызвать от-

¹ «Charlie» — противник (ам.).

ветный огонь и определить таким образом, где находится противник. Нашли нашу карту? Если нет, то они лишь предполагают, что здесь кто-то находится. Однако не исключено, что карта попала им в руки. Тогда они будут считать, что мы где-то совсем близко, и утром начнут искать нас. В любом случае вьетконговцы ночью далеко не пойдут, если не нападут на верный след.

Слышится отдаленный гул мотора С-47. Это наш самолет для радиосвязи. Забравшись под плащ-палатку, включаю рацию и три раза нажимаю на передающий ключ. Голоса своего не подаю, пока не убеждаюсь, что связь есть. Через несколько секунд слышу громкий голос, заставивший меня вздрогнуть:

— «Подсолнечник-один!» Я «Позолоченная клетка». Как слышишь меня? Прием.

Я зажимаю микрофон между ладонями и хрипло шепчу:

— Я «Подсолнечник». Тебя слышу. Как слышишь меня? Прием.

— Я «Позолоченная клетка». Слышу тебя пять на пять¹. Давай донесение. Прием.

Стараясь произносить слова как можно яснее и четче, передаю координаты нашего местонахождения и вероятное направление перехода. Намеками рассказываю о потере карты и выстрелах противника. В конце сообщаю, что будем продолжать выполнять задание. Передаю все это одним духом, без перерыва. Несмотря на рекомендации не практиковать передач такого рода, считаю, что поступил правильно.

— Как меня понял? Прием.

— Я «Позолоченная клетка». Зачитываю донесение... Удивительно: впервые обошлось без повторов.

— Если все правильно и у тебя больше ничего нет, подтверди двойным нажатием ключа... Понял. Для передачи больше ничего нет. Выключаюсь, — закончил голос с самолета.

Убрав рацию, подкладываю рюкзак под голову и ложусь отдохнуть. Пистолет кладу на живот, правая рука — на рукоятке. В голове проносятся события нескольких последних часов после высадки. Проклятая карта!.. Что на ней нанесено? Очень плохо, если там обозначено ме-

¹ Хорошо.

сто нашей высадки: теперь его нельзя использовать для обратной посадки на вертолет в случае необходимости. Карта. А что, если на ней обозначены границы района, который нам предстоит разведать? Карта... границы... Черт возьми! В этом-то и я заметил расхождение. Когда смотрел с воздуха, горные хребты, являющиеся границами нашего района, сближались на юге совсем немного. А контуры линий, обозначавшие на карте хребты и склоны, сходились и почти касались друг друга у ручейка между хребтами. Склоны гор, должно быть, скрывались деревьями и богатой растительностью. Ширина долины в том месте, где мы находимся, около трех миль, а дальше к югу долины закрывают сходящиеся хребты гор. Нам предстоит идти на юг, но, по-видимому, мы не найдем там места для посадки вертолета, пока не проберемся еще южнее мили на две. Если Чарли нашел нашу карту и знает, где мы находимся, то мы в ловушке.

Это обстоятельство подсознательно беспокоило меня в течение всего периода после инструктажа, но я не обнаружил этой мышеловки во время утреннего ознакомительного полета. Похоже на то, что придется очень тщательно изучать карту и местность, чтобы выйти из этого положения. Когда знаешь о ловушке, избежать ее легче. Надо подумать над тем, где противник скорее всего хлопнет ее. Как только рассветет, надо хорошенько изучить карту... Я в последний раз прислушиваюсь и начинаю дремать. Предрассветные шумы джунглей разбудят меня. Да и храп Грэйди неплохой будильник.

Лежу с открытыми глазами. Темно. По тому, как дышит Грэйди, чувствую, что он тоже не спит. Прислушиваюсь. Шуршание. Это падает большой лист. А вот сначала звонкие щелчки, потом глухой удар. Цепляясь за сучки, слетел вниз орех. Ночные животные притихли. Минут через тридцать начнут щебетать дневные птицы. Не сдвигаясь с места, сажусь и осторожно подтягиваю к себе рюкзак: хочу переодеться. Снимаю теплую нейлоновую куртку, и меня сразу бросает в дрожь. Мокрая от пота рубашка превратилась в холодный компресс. Снимаю ее и запикиваю в рюкзак. Снова надеваю куртку. Вытащив из-под себя плащ-палатку, заворачиваю рацию и тоже кладу в рюкзак,

Затянув ремни на рюкзаке, тихонько толкаю в плечо Грэйди. Дрожа от холода, он похлопывает меня по руке в знак того, что понял. Бокси позаботился о том, чтобы расшевелить остальных. Достаю из бокового кармана рюкзака полиэтиленовый мешочек с вареным рисом. Кладу в него ломтики сушеного ананаса и немного сахара. Все это разбавляю водой из пластмассовой фляги. Чтобы не налить в темноте лишней воды, опускаю в мешочек средний палец левой руки. Положив флягу на место, скручиваю мешочек «фунтиком», перевязываю его короткой резиновой тесьмой и кладу в карман рюкзака. То с одной, то с другой стороны доносятся голоса первых птиц. Становится чуть светлее: я уже вижу смутные очертания Грэйди. Медленно и беззвучно двигая сухой щеткой под сомкнутыми губами, пытаюсь почистить зубы. С трудом удерживаюсь от острого желания откашляться. Это запрещенная роскошь и настоящая пытка, особенно для такого курильщика, как я. Две соленые таблетки и глоток воды. Положив в рот леденец, осторожно передвигаю рюкзак на прежнее место позади себя. Просунув руки под плечевые лямки, откидываюсь на рюкзак. Можно отдохнуть еще несколько минут. Уже видны силуэты деревьев. Наступают утренние сумерки. Скоро надо будет отправляться в путь.

Постепенно все мы встаем. Восемь человек. Каждый напряженно прислушивается. Птицы уже поют вовсю. Все мы поворачиваемся спиной к центру круга — за маленькой нуждой. Повернувшись, замечаю на себе вопрошительные взгляды Бокси, Хоа и проводника. Показываю рукой на джунгли, в юго-восточном направлении. Бокси и Хоа хмурятся, но кивают в знак согласия. Они знают, что позже я все объясню. Все мы находимся на видимости друг у друга. То и дело приходится распутывать лианы. Лицо и уши царапают надоедливые колючки. Рубить или резать нельзя. Терпение. Никаких лишних движений, никаких рывков, если тебя хлестнет или зацепит ветка. Освобождайся от нее свободной левой рукой или жди, пока тебе поможет идущий сзади. Как и всегда, меня поражает, что никто из нас в темноте не поломал себе ноги.

Идем мы медленно, увеличивая, по мере того как расцветает, расстояние друг от друга. Джунгли становятся зелеными, видимость увеличивается до нескольких мет-

ров. Девяносто минут непрерывного движения. Останавливались только для того, чтобы послушать джунгли.

Наконец мы останавливаемся. Бокси, проводник и два наших новичка исчезают в кустарнике. Остальные опускаются на колени в ожидании их возвращения. Оружие у всех наготове. Через десять минут Бокси возвращается с поднятым кверху большим пальцем. Они не обнаружили поблизости ни троп, ни следов, ни подозрительных звуков. Мы сразу же выставляем трех наблюдателей.

Бокси и Грэйди помогают радисту натянуть длинную антенну для большой рации, а мы с Хоа шепотом совещаемся. Карта подтверждает мои опасения. Положив карту на землю и пользуясь прутиками, прокладываю на ней наш путь вокруг места высадки. Нам надо повернуть на восток, затем подняться по склону у ручья и идти в северо-восточном направлении к месту ночлега. Я показываю место, где, по моему мнению, мы находимся в настоящее время. Нахмуренные брови Хоа говорят о том, что он не согласен со мной. Длинным ногтем на мизинце левой руки он показывает другое место. Но мы не спорим: каждый из нас может ошибаться. Я высказываю Хоа свои опасения в связи с отсутствием мест для посадки вертолета, узкостью прохода в южной части долины и предположения, где нам могут устроить засаду. Несмотря на языковые трудности, он быстро понимает меня. Я предлагаю путь, который пересекает долину по диагонали. Мы приходим к выводу, что наиболее вероятными местами засады могут быть участки вдоль двух пересекающих долину ручьев. Они соединятся в небольшую речку, которая устремляется на юг. Западные склоны гор, по-видимому, окажутся для нас наиболее безопасными.

Хоа направляется к рации, чтобы вместе с Бокси набросать радиодонесение. Радист будет передавать радиogramму ключом, а не голосом, как это делал ночью я. Так безопаснее, и к тому же можно сообщить детали. Грэйди помогает мне, а я ему достать из рюкзака мешочек с рисом. Развязав мешочек, прикладываю его к губам и выдавливаю в рот клейкую массу. Запиваю двумя-тремя глотками воды. Завтрак состоялся.

Мы закуриваем, и я шепотом повторяю Грэйди то, о чем говорил с Хоа. Правда, я не говорю ему, как не сказал и Хоа, что, если к обеду мы не сумеем определить

свое местонахождение, нас ждут большие неприятности. Надо во что бы то ни стало точно узнать, где мы находимся. Ошибка на пятнадцать метров в этом ущелье может оказаться для нас гибельной.

Закончив завтрак (вьетнамцы завтракали сушеными креветками с рисом) и упаковав рацию, мы приготовились двинуться дальше.

Бац!

Все мы, как один, поворачиваемся на звук выстрела и приседаем на колени. Учащенное сердцебиение... Взгляды устремляются в джунгли... Уши наостроены на звук раздвигающихся веток. На выстрел никто не отвечает: результат тренировки или страх? Выстрелили, кажется, где-то рядом, но не так уж близко, минутах в двадцати ходьбы по нашему следу в обратном направлении. Вопросительно смотрю на ребят. Каждый отрицательно качает головой. Никто не может сказать, что этот странный выстрел был направлен в него. Охотник? Хотелось бы верить в это. Мы тихо поднимаемся и продолжаем свой путь.

Несмотря на крайнюю осторожность, то один, то другой из нас наступает па сучок. Слышится хруст. Успокаиваем себя тем, что такие звуки далеко не распространяются. Продвигаемся довольно быстро. Ветки и колючки на этом отрезке пути уже не так безжалостны к нам. Одежда пропитана потом. Соленый пот щиплет глаза. Даже с вьетамцев пот льет градом. Минут через пятьдесят останавливаемся, не нарушая порядка движения. Продолжаем находиться на достаточном удалении друг от друга.

Две соленые таблетки и глоток воды. Воду надо беречь. Ко мне подходит Хоа с развернутой картой. Я достаю из кармана брюк свою и несколько минут рассматриваю ее.

— Думаю, что мы находимся вот здесь, — шепчу я и показываю место на карте.

— Нет. Я уверен, что мы вот здесь, — возражает Хоа, показывая погтем другое место на карте, примерно на полквadrата дальше к осевой линии ущелья.

Кто же из нас прав: я или он? Может быть, он преувеличивает расстояние из-за усталости? Истину надо установить как можно быстрее.

— Хоа, скажи ребятам, чтобы экономнее расходовали.

воду. Если вьетконговцы знают, что мы здесь, они будут ждать нас у источников воды.

Вряд ли мне нужно было предупредить его об этом. Хоа уже поговорил с ребятами.

Продолжаем путь.

Бац!

Резкий поворот. Взгляды впиваются в джунгли. Опять только один выстрел в двадцати минутах ходьбы от того места, где мы находимся. Смотрим друг на друга. На лицах — никаких эмоций. Сомнений теперь нет: нас кто-то преследует. Выстрел произведен для того, чтобы известить находящихся впереди о нашем продвижении.

Возобновляем движение.

Заросли на нашем пути становятся более густыми, больше острых колючек, ветви деревьев, сцепившись друг с другом, спускаются до самой земли. Теперь мы больше ползем. Черт бы побрал эти шиши и колючки! Их тысячи и тысячи. За час мы пробиваемся сквозь них не более чем на пятьдесят метров. Меняем направление. Уклоняемся к юго-западу. Бокси видит в этом даже преимущество: вьетконговцы не пойдут за нами через такую чащу. Определив направление нашего движения, Чарли пойдет более легкой дорогой, так как будет уверен, что схватит нас позднее, в другом месте.

Мы часто останавливаемся из-за усталости. У меня мелькает мысль, что, если бы это была съемка для какого-нибудь кинофильма-боевика, мы прокладывали бы путь с помощью тесаков или тростниковых косарей. Но отсюда до Голливуда далеко. Смотрю на часы: подходит время связи. Приближаюсь к Хоа и показываю на небо. Он передает по цепи. Все не без удовольствия останавливаются, потому что сильно устали.

Хоа вытаскивает из моего рюкзака рацию НТ-1. Я надеваю наушники и включаю приемник. Пока слышен только треск. Вытягиваю уставшие ноги. В телефоне появляются приглушенные голоса. Видимо, кто-то из самолета разговаривает с группой Мэнни в соседнем районе. Тишина. Через некоторое время слышу звонкий голос:

— «Подсолнечник-один». Я «Позолоченная клетка».

Прием.

Дважды медленно нажимаю на ключ.

— «Подсолнечник-один». Я «Позолоченная клетка».

Имеешь что-нибудь для меня? Прием.

Снова дважды нажимаю на ключ.

— Ясно, «Подсолнечник». У тебя есть сообщение, но ты не хочешь передавать сейчас. Если это правильно, повторю последний сигнал дважды. Прием.

Два нажима. Пауза... Еще два нажима.

— Ясно, «Подсолнечник». Прилечу для внеурочной связи один-три-ноль-ноль. «Позолоченная клетка». Конеч.

Видно, тот же самый радист. Хороший парень. Надо будет не забыть похвалить его, когда вернемся. Рацию — в рюкзак. Продолжаем путь. Напряженно прислушиваемся. Никаких выстрелов. Неужели мы перехитрили Чарли?

Один раз позволяем себе остановиться и передохнуть. Теперь продвигаемся несколько быстрее. Но, если мышь побежит быстрее, это может сделать и кошка. Показываю рукой новое направление — еще сильнее отклоняемся на запад. Если нас ждут южнее, то, чем позднее мы там появимся, тем больше заставим суетиться наших преследователей.

Еще двадцать пять минут ходьбы, согнувшись в три погибели. Машу рукой, ладонью вниз. Все останавливаются. Не вижу проводника. Хоа поворачивается ко мне и дает сигнал рукой об обнаружении следа. Потом делает пальцами букву «V», тыкает ими в глаза, а затем указывает на север. Я повторяю этот жест двум замыкающим вьетнамцам, но указываю на юг. Они тотчас же исчезают. Остальные ждут. Пятнадцать, двадцать, двадцать пять минут.

Двигаемся дальше чрезвычайно осторожно. Хоа останавливается и опускается на колени. Я подхожу к нему. Мы раздвигаем ветви и листья папоротника: под ними четко обозначенная тропа со следами в обе стороны. Смотрю вверх: густой купол растительности. Значит, сверху тропы не видно.

Хоа обходит кусты. Я делаю то же самое. Мы осторожно пересекаем тропу. Ступаем только на затвердевшие следы, чтобы не оставить характерных отпечатков рифленых подошв наших специальных ботинок для джунглей. Бокси и проводник уже впереди — заняли оборонительные позиции. Остальные переходят тропу парами.

Продолжаем движение на запад.

Незадолго до полудня подходим к склону горного хребта и поворачиваем на юг. Теперь мы на другой сто-

роне долины. Тщательно осмотрев все вокруг, останавливаемся. Пора перекусить. В меню входят рис, витамины, соленые таблетки, вода. Под ногами ползает множество жуков. В воздухе тучи насекомых. Воздух очень влажный. Я достаю из рюкзака необычной формы сверток с кошками для лазания по деревьям. Кошки вызывают любопытство вьетнамцев: они видят их впервые. Приладив их к ногам, передаю пистолет Грэйди и иду к высокому дереву. Поднимаюсь по нему так, чтобы избежать лишнего шума. Стараюсь не царапать его. Поочередно переставляю ноги. Ствол дерева широкий — не обхватить, но в коре много углублений, за которые можно держаться. С высоты примерно двадцати метров видно горный хребет. Поднимаюсь еще на полметра. Вижу вершины гор. Приладив лимб и компас, замечаю направления на вершины и записываю цифры в блокнот. Остальные расчеты сделаю внизу, потому что чувствую себя слишком уязвимым без пистолета.

Наконец я снова на земле. Грэйди, Бокси и Хоа с нетерпением ждут меня. Вьетнамцы не могут удержаться от того, чтобы не потрогать руками кошки. Лица обоих расплываются в улыбке.

Спрятав кошки в рюкзак, пишу на карте Хоа отсчеты направлений на вершины гор. Пользуясь протрактором, прокладываю на своей карте азимутальные направления. Хоа делает то же самое на своей. Определенное таким образом место подтверждает, что до этого мои предположения о нашем местонахождении были намного ближе к истине, чем предположения Хоа. Но он не унывает: в следующий раз может быть наоборот. Теперь, когда мы точно знаем, где находимся, можно начертить на карте и пройденный путь, и наш дальнейший путь. Стрелка часов приближается к тринадцати ноль-ноль, поэтому мы быстро составляем очередное донесение. Самолет появляется в назначенное время, и мы спокойно сообщаем ему все что нужно.

Мы задержались здесь довольно долго, но я давно уже усвоил, что вьетнамцы, как и жители других южных стран, не любят нарушать свой дневной отдых. По их мнению, мы тронулись раньше положенного, а когда Грэйди выразил беспокойство по поводу затянувшегося отдыха, я напомнил ему, что наши противники — тоже вьетнамцы.

Послышался одиночный выстрел. На этот раз, кажется, на несколько большем расстоянии. Интересно, каким образом им удастся удерживать это расстояние и одновременно точно фиксировать моменты начала нашего движения или остановок. Во второй половине дня мы повторяем то, что было в первой: сначала меняем направление движения с южного на юго-восточное, потом в самом труднопроходимом месте поворачиваем назад, на юго-запад. Одиночный выстрел после каждой нашей короткой остановки вызывает изумление и действует на нас удручающе.

К концу дня мы снова подходим к склону горы, однако на этот раз не уклоняемся в сторону, а продолжаем идти вперед. Вступаем в полосу поваленных деревьев и беспорядочных нагромождений каменных глыб, колючего кустарника и ползучей растительности. Теперь пробираться бесшумно почти невозможно, поэтому приходится идти медленнее, но зато здесь нет никаких троп. Преодолев полосу особенно густых зарослей, мы останавливаемся и начинаем устраивать стоянку. Теперь эта задача решается намного проще: еще светло, и мы видим, что делаем. Я повторяю свой трюк с подъемом на дерево и убеждаюсь, что мы у цели. Устанавливаем антенну для большой радиации и отправляем короткое донесение с координатами нашего местонахождения.

Запасы риса кончаются. Все мы потряхиваем своими флягами и прислушиваемся. Я поступаю хитрее, чем Грэйди: наливаю в металлическую кружку воды и бросаю в нее два бульонных кубика. Маленький треугольник из камней на земле — прекрасный таганец для воспламенения С-4¹. Буквально через несколько секунд бульон закипает. Делюсь содержимым кружки с Грэйди.

Снова выстрел. Мы многозначительно переглядываемся. Наша тень неотступно следует за нами, но по-прежнему остается на расстоянии. Дневные звуки джунглей начинают ослабевать. Все чаще раздаются пронзительные гортанные крики ящериц. Пока мы привыкаем к ним, каждый из нас то и дело вздрагивает.

Ба-бах... Шлеп!

¹ Легковоспламеняющаяся пластмассовая взрывчатка. При горении дает очень высокую температуру, не давая ни запаха, ни дыма. — *Прим. автора.*

Артиллерийские снаряды. Разрыв примерно в четверти мили южнее. Все вскакивают. Еще два залпа. На этот раз слышится свист пролетающих над нами снарядов. Не зная, что мы здесь находимся, дальнобойная артиллерия южновьетнамской армии ведет огонь по площади. Интересно, не думают ли поджидающие нас «друзья», что огонь вызываем мы? В таком случае они были бы осторожнее.

Проходит еще час. Еще один выстрел. Ночью эхо кажется более отдаленным. На самом же деле огонь ведется на прежней дистанции. «Друзья» знают, что мы остановились, но не осмеливаются приблизиться к нам, потому что мы обнаружим их по шуршанию кустов.

Связной самолет прилетел и улетел. Рацию упаковали. Все мы ложимся. Я долго ворочаюсь. Засыпаю.

Глаза открываются. Снова выстрел. Несколько с другого направления, но дистанция остается прежней. Прислушиваюсь к звукам джунглей: все нормально. Глаза закрываются. Засыпаю.

Снова открываю глаза. Вглядываюсь в темноту. Звуки меняются. Наступает новый день. Если не считать выстрелов, которые производились с часовыми промежутками, ночь прошла спокойно. Грэйди не спит. Об этом говорит его дыхание.

Повторяется все, что происходило предыдущим утром. Сколько же таких утренних часов нам уготовано? После приготовления риса остается несколько глотков воды. Некоторым из нас приходится решать: то ли готовить рис, то ли экономить воду. А у кого-то воды для приготовления риса уже недостаточно, поэтому им решать легко. День предстоит длинный.

Двигаемся на юг. Потом на юго-восток. Одним словом, повторяем движение предыдущего дня. Непроходимые кусты, трава, сучья, колючки, шипы, коряги... Беспрепятственные нагибания, проползания, протискивания. Новые царапины и ссадины на лице и на руках... Терпение. Только терпение. И обязательно этот проклятый выстрел! Всякий раз, как только мы начинаем движение.

Полдень. Фляги. Соленые таблетки без воды принимать нельзя. Губы у всех пересохли. Скоро начнутся жалобы на ноги. Поворачиваем в направлении горного

хребта, чтобы расположиться на ночную стоянку. Предстоит «сухая» ночь.

Что же все-таки замышляет противник? Он знает, что нам нужна вода. Однако будем надеяться, что ему неизвестно, как сильно мы нуждаемся в ней. Мы знаем, что за нами следят. Противник сознает это. Почему же тогда мы не идем на юг быстрее? Противник знает, что мы описываем своим движением какие-то замысловатые фигуры, поэтому твердо сказать, куда мы идем, он не может. Он должен теперь развернуться по всей ширине долины, включая склоны гор с той и другой стороны. Ручейки, пожалуй, самое подходящее место для засады. Мы должны пересечь ручьи по двум причинам: во-первых, наши фланги на склонах будут в значительно большей безопасности и, во-вторых, нам позарез нужна вода. Интересно, имеется ли радиосвязь между теми, кто следует за нами, и теми, кто впереди нас?

На пути к ночной стоянке снова заросли и кусты. Обрезание колючек и шинов под уставшими ногами. Неожиданно издали справа от нас доносятся приглушенные звуки перестрелки. Наверное, это по другую сторону хребта, из того района, где действует группа Мэгни. Бросаем друг на друга многозначительные взгляды. Плотность огня говорит о том, что бой жаркий. Да и длится перестрелка долго — по меньшей мере пять минут. Наверняка не обошлось без попаданий.

Наконец нам удастся отыскать место, похожее на то, в котором мы останавливались прошлой ночью. Следует такая же процедура. Однако на этот раз едят немногие. На лице Бокси озабоченность. Люди действительно измучились. Чертовски трудно было пробираться через непроходимую чащу, да еще с сознанием того, что в следующих зарослях на тебя может обрушиться огонь противника. Отсутствие воды, неизбежная слабость из-за обезвоживания организма, сознание того, что завтра будет еще труднее, — все это не могло не оказать своего отрицательного влияния на людей.

Не в силах отделаться от дурных предчувствий, съедаю остатки риса. Он мокрый, и поэтому я невольно подольше задерживаю его во рту. С помощью радиации доносим о перестрелке. В центре знают наше место и направление с него на звуки выстрелов, поэтому они смогут прикинуть, не относится ли это ко второй нашей группе.

Сегодняшняя ночь — точная копия вчерашней. Снова эти проклятые одиночные выстрелы.

Время трогаться в путь. Меня беспокоит Грэйди: он опять очень мало спал. У нас нет ни воды, ни продуктов, поэтому мы собираемся в рекордное время. Снова идем на юго-восток, но продвигаемся значительно медленнее обычного. Надо полагать, идущие по нашим следам понимают, куда мы идем. Этот маршрут должен привести нас к первому ручью с восточной стороны сужающейся долины. Рассказываю о своем плане. При этом рисую прутиком на земле. Мы будем идти в этом направлении до тех пор, пока снова не наткнемся на скрытую тропу, идущую с севера на юг. В то время как шестеро из нас будут охранять какую-то часть тропы, двое остальных пересекут ее, потом вернутся назад, снова пересекут тропу, сделают несколько поворотов по направлению к зарослям на другой стороне и опять вернутся назад. Один в ботинках с высокими берцами, другой — в ботинках для джунглей. Это будет видно по следам. Разумеется, я знаю, что это старый трюк, но именно поэтому он, может быть, удастся.

Мы перегруппировываемся и поворачиваем на юго-запад настолько, чтобы не наткнуться на «друзей», идущих по нашим следам. Пройдя полпути между местом слияния ручьев и западной стеной ущелья, очень быстро идем прямо на юг до самой реки. Расчет у меня такой: если противник находился на позиции два дня, он будет охвачен нетерпением, а поскольку мы продвигались медленно, он не будет ждать нас так рано и на этом месте. О том, как пересечь реку или ручей, решение придется принять тогда, когда мы подойдем к ним.

Выполнив первую часть плана, идем на юго-запад, причем даже быстрее, чем предполагали. У всех в руках компасы — ошибаться сейчас нельзя. Бокси оглядывается назад. Хоа кивает в знак согласия. Головной поворачивает на юг. Все мы невольно сжимаем автоматы еще крепче.

Заросли становятся немного гуще, но земля под ногами пока еще ровная. Скорость движения так или иначе сказывается на всех. Я замечаю, что больше уже не потею. Одежда на Грэйди тоже сухая. На его рубашке вы-

ступили белые пятна соли. Вьетнамцы, особенно радист, устали так сильно, что колени у них подкашиваются.

Головной подает сигнал остановиться. Бокси отходит немного назад. Мы уже у ручья. Хоа, Бокси и я идем вперед. Ровная до сих пор местность неожиданно обрывается, хотя воды еще не видно. Мы уверены, что она где-то здесь, совсем рядом. Все без сигнала присаживаются отдохнуть. Хорошие ребята. Не такие тренированные не утерпели бы и сразу бросились к ручью.

Проходит пять минут, десять, пятнадцать... Слева от нас кто-то есть. Слышится шелест веток. Потом кто-то задает вопрос, другой отвечает. Треск толстого сучка. Громкий, окликающий кого-то голос. Затем резкий голос другого. Да, они там. Ждут. Приложив палец к губам, Хоа показывает, что пора идти, и мы начинаем спускаться по склону. Буквально пядь за пядью. Взгляд вперед... выбор места... перенос ноги на выбранное место... повторение... короткое движение второй ногой. Все делается очень осторожно. Не дай бог зацепить автоматом за сучок или за каменный выступ. Мышцы и даже кожа напряжены до предела в ожидании града пуль из направленного на нас замаскированного автомата. Об усталости и жажде все забывают.

Вода бежит тонкой струйкой. Мы остаиваемся. Свежесть от воды порождает почти непреодолимое желание броситься вперед. Бокси, показав растопыренными пальцами на свои глаза, на цыпочках отходит в сторону. Каркает какая-то птица. Шуршит ветка дерева. Это на нее прыгнула белка. Где-то совсем рядом — приглушенный голос. Перед глазами у меня — пчелы. Давлю ползущего по руке красного муравья. Незначительная ошибка, одно неправильное движение — и всем нам конец.

Бокси возвращается. Показывает сначала налево и поднимает три пальца, потом направо и поднимает два пальца. Можно было бы ликвидировать тех, но шум привлекает других. Почти на корточках очень осторожно двигаемся за Бокси. Он приподнимается и показывает влево от себя. Мы медленно, очень медленно следуем за ним. Из-за кустов, что в нескольких метрах от нас, доносятся приглушенные голоса. Я уже вижу ручей. Он небольшой, шага два в ширину. Бокси ждет, пока Хоа кладет свой автомат на землю и вынимает ручную гранату. Бокси на-

чинает двигаться вперед, следя главным образом за кустами справа от себя.

Раз... два... Бокси уже перешел. Невысокий берег с выветренным грунтом. Бокси достиг его. Положил автомат. В течение двух секунд ощупывает берег руками, затем взбирается наверх. Не отрывая взгляда от нашего правого фланга, подает знак. Я выхожу вперед, кладу автомат на землю и беру из рук Хоа гранату. Идя по следам Бокси и повторяя все его движения, Хоа оказывается на том берегу. Маленький монтыньяр принимает от меня гранату: теперь моя очередь.

Подхожу к возвышающемуся берегу. Передаю автомат ребятам, взбираюсь наверх и, обойдя их, занимаю позицию. Так перебираются все. Начинаем двигаться дальше. Опять очень медленно, пядь за пядью. У кого-то под ногами хрустнула ветка. Замираем как вкопанные. Прислушиваемся. Тишина. Снова начинаем двигаться. Метр, два метра, еще один... Теперь можно идти с несколько меньшим напряжением. Случайный треск ветки у них в тылу не вызовет особых подозрений: подумают, что это кто-то из своих.

Нам нужно двигаться быстрее, чтобы попасть к следующему ручью до того, как они обнаружат, что мы проскользнули через первый у них под носом. Достигаем вершины небольшого ущелья. Снова местность ровная. Минут через пятнадцать останавливаемся передохнуть. Расслабленные руки покоятся на автомате, ноги вытянуты. Бросаю взгляд на Грэйди. Вид у него усталый. Лицо обросло густой щетиной. Радист откинулся на рюкзак. Глаза закрыты. Наверное, думает о воде, которую мы только что прошли.

Три или четыре минуты — и мы снова в пути. Прошло уже немало времени с тех пор, как мы слышали последний «сигнальный» выстрел. Может быть, сегодняшний день окажется для нас счастливым? Смотрю на часы: двенадцать сорок. Вот это здорово! Мы пропустили сеанс связи в десять ноль-ноль. Но все равно просто не было возможности говорить.

Начинаем спускаться по правому склону. Останавливаюсь послушать, не создают ли ребята лишнего шума при движении. Нет, идут очень тихо. Я совсем не слышу ни Хоа, идущего впереди меня, ни радиста, идущего по-

зади. Слабый звук листьев, трущихся о нашу одежду и рюкзаки, поглощается обычными шумами джунглей.

Бокси опять идет головным, впереди нашего проводника. Звуки их шагов, когда они идут по камням, тоже сливаются с общим шумом джунглей. Мы на дне ущелья. Деревья попадаются редко, но листья папоротника высокие. Они скрывают нас. Теперь мы поворачиваем немного вправо и обходим гору, с которой только что спустились. Смотрю наверх. Гряда невысоких гор внезапно обрывается. Еще несколько шагов вперед — и перед нами выветренный берег ручья. Дав знак остальным стоять на месте, Бокси и Хоа двигаются вперед — где пригнувшись, где ползком, пока не достигают берега ручья. Бокси осторожно поднимается до такого положения, пока ему не становится виден весь ближайший участок берега. Вновь пригнувшись, он поворачивается к нам и показывает четыре пальца. Я напрягаюсь, как струна. Смотрю в противоположную сторону. Прислушиваюсь.

Хоа наблюдает из-за кромки берега, а Бокси, как утка, то приподнимая голову, то пряча ее, приближается к ручью. Я не могу даже проглотить слюну: глухие удары сердца кажутся мне самыми сильными звуками в джунглях. Перед нашим маленьким медиком на той стороне ручья открытая площадка из наносного песка, но он не переходит на нее. Продолжая ползти и не отрывая глаз от места, где находится противник, Бокси осторожно достает флягу и кладет ее так, чтобы вода сама, без бульканья вливалась в горлышко. Переложив автомат в другую руку, наполняет с такими же предосторожностями вторую флягу.

Наполненные фляги на месте. Обе руки на автомате. Бокси немного приподнимается и бросает косой взгляд на Хоа, который в правой руке держит изготовленную к броску гранату. Автомат Хоа рядом с ним, прислонен к обрывистому берегу. В течение нескольких секунд, кажущихся бесконечными, Бокси пристально вглядывается туда, где находится противник, потом поворачивает вправо и идет слегка пригнувшись. Сейчас он смотрит не в сторону противника, а вперед, выбирая место, куда ступить. Перейдя на другую сторону, исчезает в кустах. Я не вижу и не слышу его, но знаю, что он осторожно займет позицию, с которой сможет вести огонь по четырем вьетконговцам.

Теперь, чтобы заменить Хоа, вперед продвигаюсь я. Но он кивком головы показывает мне, чтобы я проходил. Я не возражаю и продолжаю двигаться к урезу воды. Осторожно приподнимаю голову. Лицо при этом остается в тени от шляпы. В следующий момент молниеносно прижимаю голову к плечам и наклоняюсь: ветконговцы совсем рядом. До них метров десять. Мне хорошо видна спина одного из них. Еще крепче сжимаю автомат. Точно так же, как это делал Бокси, начинаю наполнять свою флягу. Но Бокси делал это полулежа, а я — пригнувшись на коленях. Так, теперь другая фляга. Почти не моргая смотрю в сторону противника, но избегаю останавливать взгляд на расположившемся спиной ко мне, потому что знаю: если пристально и долго смотреть на человека, он почувствует взгляд и обязательно повернется в твою сторону. Так и есть! Человек этот зашевелился и сменил позу. Послышались приглушенные голоса, шуршание веток и листьев. Я замираю. Они, видно, пересаживаются на другие места.

Выпрямляюсь почти во весь рост и опускаю ногу в воду, стараясь ступить на плоский камень. Воду мутить нельзя: она протекает мимо наших четырех «друзей». Осторожно опускаю вторую ногу. Поднимаю левую для следующего шага. Сейчас я уже ничем не скрыт. Если кто-нибудь из них обернется в мою сторону... Мышцы на спине невольно напрягаются. Песчаная площадка. Так и хочется перебежать ее, но спешить нельзя — песок может захрустеть. Вот наконец и папоротник. Кто бы мог подумать, что я буду рад снова оказаться в этой заросли!

Следующим переходит наш проводник Монтагнارد. Я подаю ему знак пройти мимо, дальше в кусты, и занять позицию на возвышенности. За ним следует Грэйди. Я отправляю его на фланг. Потом наступает длительный перерыв, но никакого шума не слышно. Неожиданно появляется наш радист. Теперь речушку перешли уже пять человек. Один за другим ручей переходят замыкающие и последний — Хоа. Восемь автоматов, которые могли загреметь, восемь ртов и носов, которые могли кашлянуть или чихнуть, шестнадцать ног, которые могли оступиться, — и все же мы благополучно перебрались. Всего на переправу ушло тридцать минут.

На возвышенность поднимаемся по-прежнему с большой осторожностью. Наверху поворачиваем пемного

вправо и идем еще около пяти минут. Оставаясь в походной линии, останавливаемся и садимся передохнуть. Достаем фляги. Отпиваем по большому глотку. Качаем головой из стороны в сторону, чтобы целительная влага смочила все пересохшие уголки. Глотаем медленно. Облизываем влажным языком потрескавшиеся губы. Теперь можно принять и соленые таблетки. Я принимаю сразу три. Еще немного воды. И вот уже я снова начинаю потеть. Грэйди закрывает глаза. Дышит тяжело. Спазмы?

Как хорошо было бы сидеть здесь и дремать, забыв о войне... Но что за мысли! Нельзя терять ни секунды выигранного времени. Последний глоток из фляги — и снова в путь. Пройдет немного времени, и наши следы на песке у ручья будут обнаружены.

Местность здесь менее ровная. Долина сужается. Горный массив справа от нас становится все более крутым. Временами кажется, что он давит на нас. Иногда сквозь просветы между деревьями нам удастся увидеть крутой склон и вершину горы. Мы не можем идти ближе к подножию горы, но должны все время ориентироваться по ее вершине. Вряд ли противник устроил в этом ущелье вторую засаду, но само ущелье настолько узкое, что мы можем наткнуться на случайно проходящих здесь людей. По ущелью идет горная тропа, протекает ручей, поэтому заблудиться здесь трудно. Любой, кому поручат охранять ущелье, вероятно, изберет место на вершине горы справа от нас. Нужно следить за тем, чтобы нас прикрывали ветви больших деревьев, иначе нас обнаружат сверху по движению в кустах.

Идя параллельно горному хребту, мы, кажется, уклоняемся на запад. Да. Теперь даже еще больше. Горная цепь поворачивает почти на девяносто градусов. Ура, мы прошли! Несмотря ни на что, нам удалось проскочить! Долина, засады, реки, ущелье — все это теперь позади. Настроение у всех приподнятое. После трех суток, в течение которых нам каждую секунду угрожала гибель, трудно поверить, что все обошлось благополучно. Теперь короткий отдых — и за поиски места для посадки вертолета.

Нескончаемые колючки больно царапают. Тыльная сторона моей правой руки выглядит так, будто ее обрабатывали крупной шкуркой для дерева. Ползучие и выющиеся растения по-прежнему опутывают ноги и цепляются за

ремни и пряжки рюкзаков. Но вот идти становится легче, деревья растут здесь реже. Мы посылаем по одному дозорному влево и вправо. Эта тропа более узкая, чем предыдущая. Ведет она на юго-запад. Мы пересекаем ее чуть-чуть наискось, уклоняясь еще немного западнее. Переходим по одному. Поскольку растительность здесь более редкая, каждый перспеший через тропу углубляется в кусты дальше, чем обычно, и поджидает там других.

Неожиданно слышим шаги. Немного левее от направления нашего движения. Почти параллельно нашему маршруту еще одна тропа. Она, паверное, ведет к той, которую мы только что перешли. Винить человека, высланного на разведку влево, нельзя, но, если бы он прошел дальше, увидел бы это слияние троп. Мы застываем на месте, но никак не можем предупредить идущих сзади. Вот появляется четвертый человек нашей колонны. Я поднимаю руку, чтобы остановить его, но уже поздно. Звук шагов стихает. Слышим удивленные голоса. Их по меньшей мере семь или восемь человек. Напряженно всматриваюсь через листья папоротника в сторону голов. Оранжевый цвет. Внимательно разглядываю. Слепительно оранжевый цвет формы летчика реактивного самолета в джунглях? Потом мелькание темно-синего цвета. Пригнувшись и рыская из стороны в сторону, человек ищет что-то глазами. Принимаю стойку боксера и изготавливаю автомат к бою — большим пальцем правой руки смещаю предохранитель вперед вниз.

Вижу лицо. Смотрим друг другу в глаза. У него глупый встревоженный вид. Он, видимо, ожидал увидеть что угодно, но только не целящегося в него бородача. Для него эта нерешительность, как и для каждого на войне, оказалась фатальной, ибо в эту долю секунды я стреляю: две пули — в темно-синий цвет, третья — в ярко-оранжевый. Оранжевое пятно исчезает. В тот момент, когда я нажал на спусковой крючок для третьего выстрела, слышались знакомые звуки выстрелов из автоматов трех наших «друзей». Бах! Это из-за дерева позади меня. Едкий запах пороховых газов. Сник! Сник! — срезают ветки пролетающие пули. Крэк! — это специфический звук от пули, пролетевшей близко к уху. Продолжаю стрелять. Сколько я уже сделал выстрелов? Слышатся твякающие звуки выстрелов из пистолета-пулемета, стреляющего оче-

редями. Кровь в голове усиленно пульсирует. Зрение обостряется. Мозг работает с фантастической быстротой и редкой ясностью. Вопль...

Надеюсь, четверо наших ребят, оставшихся позади, дойдут до слияния троп. Если они подойдут, им будет удобно ударить по противнику с фланга. Надо продолжать двигаться в обход. Стреляная гильза ударяет меня по левой щеке. Прицеливаться сквозь кусты трудно. Еще труднее увидеть, достигает пуля цели или нет. Сколько же времени мы ведем огонь? Надеюсь, пока все наши целы. Вот дьявол! Краем глаза вижу остальных наших четырех ребят. Впрочем, они ни в чем не виноваты. Они не могли знать об этой тропе. Но зато у нас появляется возможность быстрее покончить со всем этим делом. Надо продолжать стрелять, даже если не видно целей. Противник тоже продолжает стрелять, хотя и не прицельным огнем: большая часть пуль пролетает выше. Слышу, как справа от меня кто-то меняет магазин в автомате. У меня, кажется, еще осталась в магазине пара патронов, но я меняю его тоже. Слева от меня кто-то вскрикивает. Стрельба стихает.

Я машу рукой. Отстреливаясь, мы начинаем ползком отходить. Слева от меня падает Грэйди. Попадание? Вот дьявол! Я тоже падаю. Мой последний выстрел пошел вверх. Ноги до самых колен опутала ползучая растительность. Стрельба со стороны противника усиливается. Вижу, как пролетающие надо мной пули срезают ветки и листья. Наконец мне удастся распутать ноги. Поднимаюсь и снова стреляю. Замечаю, что два или три человека, упавших где-то рядом со мной, с проклятиями освобождают ноги от растений. Сыплются ругательства на французском и английском языках. Продолжая отстреливаться, отступаем. Противник с той стороны тропы, несомненно, скоро получит подкрепление. Надо удирать как можно быстрее.

Стреляем просто по кустам. Стреляем, поворачиваемся и бежим. Густые кусты обходим. Надо увеличить дистанцию до противника. Боже мой! Еще одна тропа. Разбираться некогда — пересекаем ее. Топот ног. Оборачиваюсь. Вступаю на тропу в тот самый момент, когда двое бегущих впереди открывают интенсивный огонь из автоматов вдоль дороги — два вьетконговца, бежавших по этой дороге, взмахивают руками и, словно тряпичные

куклы, падают на спину. Снова бежим, изменяем направление, потом замедляем бег. Останавливаемся перевести дух.

Ищу глазами Хоа. Сердце останавливается: его нет. Бокси тоже с надеждой смотрит вокруг. Проводника-вьетнамца тоже нет. Как же так? Я думал, что он был впереди нас. Бокси пожимает плечами. Видимо, научился этому во французской армии.

Нужно вернуться назад: может быть, кто-нибудь ранен. Я думал, что они покинули поле боя вместе с нами, но, возможно, ошибся.

— Нет, — говорит Бокси, — они не ранены. Просто отступили в другом направлении. Сейчас найти их трудно. Может быть, они даже впереди нас.

— А ты уверен, что они не ранены?

— Уверен.

Все остальные соглашаются с Бокси. Грэйди тоже пожимает плечами на французский лад.

Решение принято. Снова идем на юго-запад. С трех сторон до нас доносятся крики и беспорядочные выстрелы. Идем осторожно, но довольно быстро. День близится к концу. До темноты остается не больше двух часов. Неожиданно оказываемся на краю большой поляны. Для посадки вертолета она была бы идеальной. Даже, пожалуй, слишком хорошей и слишком большой. Мы находимся в северной ее части, гора — позади нас. Оставляя поляну справа, начинаем обходить ее с южной стороны.

На это уходит довольно много времени, но пересечь поляну напрямик мы не можем: мы были бы на ней как на ладони. Голоса за нами стихают. Наверное, там проверяют, все ли живы, реорганизуются, готовятся к поиску. Будут искать осторожно, не спеша, готовые в любой момент открыть огонь.

Подходим к южной стороне поляны. Пока не видно ни троп, ни людей.

— Бокси, доставай большую рацию. Быстро вызывай сюда вертолет. Пока ты будешь готовиться к связи, я определяю точные координаты места. Запроси их, могут ли они прислать сюда вертолет, любой вертолет в течение тридцати минут, чтобы он успел забрать нас. Грэйди, помоги им протянуть антенну.

Достаю карту и компас, чтобы как можно точнее определить направление на вершину горы на севере. На-

клоняюсь к компасу и в этот момент чувствую, как кто-то касается моего плеча. Это Грэйди.

— С рацией ничего не выйдет, — тихо произносит он.

— Как не выйдет?

— Утром ребята решили облегчить рюкзак радиста. Каждый взял себе какой-нибудь предмет из комплекта. Антенный провод попал к Хоа.

На лице Грэйди отчаяние. О моем состоянии нечего и говорить. Я не спрашиваю его о телескопической антенне: в прошлом нам никогда не удавалось наладить связь с ее помощью, поэтому мы решили не брать ее с собой. Стремление облегчить пошу радиста привело к нарушению одного из основных правил: никогда не раскомплектовывать рацию.

Вздых сожаления.

— Тогда какого черта мы теряем здесь время! Пошли дальше, — решительно приказываю я.

Успокаиваю себя тем, что за такое короткое время прислать сюда вертолет, пожалуй, все равно не успели бы. Стараюсь запомнить эту большую и удобную для посадки вертолета поляну, тем более что по ее периметру нет никаких подготовленных позиций. Связь с самолетом при помощи рации НТ-1 мы сможем установить только в двадцать два ноль-ноль. Стало быть, нам предстоит провести здесь еще ночь и очень опасное утро, если мы вообще уцелеем.

Идем на запад. Солнце уже совсем низко. Тени в джунглях становятся длинными. Пора двигаться, а то станет совсем темно. До наступления темноты останавливаться на отдых нельзя. Позади слышатся выстрелы, отдельные выстрелы из трех далеко отстоящих друг от друга мест. Они, видимо, означают, что люди заняли исходные позиции и готовы начать прочесывание. Надеюсь, что они не ближе от нас, чем об этом говорят звуки выстрелов, — что-нибудь около тридцати минут хода. Они, конечно, представляют себе общее направление нашего движения.

Обгоняю Бокси с намерением идти головным. Пробираясь через заросли папоротника, неожиданно оказываюсь на узкой тропе. Поворачиваю вправо. Здесь заросли гуще. Еще несколько шагов — и передо мной сильно заросший ров. По дну его течет ручей. Наполняем фляги.

Ну и карты нам дали: на них нет ни той большой поляны, ни этого ручья.

Перейдя ручей, поднимаемся на противоположную сторону рва. Я останавливаюсь. Бокси почти натывается на меня. Дым! Бесшумно пробираюсь в указанном Бокси направлении и осторожно раздвигаю листья папоротника. Полянка. На противоположной стороне ее — маленький временный домик под деревьями. Отходим назад и, уклоняясь влево, идем в обход. Все чаще попадаются пни от спиленных деревьев. Вокруг них переплетенные друг с другом высохшие верхушки. Бесшумно пробраться через них невозможно, поэтому мы уклоняемся еще левее. Проклятие! Еще одна тропа. Переходим ее и углубляемся в чащу. От троп и ручьев надо держаться подальше. Мы не знаем, куда они ведут, а противнику это известно. Он наверняка постарается прочесать все тропы и ручьи.

Неожиданно слышится звонкий треск сучьев. Замираю на месте и подаю знак рукой — пригнуться! Все, как один, падаем на землю. Звук шагов и хруст тонких веток. Один человек. Мы не дышим. Я уже вижу его. Собираюсь в комочек и прячусь за листьями папоротника. На нем черный комбинезон, патронная лента. Звук ударяющихся о металл веток. Резкий запах. Яркие отблески солнечных лучей от белого металла. Он несет котелок и четыре или пять прикрепленных к ручке мисок. Оружия у него нет. Его путь проходит в нескольких метрах от того места, где притаился наш замыкающий. Вот он прошел мимо меня. А сейчас должен быть на тропе. Вздыхаю. Смотрю на руку: в ней нож. Вкладываю его в ножны и вздрагиваю: не помню, когда и зачем вынул его.

Прошедший мимо нас человек, видимо, нес ужин другу. Сообщение о нас сюда еще не дошло, или они не рассчитывают, что мы можем появиться здесь так быстро. Это неплохо. Значит, у нас еще есть время. Продвигаемся вперед еще минут десять и оказываемся около новой полянки. Здесь обнаруживаем ямку с углями от костра. Обходим полянку стороной. Снова пни и сухие верхушки молодых деревьев. Еще одна тропа. Сворачиваем. Опять ручей! Поднимаемся на его высокий берег. Смотрю вокруг. Шарахаюсь назад и чуть не сбиваю с ног Бокси. Менее чем в полутора метрах впереди меня на корточках сидит пожилой человек, склонив голову над миской с рисом. Палочки для еды остановились на полпути. Ста-

рик посмотрел в сторону и прислушался. Осторожно отходим к ручью.

Идем вдоль ручья, потом снова взбираемся на берег. Опять полянка и опять угли от костра. Они очень разумно спиливают деревья: никогда не расчищают площадку, достаточную для посадки вертолета, а ветки нетронутых деревьев вокруг делают эту площадку еще меньшей по площади, если смотреть на нее с вертолета. В этом районе — лабиринт узких троп, связывающих полянки и построенные неподалеку от них временные шалаши и домики.

Проходит еще час. Идем вперед, назад, вдоль извивающегося ручья, пересекаем новые тропы, сворачиваем влево, вправо... В целом на отходы в сторону времени уходит больше, чем на продвижение в главном направлении — на запад. Никак не удастся найти такой участок джунглей, где не было бы ни полянок, ни троп: ночь хотелось бы провести в сравнительной безопасности. Ни одна из этих троп не показана на карте, да и вообще сомнительно, чтобы их можно было увидеть с воздуха, если, конечно, наблюдатель не знает, где они расположены.

За последние два часа проходим столько, сколько обычно преодолеваем за пять. Но, к сожалению, мы совсем незначительно приблизились к намеченной цели. Быстро темнеет. Мы снова оказываемся на какой-то тропе. Теперь становится совершенно очевидным, что маленькие, редко используемые тропы ведут, как правило, к лесным домикам или шалашам, которые располагаются вдоль извивающихся русл ручьев и речушек. Три-четыре такие узкие тропы сливаются затем в более широкую, ведущую к поляне с ямой для костра. Еще более широкие тропы, некоторые даже со следами от колесных повозок, обычно идут в направлении запад — восток и соединяют большие поляны.

Со всех сторон слышатся голоса. Везде попахивает дымом от невидимых походных кухонь или костров. Все сильнее дает себя знать усталость. Мы впадаем в отчаяние. Теперь остается совсем небольшой кусочек светлого неба. Минут через двадцать станет совсем темно, и нам придется или остановиться, или двигаться дальше по тропам. В сайгонских штабах накопилось много отчетов

«спасшихся» летчиков. В них говорится о безнадежности такого продвижения.

Идем по краю полянки и оказываемся в подлеске, примечательном в двух отношениях: параллельно ему идут следы от колесной повозки, почти весь он завален отпиленными верхушками деревьев, которые образуют нечто вроде баррикады. Никуда не годное укрытие, но выбора у нас нет. Нахожу в этой преграде небольшую дыру и ныряю в нее. Здесь еще темнее. Ощупываю все вокруг левой рукой. Лицо царапают сухие сучья и ветки. Иду медленнее. Прежде чем сделать шаг, ощупываю место впереди себя рукой. Отыскав место, ставлю на него одну ногу, потом подтягиваю другую, снова ощупываю, следующий шаг. Чувствую, что за мой рюкзак кто-то держится. Это Бокси. Он не отстает ни на шаг. Надеюсь, что и остальные также держатся за идущего впереди.

Мы, видимо, продвинулись уже метров на десять. Дальше лезть, пожалуй, не стоит, а то, чего доброго, выскочим наружу с другой стороны. Но вот беда, уж больно звонко трещат эти сучья и ветки. Прямо хоть не шевелись. Останавливаюсь и медленно поворачиваюсь кругом. Бокси почти напозавет на меня. Пропускаю его вперед. Вытягиваю руку и почти в тот же момент касаюсь головы следующего в нашей колонне. Постукивая по плечу, пропускаю вперед и его. Вот наконец и пятый. На эту ночь мы уж не будем рассредоточиваться широким кругом. Все будут в одном месте, так, чтобы один чувствовал другого.

Осторожно снимаю с себя рюкзак, достаю из него нейлоновую куртку и рацию, рюкзак снова застегиваю. Надеваю куртку и ремни рюкзака. Сегодня никакой роскоши — никаких плащ-палаток. Убирать рацию в рюкзак мне не придется. Отклоняюсь немного назад и чувствую Грэйди. Моя правая нога упирается в чье-то плечо. На моем левом бедре чья-то голова, а Бокси положил голову на правую сторону моей груди.

Сверху мы прикрыты не так уж плотно. Ветви слегка колышутся. Наверное, от легкого бриза, который мы здесь, внизу, не ощущаем. Сквозь верхушки деревьев проглядывают звезды. Грэйди потягивает воду из своей фляги. Я стараюсь расслабить мышцы и отдохнуть, но это невозможно. Голоса доносятся со всех сторон. Иногда раздаются даже крики. Голоса приближаются. Затаиваем

дыхание. Еще ближе... проходят мимо... прошли. Бокси шепчет мне на ухо: «Вьетконговцы». А кого еще можно здесь услышать?

Если не обращать внимания на голоса, то здесь, пожалуй, даже тише, чем в джунглях. Начинаю формулировать и повторять про себя донесение. Оно должно быть коротким и в то же время предельно ясным. Парень, голова которого лежит у меня на бедре, издает какой-то странный придавленный звук. Я протягиваю руку вперед как раз в тот момент, когда он поворачивается на бок. Потом его начинает рвать. Страх, нервозность. Наконец все прекращается, и парень, обессиленный, ложится на спину. Я подаю ему свою флягу с водой.

Слышится гул мотора самолета. Всматриваюсь в светящийся циферблат часов. Этот не может быть нашим: до сеанса связи остается еще час. Самолет приближается. Сквозь верхушки деревьев виден проблесковый красный огонь. Гул мотора начинает ослабевать. Что такое? Светло как днем! Весь этот дьявольский мир освещен ярким белым светом. Каждая веточка, каждый куст вырисовываются, как на гравюре. Проклятая светящая бомба! За каким чертом командир самолета решил сбросить эту, видимо оставшуюся после выполнения какой-то боевой задачи, светящую бомбу именно в этом месте? Он не сбросил бы ее более точно над нами даже в том случае, если бы пользовался специальным прицелом.

Нам остается принимать все как есть. Наши преследователи, находящиеся поблизости, наверняка быстро сбегутся к месту падения бомбы. Бомба медленно раскачивается на стропах парашюта. Тени на земле перемещаются то в одну, то в другую сторону. Отовсюду доносятся голоса и крики, тяжелые шаги людей, бегущих сюда по тропам. Они хотят захватить парашют, а когда он опустится на нас и от бомбы загорятся ветви и кустарник, они захотят погасить пламя... Люди бегают взад и вперед всего в десяти метрах от края нашего укрытия. Я хорошо вижу их сквозь ветви.

Еще несколько секунд — и светящая бомба упадет где-то совсем рядом с нами, а вслед за этим сюда устремятся люди. Но что это? Тени становятся длиннее. Смотрю вверх. Бомбу, кажется, относит к северо-востоку. Парашют попал в полосу ночного бриза. Только бы парашют не загорелся до того, как его отнесет в сторону от

нас. Его относит, но очень медленно. В конце концов он цепляется за верхушки деревьев метрах в пятидесяти от нас. Еще несколько секунд — и ослепительный свет исчезает. Гул голосов и топот ног, бегущих к месту падения бомбы. Прищуриваю глаза. Все, что я вижу теперь, — это какие-то беспорядочно прыгающие в разные стороны красные шары.

Голоса ослабевают — люди уходят. Я мысленно повторяю составленное донесение. Сквозь верхушки деревьев снова видны звезды. Смотрю на часы. С величайшей осторожностью освобождаюсь от ремней рюкзака и начинаю поворачиваться со спины на живот. Пересохшие листья шуршат подо мной, как корнфлекс. Нащупываю в темноте голову Бокси и Грэйди. Шепчу им:

— Когда буду говорить в микрофон, прикройте мою голову своими телами, но так, чтобы не заземлялась антенна. Делайте все это очень осторожно.

Оба кивают в знак того, что им все ясно.

Поднимаю антенну, вставляю в гнездо штекер телефона и прижимаю голову к лежащему на земле рюкзаку. Натянув на голову капюшон куртки, включаю приемник и буквально вздрагиваю от ударившего в уши голоса. Грэйди изгибает свое тело вокруг моей головы, а Бокси, опираясь руками о землю, ложится сверху частью на меня, частью на Грэйди.

— «Подсолнечник-один»! Я — «Позолоченная клетка». Прием.

Я не отвечаю. Буду говорить, только один раз и хочу, чтобы меня слышали пять-на-пять. Позывные повторяют. С момента последней связи с нами прошло уже много времени, и напряженный голос оператора говорит о том, что и на этот раз он не надеется услышать что-нибудь. Я жду, когда самолет подойдет к нам еще ближе.

— «Подсолнечник-один»! Я — «Позолоченная клетка». Прием.

— Я — «Подсолнечник-один». Готов ли записать? Прием.

— Я — «Позолоченная клетка». Слышу тебя пять на пять. Если у тебя есть что передать, я готов записать. Прием.

Медленно и четко произнося каждое слово, начинаю передавать:

— Я — «Подсолнечник-один». Имел боевое столкновение с противником. Убитых — ноль. Раненых — ноль. «Подсолнечник» и номер три пропали без вести. Укрываемся от преследования, возможно, двух рот виктэ¹ Чарли. Окружены. Много троп, шалашей и домиков под деревьями. Срочно высылайте вертолет до...

Чувствую, как чья-то рука нажимает на мои ребра.

— Подожди, — добавляю я и выключаю рацию.

Бокси подсказывает шепотом:

— До рассвета.

На тропе слышатся шаги.

Снова шепот над моим ухом:

— О'кей!

Включаю передатчик.

— Я — «Подсолнечник». Прием.

— Я — «Позолоченная клетка». Слышу тебя по-прежнему пять на пять. Продолжай донесение. Прием.

— Высылайте вертолет до рассвета. Должен быть в районе четыре, один, три девятых до рассвета. Используйте «Хью»² с хоутел³ тангоу⁴ один. Потребуется уточнить направление движения к месту посадки. Должен иметь хоутел три-четыре для быстрого приема людей. Повтори запись начиная со слова «срочно». Прием.

— Я — «Позолоченная клетка». Повторяю: высылайте вертолет до... быстрого приема людей. Раздел. Если все правильно — нажми ключ два раза. Прием.

Нажимаю ключ.

— Все понял, «Подсолнечник». Подожди. Раздел. Я — «Позолоченная клетка». Прием.

Пауза, заполненная электрическими разрядами в атмосфере.

— Все понял. Раздел. «Подсолнечник», я — «Позолоченная клетка». Нажми ключ, если слышишь меня. Прием.

Снова нажимаю ключ. Скорей бы конец, черт возьми. Ребята прижали меня так, что дышать совсем нечем.

¹ Фонетическое обозначение буквы алфавита «V» — Victor. В данном случае означает солдат противника.— *Прим. ред.*

² Вертолет УН-1В.

³ Фонетическое обозначение буквы алфавита «H» — Hotel.

⁴ Фонетическое обозначение буквы алфавита «T» — Tango.

В целом выражение в данном случае означает: вертолет УН-1В с НТ-1 (т. е. с рацией НТ-1).

— Я — «Позолоченная клетка». Зимбалист¹ перехватил разговор и согласен удовлетворить просьбу. Прием. Нажимаю ключ дважды.

— Все ясно, «Подсолнечник». Утром увидимся. Желаю счастья. Прием.

Выключаю рацию и смотрю на часы: на всю связь ушло меньше пяти минут. Мне же эти минуты показались вечностью. Толкаю ребят головой, и они наконец освобождают меня. Убираю антенну и начинаю переворачиваться на спину. Стоп! Не в ту сторону. Переворачиваюсь через другой бок. Надеваю на плечи ремни рюкзака.

Глядя на звезды, начинаю думать о тактическом центре управления. Им придется спешно подготовить вертолет «Хью». На его шасси нужно еще смонтировать наружную антенну для радиации НТ-1. Не люблю, когда такие задания поручают американским летчикам², но в данном случае без вертолета не обойтись. Газовая турбина вертолета «Хью» не создает помех работе на маленькой радиации. Интересно, как они поймут сообщенные мной координаты? Когда нанесут их на карту? Примут ли их за наше точное место? После всех этих перебежек, даже если было бы светло, я не смог бы определить координаты места с точностью до сотни метров. То место, которое они получают на карте, обеспечит лишь прибытие вертолета в зону действия нашей радиации. Надеюсь, они поймут, что вертолету предстоит сыграть роль путевода при выходе к месту посадки.

¹ Кодовое наименование оперативного центра. — *Прим. ред.*

² Американские летчики, никогда не работавшие с нашими группами «специального назначения», не имеют представления о том, как все это происходит здесь, на земле. Они обыкновенно вступают в споры, когда видят, что наша практика расходится с тем, что написано в наставлениях. Американцы привыкли использовать в таких операциях вертолеты огневой поддержки, однако это хорошо для них и не подходит нам. Вьетконговцы уже изучили тактику американцев: невооруженный вертолет, сопровождаемый вооруженными машинами, означает, что будет произведена посадка, поэтому они немедленно занимают боевые позиции на всех вероятных местах посадки. Американские летчики неохотно садятся на неприкрываемые участки без предварительного обстрела близлежащих позиций. К тому же по сравнению с вьетнамскими летчиками американцы предпочитают площадки как можно большего размера. Но, конечно, и среди них есть исключения. — *Прим. автора.*

Пытаюсь расслабить мышцы и отдохнуть. Прислушиваюсь к ночным звукам джунглей. Дремать сегодня нельзя. Не дай бог кто-нибудь еще заворочается во сне или начнет храпеть. Грэйди, наверное, спит. Все эти дни он почти не спал. Может быть, принять бодрящие таблетки? Нет, не стоит. Они слишком возбуждают.

Как дела у Хоа и проводника? Если оба ранены, то их положение, пожалуй, лучше нашего. Два человека создают куда меньше шума, чем шесть. У них есть рация, и если они перехватят завтра нашу связь, могут выйти к тому же месту. А может быть, они даже разговаривали сегодня со связным самолетом. Не исключено, что они находятся еще ближе к противнику и поэтому не рискуют произвести даже малейшего шума.

А что делают наши преследователи? Продолжают ли они поиск, пользуясь своими светильниками в пузырьках из-под духов? Вряд ли. Скорее всего, они заняли позиции на огромном полукруге. Перекрыли все тропы и расставили людей вдоль ручьев и рек. Неужели они прошли так далеко? Утром, как только прибудет подкрепление, они, наверное, начнут сжимать кольцо, а до этого попытаются вытеснить нас из джунглей и заставить выйти на огромный открытый участок в четырех милях к западу. Движение начнут, по-видимому, ранним утром. Столкновения тогда, пожалуй, не миновать.

Становится прохладнее. Сон у ребят беспокойный. Прислушиваюсь к дыханию каждого, чтобы предотвратить движение во сне. Достаточно слегка коснуться спящего рукой, чтобы остановить попытку повернуться. Грэйди дышит глубоко, но не храпит.

Слегка толкаю каждого спящего. Пора двигаться. Приподнявшись на колени и опираясь рукой о землю, проверяю, достаточно ли плотно затянут пояс нейлоновой куртки, и запихиваю рацию за пазуху. Движения замедленные, осторожные. Времени еще много. Не видно даже звезд. Один метр, другой. По лицу больно ударяют сухие ветки. Какой-то сук сбивает с меня шляпу. С трудом нахожу ее. Останавливаюсь. Огромная ветвь с колючками. Иду немного вправо. Еще вправо. Хорошо. Прошли еще метр. Тишину ночи нарушает лишь шуршание одежды, когда по ней скользят ветки.

Смотрю на часы. Пробираемся на ощупь уже в течение часа. Еще шаг, снова ощупывание вытянутой рукой,

новые переплетенные ветви, новые колючки. Как долго это будет продолжаться? Терпение, терпение. Ну вот, кажется, дошли и до поляны. Я, скорее, чувствую ее, чем вижу за деревьями. Протягиваю руку назад и дотрагиваюсь до Бокси, чтобы передать ему знак остановиться. Теперь идти намного легче, растительность не такая густая. Видимо, я на поляне. Ощупью прохожу немного вправо. Чувствую запах горелого дерева. Вдалеке слышится чей-то голос. Кого-то окликают. Нащупываю рукой тропу, которая, по-видимому, опоясывает поляну. Небо светлеет. Возвращаюсь назад. Пережидаем десять минут и начинаем двигаться к деревьям на опушке. Сажусь. Остальные, стоя на коленях, окружают меня. Достаяю рацию. Ждем.

— «Подсолнечник», «Подсолнечник»! Я — «Медвежья лапа». Я — «Медвежья лапа». Прием.

Они близко. Чуть северо-восточнее нашего места.

— Я — «Подсолнечник». Слышу вас. Прикажете летчику ходить по малому кругу в течение десяти, повторяю: один-ноль минут. Указания последуют. Прием.

— Я — «Медвежья лапа». Понял, один ноль минут. Конец.

Будем надеяться, что вьетконговцы поймут это как глупую попытку поискового самолета определить наше место и начнут продвигаться к этому месту через лес. Будем надеяться...

— «Медвежья лапа». Я — «Подсолнечник». Прием.

— Я — «Медвежья лапа». Прием.

— Даю вам направление. Когда скажу слово «ноль», заметьте ваше место, пройдите еще две мили и сверните на север. Когда скажу «исполняйте», ложитесь на курс два-шесть-ноль. Ждите. Конец.

Гул мотора вертолета усиливается, потом ослабевает. Значит, он идет по кругу. На некотором расстоянии от нас слышатся два выстрела. Что это, сигнал? Очертания кустов и деревьев на земле с каждой минутой становятся более четкими.

Устанавливаю компас на восемьдесят градусов и жду, пока звук работающего мотора вертолета окажется на этом направлении.

— «Медвежья лапа», «Медвежья лапа»! Исполняйте, исполняйте. Прием.

— Понял тебя, «Подсолнечник», понял. Разворачиваюсь на два-шесть-ноль. Жду. Прием.

Вот уже слышны характерные шлепки лопастей по воздуху.

— Ты уже близко, «Медвежья лапа». Приготовиться... Ноль!

«Хью» пролетает над нами и скрывается. Огня в нашем районе по нему никто не открывает. С восточной стороны доносятся голоса. Я продолжаю прислушиваться к замирающему гулу мотора.

— «Медвежья лапа». Поворачиваю на север.

Гул мотора на повороте почти пропадает. Жду. Начинает заметно светлеть.

— «Медвежья лапа». Поворачиваю на один-четыре-пять.

Усиливающийся гул мотора подтверждает его сообщение.

После сообщения нам точных координат нашего места вертолет поворачивает для поиска места посадки к западу от нас и к востоку от большой поляны, указанной на карте. Я вешаю рацию на шею, оставив наушники включенными. Бокси идет во главе колонны. Мы быстро двигаемся на восток. «Хью» должен стать нашим путеводителем, но время пребывания его в воздухе ограничено.

Нам снова и снова попадаются тропы, поляны, высохшие кусты и верхушки спиленных деревьев. Вертолет пролетает прямо над нами. Справа от нас раздаются голоса. Теперь нам уже передали координаты места посадки. С вертолета сообщили также, что с северной стороны поляны проходит дорога со следами от колесной повозки, которая, возможно, является частью главной дороги в этом районе.

Бокси и Грэйди наблюдают, как я пытаюсь проложить на карте наш маршрут. Сигнальные выстрелы с восточной стороны. На этот раз уже ближе. Время снова трогаться в путь.

В наушниках раздается громкий голос оператора:

— Я — «Медвежья лапа». Будьте осторожны. В районе, где вы идете, много дымов. Прием.

— Я — «Подсолнечник». Просматривай место впереди нас: нет ли там людей. Смотри с малой высоты — дороги с воздуха просматриваются плохо. Конец.

Растительность становится менее густой. Ее все чаще и чаще пересекают тропы. Высохшие ветви спиленных

деревьев на тропях и дорогах становятся серьезным препятствием для дальнейшего продвижения: они предательски трещат, а иногда просто-напросто блокируют наш путь. Сучки то и дело срывают с головы наушники.

При движении через густо заросший участок колючки дикой малины исцарапали мне всю правую руку. Купол растительности над нами становится менее плотным. Над головой начинают появляться клочки чистого неба. Температура воздуха заметно повышается. В нейлоновой куртке жарко.

— Я — «Медвежья лапа». Вижу четырех Чарли. Идут по дороге на восток.

На восток? Я подаю знак — и ребята сразу же останавливаются. Пригибаются к земле. Смотрю на карту. Они, должно быть, поблизости. Бокси вопросительно смотрит на меня. Я поднимаю четыре пальца и показываю направление, где должна быть дорога. Вот впереди уже слышны шаги: кто-то быстро приближается к нам. Дороги не видно: она скрыта от нас коричневой стеной растительности высотой около пяти метров и огромными деревьями. Невидимые люди быстро проходят мимо нас. Снова слышно только щебетание птиц, горланное воркование белок да отдаленный гул мотора вертолета.

Снова двигаемся вперед. Справа — нескончаемая полоса густых кустов. Дорога, видимо, идет параллельно направлению нашего движения. Обилие света слева от нас говорит о том, что там, вероятно, поляна или какой-то открытый участок, пересекающий который небезопасно. Мы идем уже около двух часов. Останавливаемся только для того, чтобы прислушаться или замереть на время.

Перед нами высокие штабеля срезанных ветвей и кустов. Мы находимся внутри образованного этими штабелями угла. Бокси, не раздумывая, снимает рюкзак и начинает пробираться сквозь ветви и сучья. Через несколько минут он возвращается и жестом подзывает меня. Передаю свой рюкзак и рацию Грэйди и следую за маленьким сержантом. Подбираемся к дороге ползком. Наверное, это одна из главных дорог. Я выдвигаюсь немного вперед и смотрю вправо: дорога сливается с другой, которая, кажется, даже еще шире. На противоположной стороне дороги тоже стена из сухих веток и верхушек спиленных деревьев, причем сложенных так, чтобы их прикрывала

зеленая растительность джунглей во избежание обнаружения дороги с воздуха.

Бокси смотрит на меня. Положение безвыходное. Яжимаю плечами. Мы оба понимаем, что идти параллельно замаскированной дороге так же опасно, как идти по самой дороге, а на преодоление этих «баррикад» потребуется очень много времени. Возвращаемся к ребятам. Я надеваю рюкзак и прилаживаю на шее рацию.

Приблизившись к Грэйди, шепчу:

— Сейчас мы проделаем такое, чего эта группа никогда не позволяла себе делать с начала своего существования. Мы пойдем по еле заметной тропе при дневном освещении. Кусты здесь настолько густые, что вряд ли в них кто-нибудь скрывается. Опасность могут представлять только идущие навстречу. О нашем тыле можно не беспокоиться, если, конечно, нам не придется остановиться для проверки какой-нибудь пересекающей тропы.

Бокси идет впереди, выбирая самый бесшумный путь к развилке дорог. Прислушивается, глубоко вздыхает, делает шаг. Следом за ним иду я. Через развилку дорог мы почти перебегаем. Бежим бесшумно. О том, что мы бежим, говорят только качающиеся из стороны в сторону рюкзаки. Перебегают все. Бокси прокладывает путь в довольно быстром темпе, стараясь держаться на достаточном расстоянии от обочины. Он решает сойти с тропы с твердым покрытием и перейти на песчаную тропку, заглушающую шаги. Солнце палит нещадно.

В наушниках раздается предостережение: движение людей на тропях позади нас. Они перемещаются медленно. Видимо, идут в линию со всеми теми, кому поручено прочесать лес и кусты. Мы прибавляем шаг.

Снова треск в телефоне: наши «летающие глаза» напоминают нам, что запас топлива на исходе. Мы приближаемся к изгибу дороги. С вертолета сообщают: как только дорога (примерно через пятьдесят метров) снова повернет на запад, мы окажемся в районе участка посадки вертолета. Я прошу вертолет связаться с Н-34 и приказать ему немедленно вылетать:

— Попроси его подойти с юга. Лети домой. Спасибо. Прием.

— Тебя понял. Счастливо. Встретим с пивом. Конец.

Надеюсь, что нам суждено будет выпить это пиво. Выключаю из радиации наушники и снова кладу ее за пазуху.

Подаю рукой сигнал свернуть в сторону. Бокси находит прогалину в беспорядочно наваленных ветвях и сучьях и ныряет в нее. Пройдя груды из верхушек спиленных деревьев, оказываемся на сравнительно чистом пятачке. Папоротника, правда, и здесь много. Довольно быстро продвигаемся вперед. На пути снова штабеля сухих веток и сучьев. Бокси поворачивает вправо и через несколько минут подает нам знак остановиться. Потом исчезает и тут же возвращается с поднятым кверху большим пальцем правой руки. Мы пришли к месту посадки вертолета.

Обходим площадку — надо все проверить, прежде чем приглашать сюда вертолет. Подходим к западной стороне площадки. Тропа здесь снова уходит в джунгли. Кажется, мы одни в этом районе. Прикидываю в уме, как будут действовать наши: если в спасательной операции участвует целая армада вертолетов, то приемная партия будет метрах в трехстах к западу, у края поляны. Оставляем одного человека в таком месте, чтобы он мог наблюдать за дорогой и в то же время быстро выбежать на поляну.

Идем в обратном направлении и оставляем радиста на позиции, позволяющей обзирать подходы к поляне. Мы с Грэйди останавливаемся на противоположной стороне поляны, а Бокси и шестой человек идут дальше, к восточной стороне. Когда Бокси возвращается, мы прокрадываемся к кромке леса и жадно всматриваемся в небо на южной стороне поляны. Я достаю рацию, прилаживаю телефон и включаю рацию: пока одни помехи. С нетерпением ждем появления черных точек на голубом небе над сравнительно невысокими деревьями напротив нас. Если противник прочесывает джунгли, то мы, пройдя часть маршрута по дороге, выиграли время и ушли вперед, но вряд ли больше чем на милю.

Треск в наушниках прекращается. Прорывается голос какого-то вьетnamца. Хоа? Я быстро снимаю наушник и передаю рацию Бокси. Он прислушивается. На лице его появляется улыбка. Он уже готов был нажать ключ, как вдруг нахмурился. Посмотрев на меня, разочарованно произносит:

— Это не Хоа.

Продолжает слушать. Лицо хмурится еще больше:

— Нет, нет. Это не Хоа. Просит выслать вертолет. Может быть, это вьетконговец, — заключает он и возвращает мне рацию.

Означает ли это, что они схватили Хоа и пользуются его рацией? Давно ли они вышли в эфир? Продолжаю слушать. Короткая фраза повторяется через небольшие промежутки времени. Держу рацию включенной. Мощность радиосигнала небольшая. Возможно, это совсем другая рация, и к Хоа она не имеет никакого отношения. Может быть, кто-то неподалеку от нас работает на частоте, близкой к нашей, и, если он попытается отвлечь на себя вертолет, когда он появится, я, наверное, смогу заглушить его сигнал.

Грэйди хлопает меня по плечу и показывает на небо. В южной части довольно высоко над горизонтом появились два темных пятнышка. Я киваю все еще хмурому Бокси. Пригласив с собой Грэйди, крадусь к поляне. Перейдя дорогу, укрываемся в высокой траве так, чтобы нас смогли увидеть сверху. Я сажусь на землю, а Грэйди становится на колени позади меня и время от времени осматривает джунгли вокруг поляны. Темные пятнышки принимают очертания вертолетов. В телефоне по-прежнему раздается фраза на вьетнамском языке, но на нее никто не отвечает. Если все идет в соответствии с наставлением по ведению операций, то на каждом вертолете должно быть по одному американцу и по одному вьетнамцу, работающих на рации НТ-1. Достаю из кармана рубашки толстое круглое зеркальце с отверстием в центре. Вертолеты уже намного ближе, но я еще не слышу их. Прикидываю направление на солнце и навожу отраженные зеркальцем лучи на верхушки деревьев напротив. Увидев «зайчик», осторожно перевожу его на вертолеты. Слегка покачиваю зеркальцем. Разрыв между вертолетами увеличивается. Один из них поворачивает и идет прямо на нас, уменьшая высоту. Второй, по-видимому, производит отвлекающий подход к соседней большой поляне.

Вертолет ведет, видимо, мой друг вьетнамец, иначе он не повернул бы так быстро. Еще раз направляю «зайчик» на вертолет, потому что он не увидит нашу полянку практически до того момента, когда будет над ней. Неожиданно в телефоне раздается громкий голос: кто-то отвечает на вьетнамском языке на чей-то запрос. В эфире снова слышится работа рации со слабым сигналом, которую мы уже ловили. Но на этот раз фраза другая, более длинная.

— Я «Подсолнечник». Скажите вьетнамцу, чтобы он не обращал внимания на работу рации, с которой он толь-

ко что имел связь. Противник работает на той же частоте. Возможно, он имеет наше наставление по связи, расписание частот, позывные и код...

Замечаю, как второй вертолет изменяет направление полета.

— Поняли меня? Прием, — заканчиваю я.

— Понял тебя, «Подсолнечник». Это мой коллега на другом вертолете. Передам ему через пилота. Конец.

Сойдя с курса на запад, второй вертолет неожиданно набирает высоту и устремляется влево. Я перевожу взгляд на вертолет, летящий к нам: он уже совсем рядом. Гул его мотора хорошо слышен. Я разворачиваю цветное полотнище.

— Я — «Трамвай». Я — «Трамвай». Вижу ваше полотнище. Иду на вас. Конец.

Убираю полотнище, приподнимаюсь на одно колено и смотрю в ту сторону, где дорога выходит на поляну. Грэйди прикрывает правую сторону. Гул мотора усиливается. Число оборотов винта резко меняется, четыре лопасти неистово ударяют по разреженному воздуху. В спину бьет воздушная волна. Наш человек, оставленный на дороге, выбегает на поляну и устремляется к нам. Уголкем глаза вижу, что радист делает то же самое.

Чувствую, как за мной вибрирует корпус вертолета. Насколько низко летчик рискнет опуститься? Воздушная струя от винта с силой придавливает траву к земле. Летчик посадил вертолет прекрасно. Ребята с опушки молниеносно подбегают к вертолету позади меня. Хлопаю Грэйди по плечу: поднимайся, мол, скорее и беги к вертолету. Грэйди в нескольких шагах впереди меня, ставит автомат на предохранитель. Я же, сняв левой рукой рацию с шеи, бегу за ним. Передо мной выглядывающий из двери кабины Бокси. В двух шагах от двери бросаю в нее рацию и автомат. Потом с разбегу ныряю в проем двери головой вперед. Меня подхватывают и моментально втаскивают в кабину... Вертолет уже поднимается и разворачивается. С земли под нами раздается беспорядочная ружейная стрельба, но через несколько секунд в ушах только гул мотора. Мы в безопасности.

Я ложусь на спину. Бокси обнимает меня, целует. Остальные ребята хлопают меня по плечам. Командир вертолета, толстяк, улыбается из-под своего шлема. Я все

еще не верю, что мы спасены. Даже струя холодного воздуха из двери не помогает мне прийти в себя.

Командир вертолета трясет меня за руку и сует мне свой шлемофон: хочет, чтобы я послушал разговор в эфире.

— Эй, эй! В чем дело? Почему не отвечаете? Второй вертолет принимает лейтенанта и одного солдата. Много пробоин от пуль, но все в порядке, и никто не ранен...

Я рывком срываю с себя шлемофон и сообщаю новость Бокси. Все радостно похлопывают друг друга. Бокси крепко жмет мою руку.

Командир вертолета опять теревит меня за руку и показывает на окно с левого борта. Я оборачиваюсь и вижу целую стаю вооруженных вертолетов «Хью». Ракетные контейнеры на них открыты. Я прихожу наконец в себя. Война еще не кончена. Вертолеты спешат в район, где мы только что были, чтобы обстрелять невидимые цели.

Там на корточках сидит пожилой человек, склонив голову над миской с рисом...

III

— Откуда у тебя это зеркальце? — спросил меня Мэнни.

Мы сидели в слабо освещенном прохладном баре базового клуба. Я тянул вторую рюмку джина с тонизирующей настойкой, Мэнни пил шотландское виски. Мы прилетели в базу два часа назад. Радостная встреча с Хоа, короткий разговор о выполнении задания, душ, бритье, переодевание. Осиливая бифштекс с яйцом, я рассказывал Мэнни о выполнении задания. Грэйди и Ковач, помощник Мэнни, — позади нас, у стойки, усиленно жестикулируя, рассказывают друг другу, как прошла операция.

— Его дал мне Вин, перед самым вылетом на задание, — ответил я.

— Ковбой? — Такое прозвище дали капитану, когда он прибыл к нам в широкополой лохматой шляпе и с болтающейся на длинных ремнях кобуре с револьвером. — Как же это произошло?

— Это спасительное зеркальце. Он дал мне его перед посадкой в вертолет и сказал при этом, что увидит отраженный от него «зайчик» на большом расстоянии и поэто-

му будет вести вертолет независимо от указаний радиооператора. Он прав, конечно. Зеркальце куда безопаснее дымовой пашки.

— Дымовая пашка — последнее дело, — согласился Мэнни. — Ты, конечно, знаешь, что нас с тобой он считает безумцами.

— Знаю. Он говорит, что мы ходим на задания слишком часто. Впрочем, на этот раз он оказался почти прав. Нам страшно повезло. Но тебе-то, Мэнни, повезло куда меньше: один убит и один ранен. Наверное, был жаркий бой. Расскажи, как все это произошло?

— Нашей целью была гора на противоположной стороне того западного хребта, у которого орудовал ты. Из инструктажа мы поняли, что противник может встретиться нам на каждом шагу. Когда мы высадились, нас, возможно, видели с верхних склонов. На следующий день мы подошли к подножию горы, но подняться оказалось почти невозможным. Ты, наверное, никогда не видел такой густой вьющейся и ползучей растительности. Из-за того, что склоны оказались крутыми, нам пришлось обходить их. При этом мы были вынуждены пересекать тропы.

— А как вы устроились на ночлег?

— И смех и грех! Чтобы не скатиться вниз, пришлось чуть ли не привязывать себя к деревьям. Временами до нас доносились голоса.

— А с виска горы, как они называют вершину, тоже подавали голос?

— Возможно, и оттуда. По-моему, там сидел наблюдатель. — Лицо Мэнни стало мрачным. — Нас тоже сопровождали сигнальные выстрелы. Как только связной самолет входил в зону видимости или слышимости, сразу же раздавался выстрел. На следующий день пробиваться стало еще труднее. Во второй половине дня мы наткнулись на родник, к которому вело множество троп. Наблюдать за всеми сразу мы никак не могли, а вода нужна была во что бы то ни стало. Мы уже почти наполнили фляги, когда увидели приближающегося к нам монаха. Заметив нас, он быстро побежал назад. Догнать и схватить его не было никакой возможности, а стрельба по нему не помогла бы нам. К тому же оставался еще шанс, что он будет молчать.

— Такая ситуация мне знакома, Мэнни. Нечто подобное произошло с нами в долине к западу от Данг-Ба-Тина,

знаешь? В таких случаях не остается ничего другого, как надеяться на счастье.

— Мы быстро смотались оттуда,— продолжал Мэнни. — Потом беспрерывно находились в движении. Но минут через сорок пришлось остановиться: перед нами вышлась непроходимая стена из очень густых зарослей.

К нашему столику придвинули свои стулья солдаты из других разведывательных групп. Официантка наполнила наши бокалы.

— Мы оказались перед выбором: либо идти по тропе, либо попытаться перебраться через вершину хребта на другую сторону. Посоветавшись, решили идти через хребет...

Несколько связистов и других ребят из обслуживающего персонала придвинулись к нашему столу еще ближе. Мэнни отпил глоток из бокала и продолжал:

— Огонь открыли неожиданно. Стреляли откуда-то с вершины. Мы стали отвечать, но не видели, в кого целиться. Пули свистели со всех сторон. Командир группы приказал отступить. Не успели мы сделать и десяти шагов, как пули подкосили нашего головного дозорного. Он упал. Растерявшийся командир группы повернулся в мою сторону и уставился на меня выпученными от страха глазами. Руки он почему-то поднял вверх. Тогда я решил принять командование на себя. Во-первых, приказал Ковачу тащить раненого парня...

— Я не верил своим глазам, — вмешался Ковач. Агент выдавал его происхождение. — Мэнни развернулся и, отстреливаясь, помчался к вершине. Пули сыпались на нас со всех направлений. Мы побежали за ним, беспорядочно стреляя на ходу.

— Мой расчет был таков: им и в голову не пришло, что мы можем отважиться перебраться через хребет, продолжал Мэнни. — Добравшись до перевала, мы стали спускаться по другой стороне. Тем временем ранило еще одного парня, но, к счастью, только в руку.

— Странно, — удивился я. — Почему же они не забросали вас гранатами?

Мэнни пожал плечами. Рассказ продолжил Ковач:

— Однако вскоре нам пришлось остановиться: у меня больше не было сил тащить парня. Его ранило в живот и в ногу. Всю дорогу он пытался что-то сказать.

— Я спросил командира группы, что говорит этот парень, — снова вмешался Мэнни. — Командир перевел мне, что парень не надеется выжить и просит оставить его. Я уже думал об этом. За нами все еще слышалась беспорядочная стрельба, крики, треск сучьев, а тащить парня через кусты — значит двигаться очень медленно, а возможно, и вовсе застрять. Когда же я узнал, о чем просит этот бедняга, сразу принял решение. Мы сняли с парня все лишнее и сделали ему два укола морфия. Я отдал Ковачу свой рюкзак, взвалил парня на спину, и мы двинулись дальше. Стало заметно темнеть, но останавливаться было нельзя. Поэтому-то, как и вам, нам пришлось нарушить основное правило, то есть идти по тропам. Я до сих пор не могу понять, почему они не блокировали дороги. Вниз спустились очень быстро. Во время сеанса связи в двадцать два ноль-ноль сообщили центру, что произошло, и попросили иметь в готовности вертолеты на случай, если нам удастся найти место для посадки.

— После вашего сообщения поднялась такая суматоха! — вмешался в разговор кто-то из связистов. — Они даже подняли по тревоге две роты «рейнджеров»¹. Но вся беда в том, что готовых вертолетов для их переброски не было.

Мэнни улыбнулся и продолжал:

— Мы шли, не останавливаясь. После того как стемнело; наши преследователи продвигались медленно, но сильно не отставали. Примерно к полуночи мы вышли к шоссе.

— К полуночи! — воскликнул я. — Всемогущий бог! И вы продолжали бежать, а ты всю дорогу нес этого парня!

Мэнни кивнул в знак согласия.

— Как только мы вышли к шоссе, сразу же развернули радиостанцию сто шестьдесят два² и начали вызывать вертолет. Парень, которого я все еще нес, был без сознания. При ранении в живот трудно что-нибудь сделать в полевых условиях, к тому же состояние его ухудшилось от сильных сотрясений при беге. Вся моя одежда пропиталась его кровью. Пока мы держали связь по радио, на

¹ «Рейнджер» — военнослужащий десантного диверсионно-разведывательного подразделения. — *Прим. ред.*

² HC-162D — радиостанция на автономном питании с боковой полосой частот. Обеспечивает радиотелефонную и радиотелеграфную связь. — *Прим. автора.*

шоссе появился грузовик. Наши вьетнамцы хотели остановить его, но я решил не рисковать и запретил делать это. Грузовик проехал мимо нас и через какую-нибудь минуту на следующем повороте взлетел в воздух. Чарли устроил там засаду. Ну а остальное очень просто. Вертолет прибыл и приземлился около шоссе. Раненый парень умер минут за пятнадцать до этого. Когда мы поднимались, по вертолету был открыт ружейный огонь. Позднее мы обнаружили четыре попадания, однако существенного вреда пули не причинили. Парень, которого ранило в руку, чувствует себя ничего. Ходит где-то здесь с рукой на перевязи.

Мэнни отпил большой глоток из бокала.

— Пожалуй, и вам тоже повезло. Правда, один убит и один ранен... А как общее настроение?

— Бодрое, — ответил Ковач. — На Мэнни смотрят как на какое-то божество и считают, что еще легко отделались: мы не оставили там ни раненого, ни труп парня. Сначала думали, что всем придется погибнуть на этих скалах. Оно так и было бы, если бы не Мэнни. Он уже устал от комплиментов. Всякий раз, когда кто-нибудь увидит его, крепко жмет ему руку и похлопывает по плечу. Многие думают, что Мэнни не может ошибиться, даже если захочет. И хотя один человек был все же потерян, результат вылазки считается весьма благополучным.

— А почему бы и не так? — вмешался я. — Вьетнамец придает очень большое значение тому, что произойдет с его телом, когда он умрет.

Вернувшись к стойке вместе с Джеком Грэйди и Терри Адамсом, Ковач стал повторять свой рассказ. По сравнению со своими слушателями атлетического сложения Ковач выглядел тучным. По выражению лица Грэйди и по тому, как он уселся на табурет у стойки, я понял, что не пройдет и нескольких минут, как он перебьет Ковача и начнет рассказывать, что произошло с ним в ходе последней операции. Мэнни посмотрел на них и улыбнулся. Потом перевел взгляд на Грэйди, который с вдохновением рассказывал Биллу Кейну о боевом столкновении нашей группы.

— Эй, Верли, если мы посидим здесь подольше, услышим всю историю войны. Поедем-ка лучше в город, — предложил Диксон.

— О'кей. Потом увидимся, ребята, — бросил Верли, махнув рукой.

Когда они с шумом направились к выходу, Мэнни остановил их.

— Не напивайтесь так, чтобы утром болела голова. Завтра, возможно, придется идти на задание. И пожалуйста, держитесь подальше от военной полиции. Если увидите Тралоу, передайте ему то же самое.

Блайт обратился через всю комнату к Кертису:

— А почему бы и нам не пойти в город, Аллен? Давай поддержим местную экономику нашим скромным капиталом. Не могу допустить, чтобы эти всемогущие и всезнающие сосунки оказались впереди нас, — добавил он, изогнув большой палец правой руки в сторону удалявшихся Диксона и Верли.

— Поддержать местную экономику, говоришь? — нараспев спросил Кертис и бросил взгляд на часы. — А впрочем, почему бы и нет, черт возьми? Как ты, Мэнни, не хочешь прошвырнуться? А ты, Данк? Кто-нибудь поедет с нами в город?

— Нет, спасибо, — ответил Мэнни. — Нам не под силу соревноваться с вами в барах.

Через несколько секунд с улицы донесся рокот помчавшегося в город джипа. К нашему столику подсел Билл Кейн.

— Не могу понять, как это им удастся, — заметил я, обращаясь к Мэнни. — С тех пор как эти два молодца появились здесь, я еще ни разу не видел, чтобы кто-нибудь из них тратил на выпивку в этих барах меньше пятнадцати долларов в день.

— За день и ты можешь истратить столько же, — с улыбкой проговорил Мэнни. — Но прикинь, сколько они тратят помимо этого. В среднем получится, пожалуй, меньше, чем у нас. Они и на Окинаве делают так же, поэтому им и приходится приезжать сюда каждые полгода: надо же как-то поправлять свои финансовые дела.

— Мэнни, а ты когда-нибудь интересовался, почему из тех ребят, что возвращаются с задания, редко кто едет в город в тот же вечер?

Мэнни с удивлением посмотрел на меня.

— А чем здесь интересоваться? Просто они устают, поэтому и не едут.

— Конечно устают. Но я думаю, имеются и другие причины... По-моему, у нас появляется потребность говорить... Выпить и говорить. Ведь даже ты говоришь в таких случаях больше, чем обычно.

Мэнни покраснел. В голосе послышались нотки раздражения:

— Удивительного в этом ничего нет. После разговора шепотом в течение четырех-пяти дней поговорить вслух — одно удовольствие. Как будто прочищаешь горло.

— Может быть, — заметил Кейн. — Те, что едут в город, направляются туда вовсе не для того, чтобы провести ночь с женщиной. Ты почти наверняка можешь определить, насколько трудным было задание, по тому, как много и как громко мы рассказываем о нем, вернувшись сюда. Прислушайся вопи к тем двум, что у стойки: могу поклясться, что Ковач не на шутку перепугался в последней операции. Посмотрите: он все еще рассказывает о ней, хотя с момента возвращения прошло уже больше суток.

Мэнни посмотрел на Ковача и Грэйди и, наклонившись к столу, сказал:

— Конечно, он перепугался. Все мы перепугались. Нужно время, чтобы прийти в себя после всего этого.

— Вот, вот. Правильно, — согласился Кейн. Он прослужил в армии восемнадцать лет — более половины своей жизни.

— В первую очередь мы хотим выговориться, освободиться от страха, от напряжения, — заметил я.

— Мы сидим здесь и рассказываем не о том, какими мы были мужественными и смелыми, а как раз наоборот, — заметил Мэнни. — Я, например, рассказывая о задании, признаю, что было страшно, что я боялся. То же самое утверждаешь и ты, и Ковач, и Грэйди.

— Правильно, правильно, Мэнни, — вмешался Билл. — Все мы понимаем, что нам страшно, что мы боимся, и, казалось бы, незачем об этом говорить. Тем не менее мы говорим, потому что, чем больше мы говорим, тем больше в нашем сознании страх теряет обоснованность. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, пока мы ходим на задания, у нас нет желания идти к женщинам.

Некоторые из ребят засмеялись, и даже Мэнни улыбнулся.

— Благодарю вас, мистер. Как ты пришел к такому заключению?

— Все едино. Ковбой прав: мы самые настоящие сумасбродные чудачки. Психолог нашел бы среди нас предостаточно интересных экземпляров. — Я сделал паузу и отпил глоток из бокала. — Всякий раз, когда мы идем на задание, мы знаем, что будет страшно, что мы будем бояться, и мы действительно каждый раз боимся. Все мы согласились участвовать в этих операциях добровольно. Нас никто не заставлял и никто не гонит, но мы идем. Почему?

— Наверное, потому, что мы всегда думаем о долге, о чести, о славе, о родине, — с улыбкой проговорил Билл.

Все засмеялись, а Мэнни возразил:

— Эти слова ты лучше побереги для ответа на заданиях по информации и общеобразовательной подготовке. Мы идем на задания потому, что это наша работа, и мы неплохо выполняем ее как специалисты. Подготовка у нас лучше, чем у вьетконговцев. Своей работой мы доказываем, что небольшая группа может действовать в тылу у вьетконговцев и чего-то добиваться в сложных условиях джунглей Вьетнама.

— Ты, Мэнни, отвечаешь на вопрос — «что» и «как», а не на вопрос «почему», — заметил я. — Ты поясняешь, что мы собой представляем и как действуем. Конечно, мы хорошо подготовлены и располагаем стоящими тысячами долларов сложнейшими радиостанциями, вертолетами и самолетами связи С-47. При условии, если первые два-три часа операция проходит благополучно, мы уже гарантированы не менее чем на пятьдесят процентов, что через пять дней вернемся на базу. Мы должны уметь обращаться с техникой, которой нас обеспечивают, потому что это единственное, на что мы можем рассчитывать. Мы на горьком опыте убедились, что местные жители никогда и ничем не помогут нам. Вьетконговцы располагают людьми, которые помогают им, а мы — вертолетами. Я не согласен с тем, что об эффективности наших действий можно говорить вне зависимости от этого положения.

— И все же я утверждаю, что каждый из нас в отдельности действует в джунглях лучше любого вьетконговца. Мы быстрее передвигаемся, лучше стреляем, — упорствовал Мэнни.

— С этим я согласен. Принимая во внимание, что их много и что они объединяют свои усилия, а мы действуем отдельными группами, а также то обстоятельство, что они

знают все дороги и тропы, а мы избегаем ходить по ним, когда знаем, что им известно о нашем нахождении в данном районе, ты, конечно, прав. К тому же...

— Все это очень интересно, — перебил меня Билл, — но мы уклоняемся в сторону от основного вопроса. Скажи, Данк, почему мы продолжаем ходить на задания?

— Страх заставляет нас идти снова и снова.

Мэнни фыркнул.

— Получается какой-то заколдованный круг: мы идем на задание из-за страха, чтобы еще раз испытывать страх.

— Мне кажется, Данк говорит о двух видах страха, — снова вмешался Кейн.

— Страх есть страх, — продолжал Мэнни. — Разница только в степени его. Одни люди боятся меньше, другие больше, а иногда бывает и так: тот же самый человек в одно время боится больше, а в другое меньше.

— Ты не прав, Мэнни, — вмешался я. — Существует много видов страха, хотя иногда эти виды заметно не отличаются один от другого. Но давай возьмем только два вида. Скажи, чего мы боимся в ходе выполнения задания?

— Боимся, что нас убьют... Смерти боимся, — ответил Мэнни.

— Правильно. Боимся смерти. И, как говорится в одной книге, именно этот страх — страх умереть — помогает нам уцелеть. Тем не менее мы ненавидим этот страх, мы негодуем, когда испытываем его, потому что считаем, что, чем больше мы боимся, тем меньше достойны называться мужчинами...

В какой-то момент в моем сознании промелькнул эпизод из последней операции, когда я должен был перейти ручей на совершенно открытом участке. Интересно, почему в таких случаях чувствуешь себя как бы голым?

— Страх, заставляющий нас идти на задание снова и снова, сильнее страха смерти, — продолжал я, — это страх оказаться недостаточно мужественным, недостойным называться мужчиной.

— Да перестань, Данк! — возмутился Мэнни. — Мне вовсе нет необходимости доказывать, что я мужчина, и тебе тоже, да и любому из нас.

— Правильно, нет никакой необходимости. И тем не менее мы доказываем. Нам никого не нужно убеждать в этом, поэтому мы пытаемся убедить самих себя.

— Давай возьмем другой пример, Мэнни, — предложил Кейн. — В парашютной школе люди всегда боятся прыгать, но они тем не менее прыгают, потому что им постоянно твердят: все боятся прыгать и все-таки прыгают, а вы что, хуже других? Им внушают, что если они подчинятся инстинкту и откажутся прыгать, то они не мужчины. И они прыгают, потому что боятся прослыть трусами.

— Ну это, пожалуй, правильно, — с неохотой согласился Мэнни. — Но разве это одно и то же?

— Конечно, — ответил Билл. — Спрыгнуть с самолета с высоты трехсот метров так же страшно, как подставить себя под пули при перебежке на земле. И то и другое ты делаешь для того, чтобы доказать что-то.

— Правильно, — согласился я. — Сознывая, что нам это не нравится или даже что нам страшно, мы тем не менее снова и снова идем на это. У нас две возможности: идти или отказаться. Но мы предпочитаем не отказываться, потому что, несмотря на то что за отказ нас никто не осудит, мы сами усомнимся в своем мужестве.

— А я считаю, что мы не идем к женщинам потому, что устаем, — с раздражением возразил Мэнни.

— Я никогда не замечал, чтобы кто-нибудь из нас спешил после возвращения с задания завалиться спать. Однако держу пари, на следующий день большинство окажется в городе в поисках приключений.

Эти слова Кейна вызвали всеобщий смех. Билл имеет обыкновение говорить так, что не поймешь, понимает ли он сам, о чем толкует. Собравшиеся вокруг нас ребята начали расходиться.

Мэнни переменял тему разговора.

— Готов держать пари, что в том районе, где действовала твоя группа, сейчас идет жуткая ругань.

— Ты имеешь в виду эти две засады?

— Да. Тот, кто отвечал за это дело, наверное, выходит сейчас из себя.

— Да уж не без этого, — согласился я. — Вьетконговцы, с которыми мы вступили в перестрелку, шли и разговаривали между собой, не подозревая о нашем присутствии в этом районе.

— Когда началась стрельба, они, наверное, долго ничего не могли понять, и получилась какая-то неразбериха, — решил Билл. — Они, видимо, никак не могли пове-

рить в то, что вам удалось благополучно проскользнуть, и решили поэтому, что стреляет, видимо, кто-то другой. Возможно, именно это обстоятельство и помогло вам оторваться от них.

— А как вел себя Грэйди? — спросил Мэнни. — Выйдет из него командир группы?

— Слышишь, о чем он сейчас рассказывает? О переходе через речушки и о том, как мы перехитрили вьетконговцев. Без основательной подготовки и тренировки такой маневр не выполнишь. Однако для роли командира группы он пока еще не созрел. Реакция у него хорошая: стреляет, когда надо, и воздерживается, когда нельзя обнаруживать себя. Но ему еще надо научиться спать. По-моему, он боится спать, опасаясь, как бы чего не случилось. Со временем из него выйдет хороший командир группы. А пока он хороший помощник. А как вел себя Ковач?

— Думаю, из него выйдет хороший командир, — ответил Мэнни. — Но сейчас он еще не совсем в форме. Я очень доволен, что он не оказался в числе раненых. Представляешь себе, каково бы нам было, если бы пришлось тащить такой груз? Если ранят тебя или меня, вьетнамцы донесут нас, а вот если его — трудновато придется. Но для роли командира группы он тоже пока не готов. Сходит еще на одно-два задания и тогда, пожалуй, сможет пойти командиром.

— Как ты думаешь, Мэнни, теперь, после того как мы побывали там и установили, что Чарли в этом районе есть, пошлют туда наши войска? — спросил я.

— Да не похоже на то, чтобы собирались, — с негодованием ответил Мэнни. — Как и всегда, мешают какие-нибудь препятствия. То войска не готовы, то нет достаточного количества вертолетов, то они нужны в другом месте. Ты же знаешь, они найдут десяток причин, чтобы не начинать операцию. Помнишь, ты говорил на инструктаже перед вылетом на задание: «Если вы так уверены, что противник там, зачем посылать восемь человек? Почему бы не послать сразу целый батальон?» Помнишь, ты спрашивал? Они ведь даже не бомбили гору, на которую высадили нас, потому что на ней стоит какой-то храм... Храм, принадлежащий монаху, который накликнул на нас беду.

— Это начинает напоминать мне историю с королевским ослом, — заметил я. — Какой смысл организовывать разведку для подтверждения уже известных данных, если

никто не собирается после этого действовать? Шестнадцать человек снова рисковали своей жизнью ни за что ни про что. Они всегда говорят, что намерены предпринять те или иные акции, если мы обнаружим что-то, но потом все равно ничего не предпринимается. И больше всего меня раздражает то, что нас посылают с такой поспешностью, что мы даже не успеваем изучить район, в который высаживаемся.

— На инструктаже ты был явно чем-то недоволен, когда говорили о твоём районе, — припомнил Мэнни. — Я думал, это из-за того, что вашу группу посылали вне очереди, ведь вы отдохнули только три дня. А что, ущелье действительно было очень узким?

— Ты даже не можешь себе представить, насколько оно узкое. С воздуха его не видно: оно закрыто деревьями. В нижней части долины деревья высокие, а чем выше по склону, тем они становятся меньше. В средней его части течет ручей, поэтому оно и кажется широким. Единственное, что нам удалось, это расшевелить наших «друзей».

В комнату вошел и остановился около двери писарь из центра управления боевыми действиями Дэйв Лоусон. Отыскав прищуренными глазами наш стол, он подошел к нам и, улыбаясь, обратился к Мэнни:

— Мэнни, вьетнамцы собираются завтра утром устроить церемонию. Хотят наградить тебя и Ханки медалью.

Услышав свое имя, Ковач подошел к нам и поинтересовался:

— Какой медалью?

— Точно не знаю, — ответил Лоусон, — но думаю, что тебя бронзовой звездой, а Мэнни — серебряной.

— Ковач, ты собираешься куда-нибудь в ближайшие дни? — поинтересовался Мэнни.

Ковач отрицательно покачал головой, и Мэнни обратился ко мне:

— А как ты, Данк? У тебя есть какие-нибудь планы?

— Собираюсь покупаться и позагорать. А что?

— Мне нужно съездить в Сайгон на несколько дней, а один из нас должен быть здесь.

— А тебе не нужно ехать в Сайгон, — вмешался Дэйв. — Церемония награждения будет здесь.

— Знаю. Вот поэтому-то я и должен поехать в Сай-

гон, — сказал Мэнни и, поглядев на Ковача, добавил: — Ханки, поскольку ты никуда не собираешься, получишь обе медали.

Ковач смутился. Он выглядел так, будто попал в ловушку, сам того не подозревая. А для Лоусона, который по минутам рассчитывал свое летное время, чтобы получить право на «авиационную медаль», поведение Мэнни было совершенно непостижимым. Ковач и Лоусон молча направились к стойке бара.

— А как ты собираешься попасть в Сайгон, Мэнни? — спросил Кейн.

— Один вертолет скоро вылетит за вдовой умершего солдата, ее доставят сюда. Это одна из тех сцен, в которой мне не хотелось бы участвовать. — Мэнни посмотрел на часы и, резко отодвинувшись от стола, встал. — Пойду-ка я лучше соберу чемоданчик да скажу летчику, что полечу с ним. Данк, — обратился он ко мне, — посмотри вместе с Биллом за Ковачом, чтобы он не набрался лишнего, а то, чего доброго, забудет, что группа собирается сегодня вечером. Ладно? Я пошел. Увидимся через два дня.

— О'кей, Мэнни. Желаю тебе удачи. Если произойдет что-нибудь особенно важное, сообщу тебе через центр управления.

Мы с Кейном вернулись к обсуждению событий последних дней.

— Пойдем к стойке, Билл, — предложил я. — Если продолжать пить сидя, то, пожалуй, мы и не поднимемся из-за стола.

Билл согласился. Взяв бокалы и сигареты, мы присоединились к ребятам у стойки. Грэйли уже дошел до середины, рассказывая о последнем задании. Ковач же нетерпеливо ожидал очереди рассказать о себе.

— Мне, пожалуй, надо остановиться, — проговорил я, перемешивая кусочки льда в бокале. — Моя группа тоже собирается сегодня вечером. Вьетнамцы сейчас, наверное, готовят стол в ресторанчике.

— А сколько они рассчитывают получить за это задание?

— Гм... Трудно сказать. В перестрелке мы наверняка убили троих. Если прибавят еще двух, которых мы скосили позднее, на дороге, то получится пять тысяч пиастр-

ров¹. Надо полагать, они убедят руководство в том, что убили не меньше десяти вьетконговцев. Тогда эта сумма удвоится. То же самое, очевидно, и в группе Мэнни.

— Ого! Значит, пир будет богатый, — заметил Билл. — К тому же они, наверное, получают еще и за умершего солдата. А что, обе группы будут праздновать в одном месте?

— Вряд ли. Каждый захочет произнести тост за героев и в красках рассказать, что его группа — самая смелая, самая хорошая. А ведь это невозможно, если обе группы будут рядом. Мне, наверное, обязательно придется заглянуть и в группу Мэнни и Ковача и выпить с ними по рюмочке.

— Зачем? Потому что там не будет Мэнни?

— Частично поэтому, — ответил я. — Но главным образом потому, что до Мэнни с этой группой ходил я. Они, конечно, будут ждать, что я зайду к ним.

— А я и не знал, что ты ходил с этой группой. Думал, что ты всегда ходил только с той, с которой ходишь сейчас.

— Это было еще тогда, когда проект «Дельта» только начинал развивать свою деятельность. Мы реорганизовывались после фиаско в Лаосе. Тогда у нас не было ни штабного, ни полевого отделений, поэтому мы выполняли всю работу сами. У нас было только четырнадцать человек, и с каждой группой ходил только один американец. Командование в Сайгоне, узнав об этом, решило, что одному американцу ходить с вьетнамцами слишком опасно, поэтому на нас легла двойная нагрузка, то есть нам приходилось ходить в два раза больше: сначала с одной группой, потом с другой. Группа Мэнни как раз и была моей второй группой.

— Это похоже на недоверие вьетнамцам. А я думал, что два американца — давно установленное правило.

— Правило такое было, но мы пренебрегали им. В моральном отношении это было даже неплохо, потому что вьетнамцы чувствовали, что мы доверяем им. Мне кажется, руководство знало об этом, но просто ничего не принимало.

— А что же все-таки заставило их изменить свое отношение к этому?

¹ По официальному курсу 72 пиастра соответствовали одному доллару; на черном рынке за доллар платили 125—140 пиастров. — *Прим. автора.*

— Видишь ли, вьетнамцы были недовольны, и, надо сказать, не без оснований, что мы слишком настойчиво используем их для инфильтрации через Лаос. По идее мы должны были участвовать в этих операциях вместе с ними, но на самом деле не участвовали, а ты ведь знаешь, что большинство из них не возвращались. Поэтому-то командование и решило, что одному американцу ходить слишком опасно. Мы пытались возражать, но командование заявило, что если бы оно знало об этом раньше, то давно прекратило бы такую практику.

— Вот это здорово! — воскликнул Кейн. — Значит, в два раза больше выходов на задания! И ты участвовал в них с самого начала? Сколько же заданий ты выполнил?

— Разве кто-нибудь подсчитывал их. К тому же в то время они не были такими опасными, как теперь. Последние несколько месяцев мы ходим в такие районы, которые все больше и больше враждебны к нам. Южновьетнамская армия в течение многих лет не осмеливалась появляться в районах, куда мы ходим сейчас. Раньше мы решали чисто разведывательные задачи; существующий ныне принцип «ищи и убивай» ввели совсем недавно. Теперь у нас больше людей для создания боевых групп, хорошо действующая связь и управление, поэтому нам не приходится заниматься не своим делом.

— А почему в радиопередачах они называют наши группы группами самоубийц?

— Правильно, — ответил я. — Принимая во внимание, что мы планируем на будущее, Чарли, возможно, и правы. Все как-то сразу замолчали.

Я мысленно анализировал свои действия во время перестрелки, когда Кейн прервал мои мысли:

— Данк, как ты думаешь, нужно ли все это?

Ковач перестал рассказывать, резко повернулся к нам и спросил за меня:

— Что ты хочешь этим сказать?

Билл помолчал немного, уставившись на свой бокал, затем поднял голову и произнес:

— Я хочу сказать этим многое. Нужно ли нам, например, рисковать своей жизнью ради того, чтобы добывать данные, которые никому не нужны? И вообще зачем мы здесь? Я уже третий раз во Вьетнаме, а ты, Ханки, второй. Скажи, хоть на сколько-нибудь положение изменилось здесь к лучшему по сравнению с прошлым?

— Ни я, ни ты, никто из нас этого не знает.

— Почему же не знаем, Ковач? — спросил я. — Это очень интересный вопрос. Улучшилось ли положение здесь, скажем, за минувший год? Почему вьетнамцы не действуют на основании добытых нами данных?

— Об этом мы ничего не знаем. Может быть, у них имеются основания не предпринимать никаких действий, — с раздражением проговорил Ковач.

— Это только отговорка, и ты об этом хорошо знаешь, — бросил Билл. — Они ни разу как следует не объяснили нам, почему не действуют после того, как мы выполняем то или иное задание. Раза два они, правда, ходили после нас, но им потребовалось три дня на то, чтобы собраться. А после этого кричали на все лады, что там никого не оказалось.

— А может быть, они располагают такими данными об этих районах, которых нет у нас, и потому не действуют, — не успокаивался Ковач.

— И на этот раз ты не прав, Ханки. Как раз наоборот. Они прекрасно знают, что и кто там есть, после того как мы возвращаемся с задания. Им известно, что там вьетконговцы и что они будут драться. Они знают, что их гораздо больше, чем вьетконговцев, — возражал ему Билл, энергично рассекая указательным пальцем воздух всякий раз, когда хотел сделать ударение на каком-нибудь слове. — И если ты не знаешь, то я скажу тебе еще одну вещь: люди дерутся здесь между собой по одной-единственной причине — потому, что здесь находимся мы.

— Это неправда! — воскликнул Ковач и ударил кулаком по стойке. — Они будут действовать и будут сражаться.

— Конечно, — спокойно заметил Билл, — они сражаются, когда нет другого выхода, или когда разрушают какой-нибудь город, или когда терроризируют женщин на улицах. А как они сражались в Хьеп-Хоа¹? Единственное, что спасло тебя от плена, это то, что ты находился в дозоре. Почему вьетнамский командир не возвратил тогда дозор, чтобы оказать помощь атакованным в лагере? По-

¹ Хьеп-Хоа находится к северо-западу от Сайгона, на реке Ван-Ко-Данг. В ноябре 1963 года на располагавшийся здесь лагерь частей специального назначения совершили налет вьетконговцы. — *Прим. автора.*

чему южновьетнамские войска не пошли тогда по дороге с целью поддержки лагеря?

Наш спор привлек внимание всех находившихся в баре. Упомянув о лагере в Хьеп-Хоа, Билл Кейн задел большое место всех ребят. Ковач покраснел.

— Вьетконговцам было известно, что южновьетнамские войска никуда не двинутся до утра, да и вообще вряд ли двинутся. Поэтому-то они и напали на лагерь, — продолжал Кейн.

— Они не могли оставить свою позицию беззащитной, — возразил ему Ковач.

— Расскажи своей бабушке, — отрезал Кейн. — Скажи, Ханки, ты знаешь, почему и для чего мы здесь находимся?

— Конечно знаю, — ответил Ковач. — Нас послало сюда американское командование для оказания военной помощи Южному Вьетнаму.

— Я имею в виду не какой-то конкретный район, а вообще. Зачем мы во Вьетнаме?

Разговор становился неприятным. Ковач явно вышел из равновесия. Симпатии всех переходили к нему, и только боевые заслуги Кейна сдерживали присутствующих от того, чтобы не осудить его.

— Конечно, я знаю, для чего мы здесь находимся! — с раздражением воскликнул Ковач. — Чтобы драться с вьетконговцами! — Он стукнул кулаком по стойке с такой силой, что бокалы подпрыгнули.

— А кто такие вьетконговцы, Ханки? — спросил Кейн.

Чем больше горячился Ковач, тем спокойнее говорил его оппонент.

— Противник... Люди, которые хотят свергнуть свое правительство...

— А ты когда-нибудь задумывался над такой вещью, — перебил его Кейн. — Они хотят свергнуть правительство потому, что оно — мы хорошо знаем — прогнившее и продажное.

У Ковача был такой вид, словно он хотел наброситься на Кейна с кулаками.

— Уж больно много ты знаешь, как я погляжу, — со злостью бросил он Кейну. — Если бы не было веских причин, нас сюда не посылали бы... Ты что же, думаешь, что ты умнее президента?

Чувствовалось, что окружившие нас ребята были на стороне Ковача. На лице его появилась самодовольная

улыбка человека, одержавшего верх. Я никогда не слышал, чтобы Кейн говорил так, как он говорил сейчас. Лицо его озарилось какой-то блаженной улыбкой. Я думал, что он не обратит внимания на ядовитый вопрос Ковача, но он все же решил ответить:

— Ага, значит, вот почему ты здесь, Ханки! Тебя послал сам президент! Да, он не ошибся, избрав тебя...

Ковач на какой-то момент смутился и снова покраснел, но быстро нашел, что ответить:

— Уж лучше бы ты помолчал, Билл. Вы с Данком, может быть, читаете много книжечек, но не думайте, что только вы такие умные. Президент знает о Вьетнаме куда больше, чем вы оба, вместе взятые.

Настала моя очередь высказаться.

— Ханки, он знает о Вьетнаме ровно столько, сколько окружающие его люди хотят, чтобы он знал... Информацию для него собирают такие же люди, как мы, а ты ведь знаешь — каким бы плохим донесение ни было, его всегда можно перефразировать так, что в нем останется только хорошее.

Ковач посмотрел на меня с презрением и воскликнул:

— Вы оба рассуждаете, как изменники!.. Как... — Задержавшись на секунду, чтобы подыскать самые оскорбительные слова, он гневно закончил: — Как битники!

Кейн, видимо вспомнив о восемнадцати годах службы в армии, заставил себя сдержаться. Несколько успокоившись, он спросил:

— Это почему же мы изменники, Ханки?

— Потому что говорите такие вещи. Президент — наш верховный главнокомандующий. Если он приказывает идти во Вьетнам, мы должны идти во Вьетнам. Ты не должен спрашивать, зачем и почему. Ты солдат. Ты должен подчиняться приказам... должен сражаться... Тебе платят деньги не для того, чтобы ты рассуждал...

— Кончай притворяться, Ханки, — снова прервал его Билл.

— Конечно, — вмешался я, — мы должны, Ханки, сражаться с ними в Калифорнии... Ты лучше скажи, почему ты не говоришь вслух того, что думаешь? — спросил я его.

— Почему? — удивился Ковач. — Почему я должен думать о таких вещах? Я — солдат. Думать обо всем другом — дело политиков. Наше дело — воевать, а не обсуж-

дать, нужно воевать или не нужно. Солдат не должен вмешиваться в политику.

Окружившие нас ребята закивали в знак поддержки Ковача.

— По-твоему, Ханки, раз мы солдаты, должны подчиняться всем приказам? Даже неправильным? — не сдавался Кейн.

— Меня на удочку не поймаетшь, Кейн. В уставе сказано: «Сначала выполни приказ». Если считаешь, что он незаконный, — протестуй позднее.

— Да, твой протест очень поможет, если тебе приказали убить кого-то, — язвительно заметил Кейн. — А в этом уставе говорится о том, как выбраться живым с этих чертовых скал, на которых ты был вчера?

— Это... это другое дело, — бессвязно пролепетал Ковач. — Я говорю о Вьетнаме... Если тебе это не нравится, голосуй на следующих выборах за того, кто тебе по душе.

— Ты сам себе противоречишь, — заметил я. — Сначала ты говоришь, что мы не должны вмешиваться в политику, а потом утверждаешь, что мы должны голосовать. Как же можно сознательно голосовать, если ты не думаешь?

— Ты опять пытаешься меня запутать! — раздраженно воскликнул Ковач. — Я не говорил, что ты не должен думать, когда голосуешь.

— Ну, Ханки, — спокойно проговорил я, — если ты думаешь только раз в четыре года, тогда жизнь у тебя должна быть очень спокойной.

— И дело не только в этом, Ковач, — добавил Билл. — Если до конца следовать принципу подчиненности верховному главнокомандующему, то ты должен голосовать за президента, потому что в противном случае тебя признают нелояльным. А если прикинуть, сколько людей на военной службе, то голосов он соберет, разумеется, немало.

— Меня-то нелояльным не признают, а вот вас обоих надо отдать под суд военного трибунала за то, что вы говорите. Если вам не нравится наша демократия, убирайтесь в какую-нибудь другую страну! — выпалил Ковач, резко взмахнув рукой.

— Значит, по-твоему, Вьетнам — это демократия. Так, что ли, Ханки? — спросил я.

— Ты прекрасно понимаешь, черт возьми, что я говорю

не о Вьетнаме, а о Соединенных Штатах. Ты ведешь себя так, будто Соединенные Штаты тебе не нравятся.

— В этом-то и дело, Ковач. Мы любим Соединенные Штаты, — поправил его Билл. — Но в тот самый день, когда меня отдадут под суд военного трибунала за то, что я выразил свое мнение, я действительно покину эту страну. Речь идет о том, помогаем ли мы нашей стране тем, что находимся здесь?

— Народ нашей страны считает, что да, за исключением, пожалуй, школьников и студентиков, которым надо читать книжечки, вместо того чтобы совать нос не в свои дела. К тому же наш народ переизбрал президента, — закончил Ковач.

— Дорогой Ковач, — не удержался я, — во-первых, эти школьники и студентики, как ты их называешь, как раз считают, что это их дело, потому что именно их призовут на военную службу. Не в пример тебе они хотят думать о политике и вмешиваться в нее...

— Разреши мне закончить, Данк, — перебил меня Билл. — Во-вторых, тебе, как и всем нам, известно, что народ нашей страны не имеет никакого представления о том, что здесь происходит. Как же они могут судить и делать выбор? И несмотря на это, они голосуют против Голдуотера, потому что Джонсон заявил, что хочет закончить войну во Вьетнаме. Ну и что же? Мы все еще здесь. И я спрашиваю тебя: зачем мы здесь? Нужно ли все это?

— Я не понимаю тебя, Кейн. Так говорить простительно этому поклоннику негров Данккену, а ты-то ведь настоящий солдат. Что ты в конечном итоге хочешь доказать?

— Я думаю, на этом мы и закончим наш спор, преподаватель Кинг, — предложил Билл, обращаясь ко мне. — И тебе, и Ханки предстоят еще пирушки и...

Кто-то из ребят хихикнул.

— Билл прав, Ханки. Нам пора собираться. Ты идешь, Грэйди? — спросил я.

— Пожалуй, нет. Мне что-то не хочется идти на эту пирушку.

— Послушай-ка, Грэйди, — обратился я к нему еще раз, — по-моему, тебе следует быть там. Не исключено, что в скором времени это будет твоя группа, и поэтому имеет смысл заранее установить с ней какие-то взаимоотношения.

— Пожалуй, ты прав, — тяжело вздохнув, проговорил Грэйди. — Но боюсь, что мой желудок не примет их пищи. Впрочем, ладно, я приду... Вот допью это, — он посмотрел на свой бокал, — и приду.

Мы с Кейном пошли к джипу.

— А почему ты не идешь на вечеринку, Билл? — спросил я, усаживаясь на место водителя.

— Спасибо, Данк, — ответил он. — Я там буду лишь мешать, ведь собираются, наверное, только свои.

— Ну, ладно. Хочешь, я тебя подвезу?

— Нет, спасибо, у меня здесь свой джип.

— Скажи, Билл... все то, что ты говорил там Ковачу...

— Действительно ли я так думаю? — не дав мне закончить, спросил он. — Знаешь, я даже не знаю... Пожалуй, да... — Он посмотрел себе под ноги и поддал носком ботинка камешек.

— Я никогда не слышал, чтобы ты говорил так... Похоже, что ты не раз задумывался над этим.

Билл грустно улыбнулся.

— Я избегаю говорить о вещах, не имеющих отношения к моей работе, по той же причине, по которой ты пользуешься в разговоре сленгом. Мы пугаем людей, когда говорим напрямик... Особенно таких, как Ханки.

— Но почему ты так думаешь, Билл?

— Не знаю, Данк. Как я уже сказал, это мой третий приезд во Вьетнам. Но теперь я смотрю на вещи по-иному. В первые два приезда, как и все мы, я находился в лагере местных гражданских нерегулярных сил и видел немало монтаньяров. Встречался только с вьетнамцами из специальных десантно-диверсионных групп, а ты знаешь, что это за люди. Самые настоящие головорезы.

— Я тебя понимаю, Билл. Не сразу удастся найти подходящих людей для своих групп.

— Вот именно, Данк. Совершенно неожиданно я понял, что есть и хорошие вьетнамцы, и меня теперь беспокоит, что же произойдет здесь? Эти ребята, в наших группах, — хорошие солдаты, но скажи, приходилось тебе слышать, чтобы кто-нибудь из них говорил о демократии, лояльности, патриотизме, о своем правительстве? Их лояльность — это лояльность к нашей организации и к нам. Они не проявляют почти никакого интереса к бандитам, управляющим делами в Сайгоне. Это какие-то потерянные души.

— А ты когда-нибудь говорил с ними об этом?

— Говорил. И не только с ними, но и с другими вьетнамцами. Если они почувствуют доверие к тебе, можешь быть уверен, что не услышишь от них того, что им положено говорить. Скажи, Данк, ты никогда не задумывался над тем, что в этой стране может произойти?

Я погасил сигарету и спросил:

— Что, например?

— Например, что ее разорят и уничтожат. Положение ухудшается изо дня в день. Мы ввели сюда морскую пехоту, усиливаем бомбардировки, скоро введем регулярную армию¹. Чем сильнее мы нажимаем на них, тем активнее они противодействуют. В начале шестьдесят четвертого года казалось, что война почти уже кончилась. Не думаю, чтобы та или другая сторона была заинтересована продолжать войну. Но мы вмешались и сделали все так, что теперь положение хуже, чем когда бы то ни было. — Билл сделал глубокую затяжку и бросил сигарету на землю.

— Что ты имеешь в виду, Билл?

— Ты сам хорошо знаешь, Данк. Все наши «достижения» сводятся к тому, что обогатились некоторые сайгонские коммерсанты и отрасли животы отдельные начальники провинций.

— Все это звучит так, будто ты за то, чтобы дать волю вьетконговцам.

— Ей-богу, не знаю. Чем больше я узнаю, тем более запутанным кажется мне все это дело. Собственно говоря, кто такие вьетконговцы? Давать им волю, может быть, и не следует, но я ведь не вьетнамец, чтобы судить об этом. — Кейн закурил новую сигарету.

— Должен сказать тебе, Билл, что человека, говорящего такие вещи, я встречаю здесь впервые. Это тем более удивительно, что у тебя за плечами восемнадцать лет службы в армии.

Билл засмеялся. Чувствовалось, что он смущен.

— Данк, я знаю, у тебя сейчас нет времени, да и выпили мы с тобой немало. Я не возражал бы когда-нибудь посидеть вечером и поговорить по душам.

— С удовольствием. Но что же ты все-таки намерен делать?

¹ Вскоре, как известно, США начали открытую интервенцию в Южном Вьетнаме, доведя численность своих войск здесь более чем до 500 тыс. человек. — *Прим. ред.*

Билл глубоко вздохнул.

— Не знаю. Половину своей жизни я отдал службе в армии. Чертовски неподходящее время разочаровываться — до выслуги остается два года. Но так или иначе сюда я приехал в последний раз. А ты? По-прежнему хочешь вернуться отсюда?

Я утвердительно кивнул и пояснил:

— Теперь остается только придумать, как это осуществить.

— Надеюсь, это тебе удастся, Данк. Сматывайся, пока не поздно. И... сделай одолжение: расскажи американцам, что здесь происходит. Нарисуй им объективную картину. Не забудь сказать и о том, как мыслят такие, как Ханки, — закончил он, показав большим пальцем в сторону клуба.

— Договорились, Билл. А ты не считаешь, что с такими мыслями, какие ты высказываешь, тебе не следовало бы ходить с группами на задания? Ведь имеется много других дел.

— Я уже думал об этом, — серьезно ответил Билл и похлопал меня по плечу. — Не беспокойся, я остаюсь профессиональным солдатом. Все будет хорошо. Иди-ка лучше на торжества.

— Ну ладно, — проговорил я и включил мотор джипа.

Билла Кейна мне больше не пришлось увидеть. Сначала было все как-то не до этого, не хватало времени, а через три недели после нашего разговора его группа попала в засаду. Последний раз его видели, когда он торопился скрыться в кустах, неся на спине раненого американца из своей группы.

IV

С того дня, когда я был зачислен призывником на учебном пункте в Буффало, до разговора в баре во Вьетнаме прошло десять с половиной лет. Вы познакомились с началом и концом десятилетия, в течение которого я от рядового солдата (категория Е-1) дослужился до мастер-сержанта (категория Е-8). Через два месяца после разговора с Кейном меня уволили с «положительной характеристикой», и я вернулся к гражданской жизни.

1954 год. «Полицейские действия» в Корее закончились; Маккарти достиг вершины и скатился вниз; народ услышал о Дьен-Бьен-Фу, но не знает даже, где находится Вьетнам. С французским колониализмом в Юго-Восточной Азии покончено, и Соединенные Штаты уже сделали первые роковые шаги во Вьетнаме.

1965 год. Беркли заседает; комитеты по Вьетнаму; морская пехота и регулярная армия США во Вьетнаме. (Народ теперь говорит о войне во Вьетнаме; стоимость войны резко возросла — с миллиона долларов в день до миллиона долларов в час.) О Вьетнаме говорят уже как о двух странах: мы сражаемся не против «мятежников», а против «захватчиков» с Севера. Угроза «свободному миру» исходит от Китайского Дракона.

Служба в армии сверх обязательного двухгодичного срока не превратила меня ни в уникального, ни в типичного человека. В момент призыва мне было почти двадцать пять лет. Ничто до этого не указывало на то, что я стану военнослужащим регулярной армии — профессиональным солдатом.

Вырос я в провинциальной семье среднего буржуа. Отец мой, квалифицированный специалист, рассчитывал, что я попаду в колледж. Однако палочная дисциплина в школе и ограничения, которые налагала на меня принадлежность к среднему классу, привели к тому, что я с нетерпением ждал момента, когда мне исполнится шестнадцать, чтобы покончить со школой. В день шестнадцатилетия я бросил школу и сразу же поступил на работу.

В доме, где я жил, царил атмосфера власти и порядка. Существовали определенные правила. Одни из них — жесткие, другие — расплывчатые, меняющиеся. Были выработаны нормы поведения. Для многих из них я не мог найти объяснения. Мне просто говорили: «это правильно», или «это неправильно», или «этого делать нельзя». Много вызывало у меня недоумение. Мы, конечно, нарушали правила, но сознание того, что есть правила и что мы их нарушаем, еще больше узаконивало их. Мои родители так и не смогли понять, почему я бросил школу и ушел из дому. Но ушел ли я в действительности? Пожалуй, правильнее сказать, что я унес с собой свою шестнадцатилетнюю домашнюю жизнь. Мы так же не

можем оставить эти годы жизни на пороге дома, как не можем оставить годы службы в армии за дверью казармы, когда увольнимся.

С самого начала своей трудовой жизни, за исключением восьмимесячной службы в конторе, я неизменно работал на таких должностях, которые удерживали меня вне дома и одновременно давали свободу передвижения. Если работа связывала меня или ограничивала в чем-нибудь, я увольнялся и переезжал в другое место. Я подрезал деревья в парках, работал лесорубом, литейщиком, был гидом, егерем, сторожем, чернорабочим, мусорщиком. Иногда работал рядовым, а иногда прорабом или контролером. Меняя места работы, я изъездил тысячи миль и побывал в двух странах.

Я пил, когда хотел и с кем хотел. Никто не говорил мне, когда я должен вставать и ложиться, я брал отпуск по своему желанию и отдыхал сколько хотел. Избегал различных клубов и не вступал ни в какие организации. Короче говоря, вел свободный образ жизни. Живя так, остерегался всего, что могло угрожать такой жизни. В этот период познакомился с военными. Усвоил, что их жизнь — полная противоположность тому, что я хотел бы иметь. И это не было уклонением от ответственности. Наоборот, чаще всего работа, которую я выполнял, требовала от меня большой ответственности. Но интерпретация слова «ответственность» в 1954 году была противоречивой, и поэтому я считал, что принять на себя такую ответственность означало бы для меня уничтожить самого себя, что в конечном счете было бы весьма безответственно.

Вот с такой философией я приехал в Буффало. Более неподходящего кандидата для самой крупной в мире и самой недемократической организации трудно себе представить. Тем не менее я остался в ней.

Я остался в американской армии по более простым причинам. Если сказать о них одной фразой, то эта фраза была бы следующей: я думал, что борюсь с системой и заставляю ее работать на себя. Правда, конечно, состояла в том, что в действительности все было совершенно наоборот.

Ничего необычного в том, что мне не удалось достичь какого-то успеха в борьбе с военной системой, нет. Сенатор Маккарти был в почете и праздновал победы до тех

пор, пока гонялся за ведьмами в интересах военной системы. Когда же он направил свой низкопробный огонь против самих военных, он стал им неугоден и его убрали. Конгресс и возрождавшиеся традиции боролись с военной системой после второй мировой войны, но потерпели поражение. Если бы они победили, то день 27 декабря 1954 года был бы для меня обычным рабочим днем. Военные не только возложили бремя содержания крупных вооруженных сил на народ, который, как и всегда, возражал против этого, но и заставили его поверить в идею абсолютной необходимости содержать такие силы. Якобы для защиты свободы и американских традиций протацили закон о всеобщем военном обучении, в то время как в действительности закон этот был нужен военным исключительно в целях самосохранения. И хотя он противоречит традициям и самой идее свободы, его приемлют теперь без сомнений.

Сенатор Маккарти, конгресс, народ и я — все мы недооценили противника, то есть организацию, которая держит на службе больше людей, владеет большей частью земли, контролирует большую часть денег, чем любая другая организация в мире; организацию, которая проникает во все поры нашего государственного организма, связана со всем и всеми; мы недооценили военную организацию США.

Я попался в ловушку. А те, кто, отслужив два года, увольнялись, избегали ловушки? Многие ли усматривают противоречие в том, что людей сначала призывают, а потом заставляют давать присягу о добровольном поступлении на военную службу? Большинство увольняется с положительной характеристикой. Они, может быть, ненавидели прошедшие два года службы, возможно, питали отвращение ко всем профессиональным военным, с которыми им приходилось иметь дело. Но они не восставали, они приспособлялись к требованиям военной службы и к ее стандартам, учились думать военными категориями, чтобы выжить. Они возвращаются в общество, которое многие годы приемлет военные категории, и поступают на работу, которая прямо или косвенно зависит от военных расходов. После двух лет действительной службы они не освобождаются от военной системы, она оказывает на них прямое влияние через программу содержания и подготовки резервов.

О военной мощи и военной власти написаны миллионы слов, причем большая часть людей оставляет их без внимания. Рассказ о махинациях внутреннего порядка и о том, какое влияние они оказали на меня и на других, возможно, сделает картину более ясной.

V

Каковы же цели основного курса боевой подготовки? Сюда входит следующее: привить дисциплину, научить действовать в составе групп, дать навыки обращения с оружием, внушить мотивы действий и многое другое. Действительная цель подготовки — сделать из каждого человека солдата, то есть хорошего убийцу.

Тем, кто сочтет слово «убийца» для характеристики солдата преувеличением, я настоятельно рекомендую понаблюдать за солдатами во время занятий по штыковому бою. Посмотрите, как их учат нанести удар и надавить, повернуть штык и еще раз надавить; послушайте, каким звериным воплем сопровождается при этом каждое их движение¹. Что они делают? Они учатся групповому убийству, применяя один из самых примитивных индивидуальных приемов. Движущий мотив обучения? Агрессивность побеждает: не жди, пока тебя убьют, иди и убивай сам! Обучающийся считается закончившим курс только после того, как выполнит определенные нормы по использованию огнестрельного оружия. Цель обучения солдата стрельбе из оружия также заключается в том, чтобы сделать его искусным убийцей. В итоге цель основного курса боевой подготовки — научить людей искусству убивать по команде.

Методы боевой подготовки по основному курсу и прививаемая солдатам жестокость в различных воинских частях и различных видах вооруженных сил разнообразны, но цель везде одна и та же. Любой призывник, независимо от того, кем ему суждено стать — пехотинцем, поваром, писарем, механиком или оператором радиолокационной станции, — должен сначала постичь искусство убивать. Тысячи молодых американцев, окончивших основной курс боевой подготовки, становятся действенной частью

¹ В американской армии на занятиях по штыковому бою солдат заставляют громко кричать «для устрашения противника». — *Прим. ред.*

организации, конечная цель которой — убивать других людей. Чтобы сделать этих людей послушно действующим механизмом, их подвергают обработке по определенной системе.

Каждый новобранец подвергается нивелировке или обезличиванию. Предположение, что все люди рождаются равными, возможно, и справедливо, однако никто не исходит из предпосылки, что «равный» — значит и «одинаково мыслящий». Люди формируются в различном окружении, воспитываются в различных семьях. Мы ходим в разные школы и учимся у разных преподавателей. К образованию каждый относится по-своему. К двадцати годам, несмотря на подчинение некоторым правилам поведения (они различаются в зависимости от места, религии, слоя общества и т. п.), каждый из нас по-своему представляет себе ценности и начинает придерживаться собственной философии жизни.

Перед тем как привить новобранцам свои, специфические, не свойственные отдельным личностям взгляды на ценности, военная организация вынуждена привести каждого из них к общему уровню. Военная организация не может полностью освободить человека от уже усвоенных им взглядов или лишить его приобретенных физических навыков и способностей; она к этому, собственно, и не стремится. Военные просто стараются выбить из сознания того или иного индивидуума его личное представление о ценностях, чтобы после этого использовать его опыт и способности в интересах военной системы.

Подавление индивидуальности происходит постепенно, шаг за шагом, при этом каждый предыдущий шаг значительно облегчает последующий. Массовая физическая подготовка — один из таких шагов. Нельзя не согласиться с тем, что после купания в детстве нагишом, занятий спортом в школе, посещения общественных душей и тому подобного стоять голым в комнате вместе с другими — не новость. Но процедуры иного рода мы привыкли проделывать в кабинете врача. Когда же вас заставляют делать такие вещи на глазах десятков людей, вы чувствуете себя униженным.

Когда незнакомые люди обсуждают при вас ваши недостатки, это тоже подавляет. Новобранец лишается и усов и прически, хотя писаного закона в армии на этот счет не существует. Это произвольное правило, установ-

ленное в интересах санитарии и традиции. Редко кто из новобранцев слезает с кресла парикмахера без того, чтобы не испытывать чувство ущемления человеческого достоинства. А те, кто обучает новобранцев, считает, что на «оболваненной голове лучше сидит форменный головной убор».

Скученность казарменной жизни, абсолютная невозможность уединения, а также вынужденные взаимоотношения друг с другом (соседей по койке, по столу и вообще всех «друзей» вам навязывают соответствующими расписаниями) — это тоже часть процесса подавления личности. Все одеты в соответствующую форму и поэтому выглядят одинаково. Обращаются со всеми, независимо от образования и социального положения, одинаково. Перевозят всех, как правило, большими группами.

Внешне это даже похоже на своего рода демократизацию, потому что такой процесс как бы лишает человека классовой принадлежности. В действительности же это всего-навсего простая подстановка, замена одного понятия другим. Когда вам дают звание (рекрут), вас автоматически причисляют к самому низшему классу. Капрал, которого вы никогда не видели и который может оказаться менее образованным и эрудированным, имеет право приказывать вам. Рядовой первого класса с нарукавной повязкой с буквами «МР»¹ может сказать вам, как нужно стоять или носить головной убор. Разговаривая с военнослужащим сержантского состава, вы должны стоять по стойке «смирно». Вы должны отдавать честь всем офицерам. Если на бампере автомобиля синяя полоса (это означает, что он принадлежит офицеру), вы должны приветствовать независимо от того, кто сидит за рулем.

Подавление индивидуальности возможно только при условии, если субъект лишен своих обычных связей, то есть отделен от нормальной окружающей среды. Такое отделение осуществляется и физически и символически. Форма одежды, стрижка «под ноль» и новый лексикон — это только часть такого отделения. Редко бывает так, чтобы новобранец проходил основной курс боевой подготовки в лагере, расположенном неподалеку от его прежнего места жительства; новичкам увольнительных, как

¹ Military Police — военная полиция.— *Прим. ред.*

правило, не дают. Военные гарнизоны почти всегда отделены от населенных пунктов: физически — заборами и охраной, социально — действующими правилами, положениями, инструкциями и целью своего существования. На военной службе люди отделяют себя от трех привычных сфер жизни: работы, игр и сна. Теперь все стороны жизни регламентируются распорядком в гарнизоне, который диктуется вышестоящим командованием.

Обучение новобранцев ведется по плану, который исходит из какого-то таинственного вышестоящего органа. Ежедневные занятия — строго регламентированные, следующие одно за другим в определенное время — проводятся под наблюдением старших. Контроль осуществляется на всех уровнях соответствующими командными инстанциями. «Информировать личный состав» — значит давать людям только такие знания и сведения, которые необходимы для выполнения данной работы или решения данной задачи. Короче говоря, обучающийся должен знать только то, что ему необходимо как солдату. Все эти обязательные действия и занятия отражены в соответствующем плане, который разработан и составлен так, чтобы достичь поставленных служебных целей.

Обучающимся умышленно создают то одну незнакомую обстановку, то другую и обязывают их решать непривычные задачи, что порождает у них чувство замешательства и растерянности. То, что вы имеете образование, никоим образом не освобождает вас от такого рода ситуаций, а часто даже наоборот — служит основанием для злых шуток или для того, чтобы назвать вас рассеянным «одаренным дурачком», неспособным толком завязать шнурки на ботинках. Молодые солдаты всегда какие-то сонные, хотя редко бывает так, чтобы они спали меньше восьми часов в сутки. Не был исключением и я, а ведь до призыва на военную службу я имел значительно большую физическую нагрузку и мой рабочий день был длиннее, поэтому спать по восемь часов удавалось редко. Усталость и утомляемость солдат, конечно, нельзя объяснять недостаточно высоким уровнем их общеобразовательной подготовки. Уставы и наставления слишком монотонны и однообразны, чтобы вызвать у солдата интерес. Про уставы говорят: они написаны гениями так, чтобы были понятны последнему идиоту. Первое, что должен сделать новобранец, — это преодолеть смущение и стыдливость.

Достигает он этого тем, что привыкает ориентироваться независимо от противоречивости всех привычных для него «да» или «нет», а также усвоением того, что он обязан делать. Он начинает жить в соответствии с уставами, наставлениями и инструкциями и непривычными для него правилами поведения, изложенными в едином своде военных законов и в наставлении для судов военного трибунала. Весь этот процесс сводится к тому, чтобы солдат усвоил непреложную истину — делай и поступай так, чтобы угодить начальству, если начальство довольнó, и тебе будет хорошо.

Действия, которые в гражданских условиях в самом худшем случае расценивались бы как недостаточная воспитанность или плохое поведение, на военной службе считаются преступлением. Если солдат бросит работу и уйдет домой — он дезертир. Если он станет убеждать других бастовать, его обвинят в заговорщичестве и попытке мятежа. Солдат находится в такой среде, где каждый делает только то, что положено. Любое нарушение, каким бы незначительным оно ни было, на фоне дисциплинированности и угодливости других резко выделяется. В нашей военной организации не существует закона о неприкосновенности личности, права быть судимым судом присяжных, права быть отпущенным под залог или взятым на поруки. Будучи лишенным всех этих прав, новобранец начинает новую жизнь в строгом соответствии с уставами и наставлениями, что и означает быть солдатом.

Обучающиеся новобранцы стремятся превзойти желания своих начальников с тем, чтобы они не наседали на них, и рассуждают при этом следующим образом: «Если я буду делать все, что положено, без понуканий, меня оставят в покое и не сделают никаких замечаний и выговоров, а сержант и не вспомнит мою фамилию, когда ему потребуется назначить кого-нибудь на грязные и тяжелые работы; а если даже он вспомнит обо мне из-за моего старания угодить ему, то не назначит на такие работы в порядке поощрения». Результат в том и в другом случае одинаков: новобранец делает то, что ему положено, без особых усилий и без понуканий со стороны начальников.

Большую часть инструкторского состава рекруты считают недостаточно подготовленной, а то и вовсе глупой, а установленный порядок — бессмысленным. Тем не ме-

нее за редким исключением каждый рекрут в конечном счете стремится выслужиться и поэтому подчиняется этим бессмысленным правилам и соблюдает порядок.

Рекрут познает, как работает система и как надо работать ему в условиях налагаемых ею ограничений. Он убежден, что может заставить систему работать на себя, или, другими словами, выйти победителем из борьбы с этой системой, пользуясь вновь открывшейся для него системой поощрений и взысканий. Восставать против несправедливости, произвола или бессмысленности того или иного приказа — значит попасть в немилость и накликасть на себя еще больше таких приказов. Излишество приказов означает новое замешательство, новую дезориентацию. Чем меньше приказов, тем легче подчиняться и угождать начальству, а угодить начальству — значит лишний раз иметь возможность выпить кружку пива в гарнизонном баре или подольше покурить и поболтать во время перерыва на занятиях. Оказаться победителем в борьбе с системой — значит выделиться среди других, то есть стать, например, командиром отделения новобранцев, получить освобождение от наряда по кухне, не выполнять работу самому, а наблюдать за теми, кто ее выполняет. Служить после этого будет, несомненно, намного легче. Возможно, вы станете даже взводным сержантом — помощником командира взвода новобранцев — и будете присматривать за командирами отделений и маршировать рядом со взводом, а не в его рядах. Поскольку те, кто хочет пользоваться такими же привилегиями, стремятся вытеснить вас и с этой целью усиленно работают, вам, чтобы оставаться впереди, тоже приходится много работать. Проступки отдельных новобранцев могут привести к лишению привилегий целого подразделения, поэтому все подразделение оказывает давление на провинившегося, а если он не поддается...

Естественно, желание как-то выделиться становится своего рода инструментом. Один из способов достичь хоть какой-то индивидуальности и признания — это...

Правда, это ведет к дополнительной нагрузке, к выполнению тяжелых и грязных работ и, что еще хуже, к неодобрению, а возможно, даже остракизму со стороны ваших друзей. Другой способ — превзойти других в каких-то отношениях в рамках военной системы: быть одним из тех, у кого форма всегда хорошо отглажена, вин-

товка самая чистая, ботинки блестят, как лакированные, койка заправлена лучше всех, в шкафчике порядок. Все это, безусловно, приводит к признанию начальством, признанию, о котором мечтает даже самый плохой новобранец. Почувствовав такое признание, новобранец старается еще больше. Результат борьбы за то, чтобы выделиться и быть признанным, — массовое подчинение официальным требованиям системы.

Разумеется, обо всем этом я не имел ни малейшего представления. А если бы даже имел? Наше общество сотрудничает с военной системой настолько тесно, что человека, уволенного из армии по причине «нежелательности дальнейшей службы», ждет весьма неприятное будущее. Однако все кончилось хорошо: я стал командиром отделения. Как и другие, я не видел ничего особенного в том, что после отбоя люди сидят в общем туалете, обмениваются впечатлениями, чистят ботинки, уплетают мороженое или дочитывают какую-нибудь бульварную книжонку. И это те самые люди, которые всего несколько недель назад смущались во время массового медицинского осмотра. Мы уже овладели новым лексиконом, и каждый из нас в той или иной мере стал говорить с южным акцентом.

Предстоящие недели будут заняты прохождением курса повышенной одиночной подготовки, основной подготовкой в составе подразделения и подготовкой подразделения в составе части. Некоторые станут после этого радистами, поварами, механиками и писарями. Для большинства же это будет совершенствование начальной подготовки и изучение новых способов убивать людей. В течение всего этого периода вы, конечно, будете слушать обычные лекции информационной службы и лекции о вероятном противнике. На этих лекциях вам чаще всего рассказывают о достоинствах НАТО и об угрозе со стороны Советского Союза, а также о том, почему наши войска должны находиться в Германии и какую важную роль мы сыграли в защите Европы.

Решив, что в армии можно жить, если не стоять в карауле, не попадать в наряд по кухне и на другие грязные работы, я клюнул на приманку и приложил все усилия к тому, чтобы продвинуться по службе. Разумеется, мне пришлось при этом работать больше и лучше остальных. Через год я получил звание капрала. За двадцать семь

месяцев службы в Германии меня повышали четыре раза. Жизнь в Германии была приятной. Много времени уходило на занятия в поле, и это в известной мере сглаживало монотонность службы. Я чувствовал, что достиг того признания, к которому стремился. Я стал хорошо подготовленным солдатом.

После Германии я попал в Форт-Худ (штат Техас). Но здесь я уже не обучался, а сам обучал других, сначала как кадровый служащий, потом как сержант в учебной роте и, наконец, как организатор центра учебных пособий. Затем Форт-Блисс в Техасе. И снова — сержант подразделения сверхсрочнослужащих, сержант учебного подразделения, батальонный сержант по оперативным вопросам.

Короче говоря, эти годы были интересными для меня, скучными для вас и бесполезными для нас обоих. Это было время рассказов и анекдотов; время, когда вознаграждение было слишком редким, чтобы можно было почувствовать, что мы принесли какую-то пользу. Для солдата эти шесть лет были продуктивными, для человека и индивидуума — застоем. Мне этот период нравился. Я занимался организационными вопросами.

После восьминедельного обучения новобранцы уже не смущаются и не теряются, не ходят такими сонными, как первое время, и забывают, что они во многом ограничены системой. Несмотря на «глупость» сержантов и «бессмысленность» их указаний и приказов, новобранцы привыкают делать и делают то, что им приказывают. Теперь они — солдаты. Они знают теперь, как убивать, если последует приказ убивать.

VI

Вышеизложенное отнюдь не следует рассматривать как обвинительный акт по отношению к методам начальной подготовки в американской армии. Такие методы, если отбросить незначительные детали и отклонения, характерны для любого процесса превращения обыкновенного человека в солдата. Тот факт, что такая метаморфоза происходит в течение восьми недель или даже в более короткий срок

и без применения физических мер или гипноза, объясняется эффективностью военной системы.

Каждое государство считает, что оно вынуждено содержать армию для защиты национальных интересов, независимо от того, существует ли угроза национальным интересам в действительности или эта угроза только воображаемая. Любая армия может выполнить свою миссию лишь в том случае, если ее солдаты способны и подготовлены вести военные действия.

Поскольку взгляды военного человека на ценности отличаются от взглядов обычных граждан, его мышление и подход к тем или иным проблемам также отличны от мышления и подхода невоенных людей. Многие видят опасность в таком разделении общества, в различии взглядов и мышления, однако действительная опасность кроется в разрыве между этими двумя частями общества. Если гражданская часть общества осуществляет полный контроль над военной, то разделение и различия между ними опасности не представляют. Если же такой контроль не осуществляется, разделение и различия имеют существенное значение. Каково положение в этом отношении в США?

Гражданская часть общества может контролировать военную с помощью денег (материальный контроль) или с помощью ограничения численности личного состава вооруженных сил (численный контроль). Для осуществления такого контроля необходимы два условия: военные учреждения и объекты ограничиваются определенными минимальными размерами, определяемыми гражданскими властями на основе численности населения (а не валового продукта страны), исключая военное время или действительно чрезвычайное положение в стране; денежные и другие виды довольствия в армии должны быть достаточно высокими, чтобы сделать службу во всех звеньях военной системы привлекательной и тем самым предотвратить большую текучесть военных кадров, при этом выигрыш военных в денежном выражении должен быть достаточно большим, что позволит сгладить самые непривлекательные стороны армейской жизни.

На военную службу ежегодно призываются тысячи молодых людей; тысячи других, которым угрожает призыв, поступают на службу добровольно, чтобы воспользоваться предоставляемым в таком случае правом выбора. Большая часть призываемых на двухгодичную службу, как и доб-

ровольно поступающих на три-четыре года, увольняется по истечении этих сроков. Это снова возвращает нас к тому же вопросу: избегают ли ловушки те, кто увольняется из армии по истечении этих сроков? Ответ отрицательный.

За редким исключением эти люди увольняются с положительной характеристикой¹, и большинство из них получает медаль «За примерное поведение и службу». Они не отдавались под суд военного трибунала, не отбывали тюремного заключения; многие из них продвинулись из категории рядового (Е-1) до капрала (Е-4) или до сержанта (Е-5). По их мнению, они вышли победителями из борьбы с американской военной системой.

Очень немногим из этих тысяч приказывали убивать, но всех обучали убивать. Это делалось в процессе привития им новых взглядов на ценности, в процессе участия в военной системе поощрений и наказаний, в процессе восприятия и решения проблем военными. Они научились мыслить по-военному и мыслили этими категориями в течение двух, трех и четырех лет. Короче говоря, военная реорганизация оказала на них свое воздействие. Почти не имеет значения то обстоятельство, что им эти годы, возможно, не нравились, ибо, как и планировалось, каждый из них выполнял все, что требовали от него военные власти.

Каждый год тысячи молодых людей вливаются в военную часть общества; каждый год тысячи людей возвращаются в гражданскую часть общества. В Соединенных Штатах этот цикл длится вот уже двадцать пять лет с одним очень коротким перерывом. Количество людей, возвратившихся в гражданскую часть общества с положительной характеристикой, свидетельствующей о том, что они подружились «воспитанию», измеряется сейчас миллионами, и они приучены мыслить военными категориями.

Они возвратились в пригороды и селения. Они принадлежат к различным слоям и прослойкам общества и придерживаются различных религиозных убеждений. Они — это механики, младшие администраторы, журналисты, директора корпораций, члены муниципальных советов, члены местных законодательных органов, члены конгресса

¹ Или с положительной характеристикой при условии, что они выполняют свои обязательства, состоя в резерве. — *Прим. автора.*

США. Они вступают в брак и растят детей, которые, в свою очередь, поступают на военную службу. Большинство из них становятся солидными гражданами, уважаемыми членами общества; они, собственно, и составляют общество, ибо устанавливают присущие этому обществу стандарты.

Они или выбирают сами или способствуют выбору таких людей, которые голосуют за расходы на военную систему. Они или непосредственно работают в такой области, или возглавляют такую деятельность, или извлекают доходы от такой деятельности, которая имеет своей целью передачу военных контрактов гражданским фирмам и компаниям. Генералы, отстаивающие необходимость военных расходов, уходят в отставку и становятся на следующий день председателями советов корпораций, выполняющих военные заказы. Корпорации охотно соглашаются и всячески настаивают на необходимости содержать крупные вооруженные силы и проводить в стране всеобщее военное обучение. Запугивать гражданскую часть общества якобы действительно существующей угрозой Соединенным Штатам с каждым годом становится все проще и легче, и все мы энергичнее поддерживаем военные решения политических в своей основе проблем.

В 1945—1947 годах безопасность нашей страны была обеспечена. Но военные власти, используя свой огромный офицерский корпус, пропагандистскую машину и приемы, усвоенные во время войны, наняли за деньги американских налогоплательщиков публицистов с Медисон-авеню и наводнили страну соответствующими фильмами. Все это делалось с целью доказать необходимость постоянного содержания мощных вооруженных сил и проведения всеобщего военного обучения. Над нами нависла большая опасность, говорили нам. В стране было объявлено чрезвычайное положение, и возражать против решения военных властей — значило заниматься подрывной деятельностью.

К большому ужасу военщины, конгресс не согласился с необходимостью всеобщего военного обучения. Кампания запугивания населения стала проводиться военными властями еще активнее; всеобщее военное обучение было объявлено единственной гарантией против существующей угрозы, и через шесть месяцев милитаристы таки добились своего. От борьбы против всеобщего военного обучения

в 1947 году мы перешли к признанию его необходимости, и оно стало постоянным и обычным явлением в жизни американцев.

Насыщение гражданской части общества людьми, приученными думать военными категориями, стало настолько интенсивным, что мы потеряли основные качества, необходимые для осуществления гражданского контроля над военной системой. Теперь в Соединенных Штатах практически уже не существует никакого разделения общества на военную и гражданскую части, и мыслят все одинаково. Фактически у нас все носящие гражданскую одежду мыслят военными категориями.

Реорганизованное общество выбирает такие правительства, которые увековечивают и расширяют военную машину и выделяют на нее все новые и новые ассигнования по рекомендации военных властей. А поскольку военная система проникает во все большую часть населения, постоянное существование такого общества, которое выбирает такие правительства, обеспечено. Деньги, ассигнуемые военным властям, возвращаются обратно к гражданским властям и идут на производство вооружения и техники для армии. Сохраняя структуру и видимость демократического общества, но не демократические функции этого общества, мы создали превосходное военное государство. Теперь уже не существует двух частей общества — военной и гражданской. Мы превратились в единое милитаризованное общество.

Теперь уже не приходится удивляться тому, что народ воспринимает такие доводы, как «мы ведем войну для того, чтобы сохранить мир; наши обязательства во Вьетнаме и других частях земного шара имеют своей целью предотвратить втягивание нашей страны в войну; мы послали свои войска во Вьетнам, чтобы защитить вьетнамцев от вторжения вьетнамцев». Удивляться приходится, скорее, тому, что мы не вовлечены одновременно в тридцать Вьетнамов.

Полезные дискуссии и поиски альтернативных решений быстро утрачивает свое значение. Сущность расхождений в подходе демократической и республиканской партий к Вьетнаму сводится к следующему: одна говорит, что мы должны приложить там еще большие усилия, а другая заявляет, что мы прилагаем достаточно усилий, и одновременно продолжает увеличивать эти усилия. Аме-

риканский народ играет в военную игру «Да, но...»: «Да, я знаю, война — ужасная вещь и налоги очень высоки, но...» Конгресс стал инструментом повышения ассигнований на военные нужды, а президент — социальным умиротворителем народа.

Как далеко мы ушли в этом направлении? Консервативные элементы в Соединенных Штатах, защищавшие в прошлом изоляционизм, ограничение военных усилий и требовавшие подавления социализма и возвращения к американским традициям, стали сегодня самыми активными сторонниками необходимости защиты «наших интересов» во всем мире и наиболее ревностными адвокатами расширения военных усилий. Тех, кто противится тому, чем мы стали, желает возвращения к основным традициям, называют теперь подрывными элементами.

Итак, избегают ли ловушки те, кто увольняется с военной службы через два, три или четыре года? Нет. Они увековечивают эту ловушку.

VII

— Дон! — окликнула меня жена с террасы. — Тебя к телефону.

Я пробормотал какое-то проклятие, уложил на место большой чемодан и с досадой вылез из машины. Войдя в прохладную переднюю комнату нашего каркасного дома, с раздражением спросил:

— Кто еще?

— Не знаю, — весело ответила жена. — Наверное, с работы. Пока ты будешь разговаривать, я уложу продукты в портативный холодильник.

— За каким дьяволом я им понадобился? Они же знают, что я в отпуске, — ворчал я, подходя к телефону. — Алло, Данкен слушает.

— Говорит полковник Вейгл из управления генерал-адъютанта штаба четвертой армии.

— О'кей, Манелли! Брось шуточки, я собираюсь уезжать. Если ты звонишь, чтобы пригласить меня на игру в гольф, то я не могу, потому что через час уезжаю в Лас-Вегас.

— Это сержант первого класса Дональд Данкен из пятьдесят девятого артиллерийского полка?

— Манелли, я говорю тебе серьезно — у меня нет времени для игры в гольф...

— Сержант! — Голос говорившего стал серьезным, и я машинально встал по стойке «смирно». — С вами говорит генеральный адъютант четвертой армии. — Это звучало убедительно, но из штаба армии вряд ли будут звонить сержантам домой, да еще по междугородному телефону. — Вы подавали рапорт с просьбой о назначении вас в войска специального назначения?

Этот вопрос несколько озадачил меня.

— Да-а, — неуверенно ответил я. — В январе или феврале я действительно подавал рапорт вместе с сержантом Моттом, но он уже уехал, поэтому я решил, что мой рапорт отклонен.

— А вы по-прежнему заинтересованы в этом назначении?

— Да, сэр, — ответил я громко, но про себя подумал: «Если, Манелли, это твои шуточки, берегись, я намну тебе бока».

— Мы можем удовлетворить вашу просьбу о назначении, если вы согласитесь на определенные условия. Вам придется отложить отпуск и немедленно явиться на службу. Вы должны будете отказаться от своего права на денежное содержание за специальную подготовку. («Ого!» — пронеслось у меня в голове.) Войска специального назначения не могут использовать вас по вашей военно-учетной специальности, а поскольку назначение производится с вашего добровольного согласия, вы лишаетесь права получения надбавки за специальную подготовку. Вам придется переехать к новому месту службы, но вы будете исполнять там временные обязанности дэ-пэ-дэ-эр...

— А что это такое?

— До получения дальнейших распоряжений... Вы будете часто менять место службы без права брать с собой семью, пока не закончится обучение и вас не назначат на постоянное место службы в часть. Надеюсь, вы понимаете, что если не сможете закончить парашютную школу и не будете получать надбавку за специальную подготовку, то вас могут назначить куда угодно, независимо от вашей военно-учетной специальности?

— Да, сэр. Я согласен со всеми условиями.

— Согласны? Вы убеждены, что поняли все, о чем я говорил?

— Да, сэр.

— В таком случае ваша просьба удовлетворена. Завтра вы должны прибыть в Форт-Брэгг, штат Северная Каролина.

— Как? — удивился я. Эти чудачки, видимо, делают все возможное, чтобы обескуражить меня: держали мой рапорт несколько недель, а теперь не могут подождать ни одного дня.

— Что вы имеете в виду? — услышал я.

— Я нахожусь в Эль-Пасо, в штате Техас. Никакими уставами переезд на такое расстояние за двадцать четыре часа не предусмотрен, да это и физически невозможно. Приказа, чтобы воспользоваться воздушным транспортом, у меня нет. У меня нет даже приказа об увольнении из своей части.

— Гм, это, конечно, проблема... Если мы дадим необходимые распоряжения, вы будете готовы к вылету с первым самолетом завтра утром?

— Да, сэр.

— Хорошо. Мы это организуем. Дадим устное распоряжение штабу начальника гарнизона подготовить приказ и обеспечить вас проездными документами на самолет. Немедленно приступайте к выполнению всех формальностей в связи с переездом к новому месту службы. У меня все, — добавил полковник, и в телефоне послышались короткие гудки.

— Ура-а-а! — радостно воскликнул я и вскочил с дивана. В двери, ведущей на кухню, появилась жена. На ее лице — испуг и недоумение.

— В чем дело?

— Меня приняли в войска специального назначения! — объявил я. — Улетаю завтра утром с первым самолетом.

Я чуть ли не танцевал, пока объяснял Лони все детали.

— А как же с нашей поездкой в Лас-Вегас и в Калифорнию? — спросила она разочарованно. — Это ведь наш первый отпуск вместе. Что же, я останусь одна?

— А что такое двухнедельный отпуск по сравнению с новой карьерой в жизни? К черту всякий отпуск...

— А как же с деньгами? Ты теряешь надбавку за специальную подготовку, приватную работу в уголовном розыске, пайковую надбавку за разделение с семьей. А на

какой срок ты уедешь? Сколько времени будешь учиться? Почему ты не отказался от всего этого?

— Ты что, шутишь? После всего того, что мне пришлось пройти, — отказаться? После долгих месяцев, ушедших на получение допуска к секретной работе, после всех этих упражнений и соблюдения диеты. После трех лет скучнейшей и бесперспективной гарнизонной службы, трех лет работы для работы, надоедливой возни с мелочами, выдумывания фальшивых расписаний по боевой подготовке, разыгрывания показательных парадов для «высокопоставленного начальства». И ты хочешь, чтобы после всего этого я отказался от предложения попасть в войска, которые действительно что-то делают, чем-то занимаются? Отказаться от возможности быть среди лучших, вместо того чтобы пропадать здесь с этими домоседами? Нет уж, извини, я поеду. Я уехал бы даже сегодня, если бы мне приказали.

VIII

От влажного воздуха в небольшом аэропорту Фейентвилл в штате Северная Каролина моя летняя шерстяная форма становится похожей на целлофановый колпак для укладки волос. Гарнизонное такси мчится мимо безобразных вывесок, неоновых реклам, битком забитых стоянок автомашин, ломбардов, туристских лагерей с домами на колесах, магазинчиков и наконец въезжает на территорию военного городка. Машина останавливается у дверей штаба 7-й группы специальных войск армии США. После проверки документов меня направляют в полупустую казарму, где я ставлю свой чемодан, застилаю койку и переодеваюсь в легкий гражданский костюм.

Строгие ряды деревянных казарменных построек, окруженные сосновым лесом, резко отличаются своим внешним видом от построенных на лишенной растительности земле современных каменных казарм в Форт-Блессе. Группки разговаривающих между собой людей почти не обращают на меня внимания, когда я прохожу мимо них. У четвертого барака неожиданно раздается знакомый голос:

— О, Данк, ты все-таки добился своего!

От группы сидящих на ступеньках крыльца отделяется коренастая фигура Тэда Мотта. Мы радостно пожи-

маем друг другу руки. Его широкое загорелое лицо расплывается в улыбке.

— А я уже потерял надежду увидеть тебя здесь, Данк. Когда приняли? Как тебе удалось добиться назначения? Где живешь? А как...

— Стоп, стоп, стоп, — засмеялся я. — Остановись.

Подробно рассказываю ему о телефонном разговоре и о поспешном вылете из Форт-Блисса.

— Ну а у тебя как дела? Ты давно уже здесь? — спросил я в свою очередь.

— Три дня. Взял тридцатидневный отпуск, перед тем как явиться. Пил напропалую и чуть было не женился. Однако вовремя одумался и решил подождать. Давай познакомлю тебя с ребятами. Джек, Эрл, Эд... Это парень из Форт-Блисса, о котором я тебе рассказывал, помнишь? Он пока еще пехотинец, но твердо решил стать парашютистом.

Я только теперь заметил, что у всех ребят над левым карманом рабочего костюма красовалась отличительная нашивка воздушных десантников. Мы обменялись рукопожатием, но я почувствовал, что они снизошли до приветствия пехотинца лишь из уважения к Тэду. Меня в свою среду они еще не приняли.

— Данк, — продолжал Тэд, — тебе здесь понравится. У них есть сержантский клуб. Такой шикарный. Знаешь что, иди-ка ты надень костюм с галстуком и приходи сюда. Мы пойдем перекусим, и ты расскажешь мне, как дела у Макдоугэлла и у Хэнди. Я пойду пока приму душ. Захвати с собой копию приказа, чтобы получить членский билет.

Насчет клуба Тэд несколько не преувеличил. Парикмахерская, винный магазинчик, холостяцкий бар, комната отдыха с баром, телевизионная комната, бассейн, веранда, огромный танцевальный зал и большое кафе-столовая. По утверждению Тэда, на клуб затратили более миллиона долларов. Две порции джина с тонизирующим напитком, отличный бифштекс на разогретой деревянной тарелке, вкуснейший салат, поданные хорошенькими официантками, — и мир сразу стал прекрасным. Я рассказал Тэду все, что знал о его друзьях в Форт-Блиссе, а он поведал мне о своем длившемся месяц романе. Тэд моложе меня на год или два, но его манера рассказывать чем-то напоминает мне пятнадцати-шестнадцатилетнего юношу. Это впе-

чатление усиливают загоревшие щеки, шелушащийся нос и коротко остриженные обесцвеченные солнцем волосы. В течение каких-нибудь трех дней он, кажется, перезнакомился со всеми завсегдатаями клуба.

Выпив кофе, мы направились в комнату отдыха, откуда через стеклянную перегородку был виден расположенный внизу танцевальный зал. Сидя в глубоких удобных кожаных креслах и потягивая коктейль, мы продолжали обмениваться новостями.

— А ты, Данк, все еще в форме парашютной школы?

— Видишь ли, после того как ты уехал, я уже было потерял всякую надежду и поэтому плюнул на все и перестал соблюдать диету... Но сейчас чувствую себя прилично.

— Будем надеяться, что все пройдет хорошо, — подбодрил меня Тэд. — Тебе предстоит нелегкие денечки, но у тебя еще целая неделя в запасе, так что ты сможешь подготовиться.

— Неделя? Ты хочешь сказать, что мне еще целую неделю придется ждать?

— Прежде чем тебя возьмут в восемьдесят вторую школу, тебе придется сдать нормы по физической подготовке. На эту неделю ты поступишь в распоряжение мастер-сержанта Крафта. Надо сказать, я тебе не завидую. Загоняет он тебя до полусмерти. Если сдашь ему все нормы, то с точки зрения физической подготовки можешь считать себя принятым.

— Послушай, Тэд, расскажи, что за упражнения?

— О, это очень изнурительно... Очень большая нагрузка, и к тому же все в двойной норме. Тебе придется делать одно упражнение за другим. Как бы ты ни выполнил их, все будет плохо, а это значит снова упражнения, снова подпрыгивания на корточках. Изучить снаряжение и научиться прыгать — это еще легко. Вышка и прыжки с парашютом для таких бравых парней, как ты, — сущий пустяк. А вот нагрузка и напряжение — вот это да. Они будут пытаться заставить тебя потерять терпение и от всего отказаться. А как сержант ты, пожалуй, получишь кое-что и сверх нормы... А может быть, это только так кажется, но, во всяком случае, сержанты и офицеры редко выдерживают до конца.

— А для чего это нужно? Мне все это представляется ненужной тратой времени и усилий. Почему бы им не научить меня прыжкам с парашютом — да и делу конец.

Тэд рассмеялся.

— Они говорят, что это необходимо для физической и моральной подготовки. Например, у них есть игра под названием «Прыгай». Один из сержантов крикнет тебе «Прыгай!», возможно, в тот момент, когда ты, скажем, будешь бежать изо всех сил. Ты должен в ту же секунду ударить каблуками о землю так, чтобы ноги были вместе, согнуться в поясе, наклонить голову и смотреть на ботинки, а локти рук прижать к туловищу, предплечья должны быть отставлены в стороны, а пальцы рук растопырены, будто ты захватываешь резервный парашют. Все это должно произойти в одно мгновение, и, прежде чем твои каблуки коснутся земли, ты должен закричать как можно громче: «Одна тысяча, две тысячи, три тысячи, четыре тысячи!» Потом ты быстро выпрямляешься, поднимаешь руки вверх, запрокидываешь голову назад и смотришь в небо. В таком положении ты стоишь до тех пор, пока сержант не скажет: «Отставить!» С криком «Ясно, сержант!» ты хлопаешь ладонями по ногам и снова бежишь что есть сил. Если реакция на команды будет недостаточно быстрой или ты сделаешь что-нибудь неверно, будешь повторять упражнения снова и снова, пока сержант не найдет все правильным. Если же на тебе в это время будет напряжение, вместо этого упражнения будешь прыгать на корточках. Сержант прикажет тебе сделать десять прыжков. Ты сделаешь один лишний и при этом крикнешь: «Это в честь воздушных десантников!» Но не кричи слишком громко, потому что в этом случае будешь проделывать все снова.

— И это происходит у всех на глазах, Тэд? Наверное, чувствуешь себя ослом.

— Да. Если ты покажешь, что тебе это не нравится, все кончится тем, что от усталости ты не сможешь ни сесть, ни лечь, ни встать. К концу двух недель ты будешь проделывать все это автоматически. Настолько автоматически, что если окажешься вон в том танцевальном зале, а я вдруг крикну: «Прыгай!», ты сделаешь это как миленький. Сильно сжатые ноги и согнутый в поясе корпус наиболее правильная позиция для прыжка из самолета. А подсчет — это число секунд, необходимых для раскрытия парашюта, а потом ты поднимаешь руки вверх и проверяешь укладку. Эти вещи нужно знать,

— А если он не раскрывается?

— Есть резервное время. В парашютной школе считают, что каждый боится прыгать с самолета. Поэтому, когда ты стоишь у открытой двери и инструктор командует «прыгай» или «пошел», то лишь на счете «три тысячи» ты почувствуешь, что самолета под ногами уже нет. А еще в школе считают, что если ты хорошо подготовился на земле, то твои мышцы сами подскажут тебе: «Джек, давай не мешкай, прыгай, а то...»

— Одним словом, отрабатывают автоматизм действий, — перебил я его. — Тебя в такой степени превращают в автомат, что ты перестаешь думать, а только реагируешь. Это похоже на вымывание мозгов. Но мне ведь тридцать, а не какие-нибудь восемнадцать-девятнадцать. На меня это вряд ли подействует.

— Поживем — увидим! — весело заметил Тэд.

К нашему столику подходит высокий, хорошо одетый парень.

— Привет, Тэд. Не возражаешь, если я присяду выпить?

— Джек Макаллистер, Дон Данкен, — представил нас друг другу Тэд. — Джек — командир одной из наших групп.

Джек держит себя очень свободно, как давно привыкший ко всему окружающему; как должное принимает неприкрытую лесть со стороны Тэда. Его загорелое лицо хорошо гармонирует с безупречной белизной рубашки. Когда появляется официантка с вновь наполненными бокалами, Джек выразительным взмахом руки отклоняет наши протесты и оплачивает чек из солидной пачки банкнот.

— Данк собирается поступить в парашютную школу, — поясняет Тэд, — и я рассказываю ему, к чему нужно быть готовым.

Найдя во мне благодарного слушателя, оба завязывают разговор «бывалых». Каждый начинает свою историю со слов: «Я помню, как...» И дальше следует рассказ о мучительной тренировке, о подготовке к прыжкам, о самих прыжках... И все это, конечно, с намеками на то, что парашютисты, мол, особые люди и что я еще далек от того, чтобы быть принятым в их компанию. Через тридцать минут Джек замечает девушку, которую ждет, и, извинившись, покидает наш столик.

Тэд с видом заговорщика наклоняется ко мне через столик и шепчет:

— Он только что вернулся со своей группой с задания. Видишь, сколько у него денег?

— С задания? — удивился я. — С какого задания? Ты хочешь сказать — с полевых занятий?

— Говорю тебе: с настоящего задания. — Тэд смотрит через плечо. — Его не было здесь целых шесть месяцев.

Все другие вопросы Тэд оставляет без ответа, давая волю моему воображению. Меня все сильнее и сильнее охватывает чувство гордости. «Да, это часть, которая действительно что-то делает», — думаю я и представляю себе тайные операции, в которых, возможно, буду участвовать.

Мы продолжаем потягивать свой коктейль. Тэд рассказывает, что завтрашний день будет особенно напряженным. Он уже парашютист и завтра приступает к прохождению курса подготовки войск специального назначения. Он попал в оперативно-разведывательную группу и будет изучать следующие дисциплины: анализ тактических свойств местности; отпечатки пальцев; боевые порядки; планирование операций; фотография; шифровальное дело; агентурная связь; разведывательная сеть; методы допроса; организация партизанских отрядов; психологическая война. Этот перечень буквально ошеломил меня. Некоторые из дисциплин пока оставались для меня полнейшей загадкой.

Вспомнились проводы в Форт-Блиссе. Восхищенные и завистливые взгляды тех, кто там остался. «Да, здесь ребята действительно особые, — подумал я с гордостью. — Смогу ли я стать таким? Пройду ли я через все эти испытания? Должен пройти во что бы то ни стало».

IX

Около моих ушей раздается пронзительный свист. Открыв глаза, вижу перед собой ярко горящую электрическую лампу. Прихожу в себя, наверное, только потому, что свет ударяет прямо в глаза... Стены дрожат от чьего-то громкого голоса, еще более звучного, чем свист. Почему, черт возьми, звуки входят в голову и не выходят из нее? Кричащий человек где-то совсем рядом со мной.

— Через две минуты построиться на улице! Форма одежды: рубашка, трусы и ботинки с высокими берцами.

Что это? Шуточки? Никто не носит такой формы... Я с трудом отыскиваю глазами кричащего человека. Нет, видно, это не шуточки: на нем именно такая форма одежды. Маленькая голова, бронзовая кожа, во рту торчит

сигара, мускулистые ноги, широкая грудь. Он не выглядит в этой форме глухим, скорее, утрашающим... Надпись над карманом рубашки говорит о том, что это мастер-сержант Крафт.

О том, чтобы сполоснуть пересохший рот, а тем более почистить зубы, не может быть и речи: каждая секунда на счету. Мне удастся выбежать на улицу не последним. Взглянув на часы, замечаю: четыре часа тридцать минут.

Мы бежим. Весь район — сплошные подъемы и спуски... Никто не бежит столько времени без перерыва. Я весь мокрый от пота, мои ботинки кажутся ботинками водолаза, часы на руке весят, наверное, не менее двух килограммов... Мы бежим. Из горла вырывается хрип. Я безуспешно пытаюсь снабдить свои истощенные легкие воздухом. Руки поднимать я уже не в состоянии. Мы бежим. Ноги как будто не мои. Все вокруг в каком-то тумане. То впереди нас, то позади раздается знакомый голос, требующий не нарушать строй, не сбиваться с ноги, не отставать... Как это он успевает и кричать и дышать? Мы бежим. В животе у меня спазмы. Я спотыкаюсь. В голове все перепуталось... Надо во что бы то ни стало дышать... дышать... Спина в мокрой рубашке впереди меня неожиданно останавливается, и я натываюсь на нее. Мне повезло. Бег закончился. Какой же это адский способ избавиться от излишка алкоголя в желудке и в голове...

Ноги словно резиновые. До казармы добираюсь с трудом. На то, чтобы отдышаться, уходит пять минут. Кто-то говорит, что мы пробежали восемь миль. Восемь миль! Только сознание того, что если я сейчас же не пойду под душ, то не смогу больше шевельнуться вообще, заставляет меня подняться с койки.

То ли от бега, то ли от плотного завтрака я полностью протрезвел. «Неплохая идея, — подумал я, — проводить такие физические тренировки до восхода солнца, пока еще сравнительно прохладно». Следующие два часа уходят на построение для развода на работы, на уборку казарм, знакомство с другими инструкторами. Все они сержанты. Мастер-сержант Рид, коренастый парень моего роста, но несколько полнее меня, с бычьей шеей, примерно того же возраста, что и я, назначен комендантом казармы. Он производит на меня впечатление сообразительного парня, но,

возможно, я ошибаюсь. Единственное, что меня беспокоит, это, что ему, по-видимому, очень нравятся пробежки ранним утром. Только мастер-сержант Брулет, самый старший из нас по возрасту, возмущается назначением Рида. Нервное лицо и внушительные очки Брулета свидетельствуют о его проницательности, но тот факт, что последние два года он был вербовщиком, говорит явно не в его пользу. Я обратил на него внимание только некоторое время спустя, после утренней пробежки.

Спасаясь от палящих даже в такую рань солнечных лучей, мы сидим в тени и рассказываем друг другу всякие небылицы. Кто-то вслух начинает гадать, когда начнется настоящая подготовка. Появляется Крафт. Он отдает Риду приказание: все должны подготовиться к физической тренировке, которая начнется через пять минут. Я чувствую, как завтрак у меня в животе становится тяжелым комом.

В процессе «короткой встряски» перед строевыми занятиями в поле мы буквально обливаемся потом. В течение двух часов непрерывно повторяем «ежедневную зарядку» с некоторыми личными нововведениями Крафта. От падения во время двадцати прыжков на корточках меня спасает только то обстоятельство, что я в задних рядах. Это позволяет делать прыжки кое-как, не с полной силой. Наконец «встряска» заканчивается, и я с надеждой думаю о том, как ополоснусь сейчас под душем и... Но что это? Боже мой, что еще хочет от нас Крафт? Он показывает в противоположную сторону... Мы бежим.

Внутренний голос подсказывает мне, что круговой маршрут, по которому мы бежим, должен иметь столько же спусков, сколько подъемов. Я с жадностью глотаю воздух пересохшим ртом... Не могу считать, чтобы бежать в ногу с остальными. Если мне и удастся вдохнуть воздух, набухший язык не в состоянии шевельнуться, чтобы произнести хоть одно слово. Ноги шлепают по раскаленному асфальту дороги, как автоматы... Нас неотступно преследует дьявольский голос Крафта, требующий, чтобы мы бежали еще быстрее.

В начале одного из спусков Крафт приказывает прекратить бег и перейти на быстрый шаг. В конце спуска, как только начинается подъем, — снова бегом. Крафт придумал новый порядок: бежать мило, идти быстрым шагом минуту, и всегда бегом на подъеме. Когда же наконец этот

сумасшедший намерен остановиться? Четвертый спуск. Может быть, он остановит нас здесь? Я не могу бежать в ногу с остальными. Рид выглядит таким же бодрым, как и в начале бега, выкрикивает счет громко и ясно. Ему действительно нравятся такие штучки. Вот дьявол! Впереди — новый склон. Мы идем шагом. Слава богу! Я больше не выдержу... Спазмы в животе — и завтрак на обочине дороги...

— Из строя не выходи! Не останавливайся! — слышу я приказ Крафта.

Я готов убить его. Мы снова бежим. Ноздри у меня, кажется, сейчас загорятся. Сквозь слезы почти ничего не вижу. Должен же он когда-нибудь остановиться! Его голос доносится до моего сознания откуда-то издалека, с расстояния нескольких миль. Кто-то наступает мне на каблуки, я с трудом удерживаюсь на ногах. Подъем настолько крутой, что дорога, кажется, идет прямо вверх. До конца остается всего несколько шагов... У следующего барака я должен остановиться — иначе... Еще немного вперед... Ну вот и все... Шесть спусков, шесть подъемов — шесть миль.

Я дрожу и едва перевожу дыхание. Одна нога подергивается... Крафт что-то говорит. Муть перед глазами немного проясняется. Не могу поверить тому, что вижу: Крафт даже дышит не тяжело! Он, в сущности, почти не вспотел. Улавливаю его последние слова: «...и не нажирайтесь за вторым завтраком. Все, кто закончил этот бег, примут участие в физическом испытании в тринадцать тридцать. Кто выдержит и это испытание, начнет заниматься в парашютной школе со следующего понедельника». Что такое? Только теперь я замечаю, что от первоначального состава группы осталась какая-нибудь треть.

Поскольку нас проверяют индивидуально, между отдельными видами испытаний остается время передохнуть. Я проделываю все упражнения, но прыжки на корточках забирают остатки сил. Опасаюсь, что бега на четыре мили не выдержу.

Недаром я опасался. После очередного спуска и подъема в ногах нет почти никакой координации. Кислород и кровь почти не достигают мышц и суставов. Пройдено почти три подъема и три спуска. Впереди — еще один подъем. Если бы только удалось преодолеть его... Я как бы плыву... Единственное, что я ощущаю, — невероятный шум в ушах. А что это за черная масса впереди меня? Я про-

тягиваю руки по направлению к ней. Боль. Боль в ладонях, запястьях рук, в голове. Оглядываюсь. На дороге странная тишина. Мои ноги предали меня: я провалился. Испытание не выдержано.

Х

Двойная норма! Я чувствую себя так, будто бежал всю свою жизнь, но так и не научился бегать. Теперь я бегу вверх по деревянной лестнице на вышку высотой около десяти метров. Ремни парашютного снаряжения стягивают ноги и давят на плечи, а спереди бьет по коленкам макет резервного парашюта. Я молю бога, чтобы находящиеся впереди меня четыре человека взбирались по лестнице медленнее... Добравшись до верхней площадки, парень, который бежит первым, входит в ящик, изображающий фюзеляж самолета. Я жду на ступеньках. В каждой руке у меня — конец стропа. Обычно от задних ремней стропы идут к куполу парашюта, а здесь они кончаются пружинными карабинами. Поднимаюсь еще на две ступени и теперь вижу большой ящик — фюзеляж с двумя дверями, ведущими к маленьким ступенькам на высоте десять метров от земли. Один из бежавших впереди меня исчезает в проеме двери; другой движется по направлению к противоположной двери.

Я наверху. В ящике. Смотрю на спину идущего впереди. Инструктор наклоняется и подтягивает к себе два стропа со стальными кольцами на концах. Сейчас мне не видно, но я знаю, что другие концы строп прикреплены к ролику на ходовом тросе. Инструктор цепляет кольца за карабины, которые держит в вытянутых руках находящийся впереди меня человек.

— Подходи к двери! — командует инструктор.

Человек приближается к двери — и сразу же слышится окрик инструктора:

— Номер по списку?

После секундного колебания человек отвечает:

— Номер по списку шестой, сержант.

— Прыгай!

Человек в проеме двери дергается вперед, но в последний момент хватается за дверь и останавливается. Он не прыгнул.

— Номер шесть, отойди от двери! Номер шесть, ты хочешь быть парашютистом?

Кивок головой.

— Это возможно только в том случае, если ты прыгнешь, номер шесть, — продолжает инструктор теперь уже спокойным тоном, не отводя взгляда от стоящего перед ним человека в снаряжении. — Не бойся, что ты ушибешься, номер шесть. Возможность того, что ты ударишься о землю, исключена. Оборудование имеет многократный запас прочности. Ты будешь прыгать? Хорошо. Подходи к двери. Прыгай!

Рывок вперед и... снова остановка. Человек шепчет:

— Я не могу... Не могу... Толкните меня...

Инструктор схватывает стропы и отталкивает человека от двери. Подойдя к нему, кричит:

— Ты пехотинец! Неисправимый пехотинец! Ты и выглядишь пехотинцем и даже пахнешь, как пехотинец! Ты навсегда останешься пехотинцем! Пошел вон отсюда, пока твой пехотный дух не провонял нашу вышку. Сними с себя снаряжение. Оно предназначено для храбрых солдат, а не для детей. Вон отсюда!

Человек плачет. Каждое слово инструктора для него удар хлыстом.

Инструктор поворачивается ко мне:

— Ты собираешься прыгать, номер двенадцать?

— Да, сержант.

После такой сцены я, кажется, прыгнул бы безо всяких строп, и прямо в горящую нефть...

Инструктор зацепляет кольца за карабины и выдерживает стропы из моих рук.

— Подходи к двери!

Я медленно подхожу к двери и встаю так, чтобы носок правого ботинка высывался со ступеньки наружу. Ладони прижимаю к стенке ящика-фюзеляжа. Ноги слегка согнуты в коленях, левая — готова к толчку. Смотрю вниз. Вижу сидящего на высоком табурете оценщика. В руках у него открытый журнал. Он будет ставить баллы за мой прыжок. Слева от него кто-то выполняет очередные прыжки на корточках.

— Номер по списку?!

— Номер по списку двенадцатый, сержант! — кричу я как можно громче.

— Прыгай!

Отталкиваюсь обсидами ногами и лечу вниз... Ноги вместе... «Одна тысяча»... Локти прижаты к бокам, руки на

запасном парашюте, колени сжаты... «Две тысячи...» Смотрю на носки своих ботинок и одновременно вижу оценщика. «Боже, неужели я падаю на него?» «Три тысячи...» Подбородок упирается в грудь; запасной парашют шлепает по губам; стропы врезаются в тело. Я, кажется, лечу вверх, нет, сейчас опять вниз. Земля как бы скользит подо мной, а я на чем-то несусь над ней. Поднимаю руки и захватываю стропы. А «четыре тысячи» я сказал или нет? Снова смотрю вниз. Земля становится каким-то пятном, скорость падения увеличивается. Вовремя вспоминаю, что надо потянуть стропы и поднять ноги. Пронесусь мимо насыпи из красноватой земли. Стropы ударятся о резиновый стопор, и меня отбрасывает назад, на насыпь. Чьи-то руки схватывают меня, останавливают и снимают карабины с колец на стропках.

— Ну как, Данк?

Это Брулет.

«Все хорошо, — проносится у меня в голове. — Я сделал первый прыжок с вышки. Теперь я «роликовый парашютист».

— Великолепно! — отвечаю я с нескрываемой радостью и гордостью.

Бегу с насыпи к высокому табурету получить оценку. Снова на вышку, через дверь — вниз, снова насыпь. Чувствую себя ветераном. Снова к оценщику. Впиваюсь в него глазами, с нетерпением жду, когда он посмотрит на меня. Ноги вместе, руки по швам.

— Номер по списку двенадцатый, сержант.

— Удовлетворительный прыжок, двенадцатый. Снимай снаряжение и иди к сержанту слева от меня.

Я разочарован. Все прыгают по три-четыре раза...

— Да, сержант.

Хлопаю ладонями по швам, поворачиваюсь, но не успеваю сделать и шага, как слышу:

— Номер двенадцатый, стой! Надо отвечать «ясно, сержант», а не «да, сержант». Получи десять.

Падаю на живот, десять раз отжимаюсь, одиннадцатый — в честь воздушных десантников. Поднимаюсь на ноги.

— Номер двенадцатый, ты не ответил «ясно, сержант», когда я сказал тебе, как нужно отвечать. Еще десять,

— Ясно, сержант.

Хлопаю ладонями по швам, падаю вперед и делаю ещё десять подтягиваний. Снова поднимаюсь на ноги.

— Номер двенадцатый, на тебе снаряжение, а со снаряжением ты должен не отжиматься, а делать прыжки на корточках. Получи еще десять.

— Ясно, сержант.

Запасной парашют сильно затрудняет прыжки. Того и гляди, потеряешь равновесие и неуклюже растянешься на земле. Снова поднимаюсь на ноги. Принимаю стойку «смирно».

— Это за первую ошибку, номер двенадцатый. Теперь еще десять за вторую.

— Ясно, сержант.

Боже мой, если он прикажет еще, мои колени уже не выдержат.

— Ты сделал третью ошибку, когда выполнил не то упражнение. Еще десять.

— Ясно, сержант.

Этот человек, наверное, садист. Я с трудом выполняю упражнение и едва нахожу в себе силы выпрямиться и встать «смирно». Жду дальнейших команд. Он поворачивается ко мне:

— Что ты делаешь, номер двенадцатый? Я же сказал: снять снаряжение. Чего ты ждешь? Еще десять за глупость, а потом выполняй.

— Ясно, сержант.

Хлопаю ладонями по швам. Еще одиннадцать подпрыгиваний на корточках... Выпрямляюсь, шлепаю по швам, отхожу в сторону.

Снять с себя снаряжение и передать его другому — большое облегчение. Направляюсь к высокому табурету, но меня останавливают: еще десять отжиманий — за то, что, снимая снаряжение, зацепил и оторвал пуговицу от рабочей формы одежды. Иду к сержанту, стоящему позади оценщика.

— Номер двенадцатый, где ты пропадаешь? Ты слишком медлителен. Получи десять.

Не успел я подняться, как получил новые десять за незастегнутую пуговицу на кармане.

— Так. Теперь смени человека, обслуживающего трос с роликом.

— Ясно, сержант.

Принимаю от такого же, как я, ученика свернутый в бухту трос с гаком на конце. Бегу по направлению к насыпи мимо человека, которого должен сменить. Он тянет в этот момент ролик с ходовым тросом к основанию вышки. Подбежав к насыпи, бросаю конец своего троса человеку, стоящему на ее вершине, и замираю в ожидании. Над моей головой пролетает очередной прыгун. Человек на насыпи отцепляет его и присоединяет конец моего троса к кольцам. Теперь я бегу к основанию вышки и тащу за собой ходовой трос с роликом и кольцами. Оказывается, он тяжелый, черт возьми!

Бросаю взгляд на верх вышки. Инструктор наверху машет мне рукой — «подавать». Чтобы кольца попали в дверь, надо сильно разбежаться. От усердия чуть не ударюсь головой о стену вышки. Не успеваю остановиться, как мне суют другой трос. Обратно к насыпи. Кажется, что она на расстоянии трех футбольных полей. Солнце печет невыносимо. Мне становится жарче, но потею я уже меньше: прошло, кажется, около двух часов после того, как я пил. Подбегаю к насыпи вовремя. Принимаю кольца и ролик. Бегу к вышке. Обратно к насыпи... Когда же мне дадут отдохнуть? Этот парень перехитрил меня: я уже сделал три пробега туда и обратно, а он только два. Снова к вышке. Я уже больше не потею. Сорокаградусная жара дает себя знать. Мотаюсь почти целый час. «Тащи скорее, двенадцатый!» «Пошевеливайся, двенадцатый!» Почему я не отказываюсь от всего этого? Мозги в голове, наверное, начнут сейчас плавиться, несмотря на тропический шлем. Снова к насыпи... Если добегу до вышки, то уж это будет последний раз. Откажусь.

— Номер двенадцатый, где ты пропадаешь? Ты что-то начинаешь бегать очень медленно.

Я смотрю мимо сержанта на вершину насыпи, изо всех сил стараясь, чтобы он не заметил по моему лицу, как я его ненавижу. За неположенные мысли можно получить очередные десять.

— Ты хочешь отдохнуть, номер двенадцатый?

— Да, сержант.

Что это, розыгрыш?

— О'кей, номер двенадцатый, можешь отдохнуть. Займи позицию для отжимания и можешь поразмышлять над своими грехами.

Слышу, как он отошел и начал кричать на кого-то еще.

Гравий колет ладони, ремень с пистолетом и флягой, кажется, весит целую тонну. Черт возьми, сколько времени я нахожусь здесь? Еще минута — и я, наверное, свалюсь от усталости и выпью воды. Хорошо этим сержантам-инструкторам, дьявол их возьми, все время хвалятся, что они бегают столько же, сколько и мы. Но ведь на них трусы, тропические рубашки и бейсбольные шапочки. На нас же — рабочий костюм, шлем и пистолетный ремень... Ну подойди же ко мне скорей, чертяка, если не подойдешь через минуту — я свалюсь...

Шлем перевешивает: больше держать голову приподнятой я не могу. Пытаюсь переключать вес своего тела с одной руки на другую. Спина прогибается... Ну, еще минуту...

— Ну как, ты отдохнул, номер двенадцатый? — раздается голос над моей головой. Я вижу только его ботинки.

— Да, сержант.

— Хорошо. Теперь можешь выполнить десять подпрыгиваний на корточках.

Мне кажется, что мышцы у меня скрипят, а тело в огне... Сделав одиннадцатый подскок в честь парашютистов, я, пошатываясь, выпрямляюсь, чуть не падаю, но вовремя последним усилием передвигаю левую ногу и пытаюсь изобразить стойку «смирно».

— В какую сторону ты обращен лицом, номер двенадцатый?

— На север, сержант.

· Почему он не стоит спокойно, а качается из стороны в сторону? Или в глазах у меня двоится?

— Нале-во! Теперь сделай десять подскоков лицом на запад... Кру-гом!.. Десять лицом на восток... Напра-во!.. Не забывай и юг, еще десять.

Мышцы рук отказываются сокращаться. Спина — как не моя. Счет прыжкам я в состоянии вести только шепотом. Поднимаюсь на ноги. Почему это кругом все колыхнется? А почему небо такого странного оттенка?

— Хорошо, номер двенадцатый, бери трос и принимайся за работу.

Кладу трос на плечо и наклоняюсь. Ноги не хотят меня слушаться. Боже, у меня не хватает сил тащить этот трос. Я даже не вижу вышки, она в каком-то тумане. Подхожу ближе, но она все равно остается в тумане...

Откуда-то издалека доносится голос:

— Давай, давай, номер двенадцатый! Ну, еще одно усилие!

После этого другой голос, тоже издалека:

— Где ты пропал, номер двенадцатый? Получи десять за медлительность.

...Четыре... Нет, дойти до насыпи я уже не смогу... Шесть... Уже сделал больше половины... Девять... Ну их к чертям вместе с их упражнениями и парашютной школой... Десять... Сосредоточься. Нет, одиннадцатого тебе сделать, наверное, не удастся. Поднимаю свое тело вверх по частям, как змея... «В честь воздушных десантников». Из последних сил поднимаюсь на ноги. Черт возьми, даже вышка и та шатается из стороны в сторону.

— Садись на конец скамейки, двенадцатый.

Чуть не забываю сказать «ясно, сержант». Напрягаю все мышцы, чтобы дойти до скамейки, но ноги не слушаются, цепляются за землю, поднимают пыль... Впереди — темное пятно. Это, должно быть, человек, сидящий на скамейке... Натыкаюсь на человека в тропической рубашке и бейсбольной шапочке.

— Разрешите сказать, сержант.

— Да, в чем дело, двенадцатый? Не качайся из стороны в сторону. Ты что, не можешь стоять спокойно?

Э нет, на этом ты меня не поймаешь. Это ты качаешься из стороны в сторону, а не я... Ты говоришь это, чтобы сбить меня с толку... Когда же, черт возьми, рассеется этот проклятый туман?..

— Я хотел бы выпить немного воды, сержант.

— Если у тебя есть соленые таблетки, давай пей.

— Ясно, сержант.

Нащупываю флягу и таблетки. Теплая вода раскрывает ссохшиеся губы. Еще немного. Спазмы в животе прекращаются. Еще глоток. Пауза. Еще пара глотков. Вода вся. Туман начинает рассеиваться. Я снова потею. Смотрю на дверь парашютной вышки. Больше никаких подтягиваний я сделать не смогу. Шлем, кажется, вот-вот раздавит мне голову.

Человек в снаряжении парашютиста проходит мимо скамейки к табурету оценщика.

— По списку номер семнадцатый, — докладывает он.

— Ноги врозь, колени согнуты, локти оттопырены, го-

лова задрана вверх. Неудовлетворительный прыжок, семнадцатый. Повторить.

— Пошли вы в... со своими прыжками и парашютными школами... Ко всем чертям эту затею! Я отказываюсь.

Сидящие на скамейке застывают от удивления. Сейчас наверняка разразится буря.

— Номер семнадцатый! Не забывай, что ты сержант армии Соединенных Штатов. Подобные выражения здесь недопустимы. Получишь по десять за каждое ругательное слово и еще десять за неуважение к старшим.

Выполняя подпрыгивания на корточках, парень оборачивается назад и чуть не плача кричит:

— Я же сказал, что отказываюсь!..

— Еще десять за то, что не сказал «ясно, сержант», когда я приказывал, и еще десять за разговор без разрешения.

— Я же сказал, что отказываюсь.

— А за это еще десять. Не забывай, что ты пока еще в армии, семнадцатый, и должен подчиняться приказам.

Стиснув зубы, парень выполняет прыжки.

— На тебе снаряжение парашютиста, семнадцатый. Если хочешь отказаться, то должен сделать это на вышке, куда я приказал тебе пойти. После выполнения прыжков пойдешь на вышку, встанешь у двери и крикнешь мне вниз, что отказываешься... На вышке! — крикнул сержант инструктору. — Приготовьтесь принять отказывающегося пехотинца.

Не представляю, как его ноги выдержали шестьдесят подскоков на корточках. Как он доберется после этого наверх? Через некоторое время с вышки слышится голос инструктора:

— Подходи к двери!

Двухдюймовые белые цифры на шлеме семнадцатого хорошо видны снизу. В его глазах — ненависть.

— Номер по списку?

— Я отказываюсь! — громко кричит парень, стискивает зубы... и прыгает.

Когда он плетется мимо скамейки к оценщику, я замечаю, что от напряжения и злости лицо его подергивается. Парень останавливается перед табуретом в вызывающей позе.

— Номер семнадцатый, ты не отсчитывал время. Прыжок неудовлетворительный. Повторить,

— Я же сказал, что отказываюсь.

— Надо отвечать «ясно, сержант». За это тебе десять. Ты сказал, что отказываешься, а сам прыгнул. За обман еще десять. А еще десять за то, что шел, а не бежал ко мне после прыжка. Если хочешь отказаться, отказывайся там, на вышке. Если не пойдешь на вышку — это будет означать невыполнение приказа. Сержанту это может обойтись очень дорого. А теперь выполняй все, что тебе приказано.

Парень упал один раз, когда выполнял второй десяток подскоков, и еще два раза на третьем десятке, но все же выполнил все тридцать. Поднимаясь по лестнице на вышку, он вынужден был пользоваться больше руками, чем ногами.

Снова шум, крики, дребезжание роликов и колец... «Номер по списку?» Хотя и приглушенное, но все же слышится: «Я отказываюсь». На какую-то долю секунды кажется, что семнадцатый отпрянул от двери. Стоп — и он снова отчаянно бросается с вышки вниз. Когда парень проходит мимо, на его лице видны слезы.

Такой цикл борьбы между семнадцатым и оценщиком прыжков повторяется еще два раза. Похоже на то, что парень впал в бешенство. Шатаясь, как пьяный, он снова плетется мимо нас к сержанту на табурете. Его руки и ноги движутся так, словно это руки и ноги куклы на пружинах. Всеми его действиями руководит только ненависть.

Раздается свисток. Конец занятий...

— Ты не делал отчет времени, семнадцатый. Неудовлетворительный прыжок. Быстро сними снаряжение и положи его в грузовой контейнер! — Выкрикнув это последнее приказание, оценщик поворачивается и слезает со своего табурета.

Построение. Ноги у меня окончательно одеревенели. Продержаться бы еще несколько минут.

Сержант-оценщик проходит вдоль строя и останавливается около семнадцатого.

— Завтра приходи сюда, семнадцатый. Из тебя выйдет хороший парашютист. Ты не откажешься.

Из груди парня вырывается горькое всхлипывание. Сержант отступает назад и громко кричит:

— Командиры отделений, люди в вашем распоряжении! Разойдитесь!

Я чищу до блеска ботинки, ставлю их под койку и проверяю жесткий, словно деревянный, рабочий костюм — не оторвалась ли на нем какая-нибудь пуговица или не торчит ли где-нибудь нитка. Шлем с белой цифрой «12» готов. Интересно, можно ненавидеть номер? Тщательно вычистив с обеих сторон медную бляху поясного ремня, заворачиваю ее, как драгоценность, в носовой платок.

Лежа на койке, думаю о распорядке службы и о том, что будет завтра. Сначала будет свисток — побудка, за ним сигнал на построение. Двести восемьдесят человек с диким обезьяньим криком помчатся занимать свое место в строю. Надо будет быстро снять платок с бляхи и успеть навести глянец на ботинках. Осмотр. Завтра наша очередь быть на осмотре в тропических рубашках. Надо посмотреть, нет ли на ней дырок. На поясной ремень и ботинки обращают особое внимание. Как обычно, еще до конца осмотра все мы пропотеем. Потом пробежка, во время которой наши сильно накрахмаленные рабочие костюмы потемнеют от пота до самых колен. Затем в барак, завтракать. В бараке невыносимая вонь, и все пропитано потом людей, бежавших раньше нас. Дальше площадка для физподготовки. Меня корчит при одной только мысли о ней... На этой площадке наши мокрые от пота тела обрастают смесью из песка и опилок. После физподготовки дается пять минут на одевание рубашки и шлема и на построение. Двести восемьдесят человек наклоняются вниз, опираются ладонями о землю, ноги расставлены в стороны. Вдоль линии стоящих таким образом людей идет человек со шлангом и смывает с них песок и опилки, сначала с одной стороны, вдоль ног, потом с другой, вдоль голов. Представляете себе, как после этого выглядят до блеска начищенные ботинки, накрахмаленные костюмы и отполированные бляхи?

Физически вся эта нагрузка не так уж страшна — дистанция пробега не велика, а физзарядка непродолжительна. Но эта площадка!.. Проклятое, никому не нужное напряжение. Опять здесь основной курс боевой подготовки. Нет, дело, пожалуй, не в этом. Здесь ты можешь отказаться. Тебе предоставляется право решать самому. А в известном смысле это даже хуже, потому что ты знаешь: это твой выбор. Интересно, сделал бы я такой выбор, если бы все это хорошо представлял себе? То, о чем говорил мне Тэд, звучало преувеличением. Мне, конечно, стоило больших хлопот и беспокойства попасть сюда: физическое

напряжение, разные испытания, всякая чепуха, связанная с получением доступа к секретным документам, соблюдение диеты, ежедневные пробежки по утрам, когда прохожие смотрят на тебя, как на свихнувшегося...

Почему мы идем на это? Если бы нам хотелось только попрыгать с самолета, мы могли бы записаться в какой-нибудь клуб парашютистов, и прыгай себе в удовольствие. Для молодых рядовых побудительным мотивом, возможно, является надбавка к денежному содержанию за прыжки, но я-то, чтобы попасть сюда, отказался от надбавки за специальную подготовку, пайковых денег и хорошей приватной работы во внеслужебное время. После трех недель мучений здесь я получу право нацепить себе на грудь серебряный значок парашютиста, но что это дает мне и кому он нужен? То, что ты не носишь такой значок, замечают только парашютисты, а все остальные даже не знают, что, собственно, символизирует этот значок. На информационных они, правда, говорят так: основная цель такого выводящего из равновесия физического напряжения — доказать, что ты больше всего на свете хочешь быть парашютистом-десантником. Если бы моя цель заключалась только в этом, я, наверное, уже отказался бы. По-видимому, мне всегда хотелось быть Джеком Макаллистером и действительно что-то делать.

Должно быть, так оно и есть. Я много раз думал об этом сам и слышал от других во время полевых учений («Эх, если бы все это было по-настоящему!»). Учения и тренировки в Германии — для чего они? Только для того, чтобы мы могли обучить других. Сержанты и офицеры пытаются сделать занятия серьезными и вызвать энтузиазм по отношению к тому, что — им это хорошо известно — является игрой в войну, а военнослужащие всех рангов втайне мечтают, чтобы действительно что-нибудь произошло. Где же, если не в действительно происходящих событиях, солдат сможет узнать, усвоил ли он преподанные ему уроки? Подготовка в войсках специального назначения не легка, но она преследует определенную цель. Эти войска реализуют то, чему они научились на практике. Интересно, стану ли я таким самостоятельным, как те солдаты, которых я встречал в Германии? Может быть, и нет, но, возможно, я все же получу достаточную подготовку, чтобы стать командиром отдельной разведывательно-диверсионной группы. Парадоксально: часть, в которой должны слу-

жить высокоразвитые и обладающие личной инициативой люди, пропускает тебя через парашютную школу, основная цель которой — превратить тебя в послушного робота. Однако довольно. Начиная с завтрашнего дня надо прекратить всякие размышления и выбросить все эти противоречия из головы.

XI

Металлические защелки парашютного снаряжения безжалостно давят на мои ключицы. Ужасно хочется наклониться вперед, чтобы перенести вес парашюта с плеч на спину. Вот уже три часа, как мы стоим в строю и ждем посадки на самолет. Справа от меня — Брулет. Вид у него такой, будто он сейчас заплачет. Слева стоит Венс. Лицо его, как и обычно, выражает абсолютную уверенность в себе и спокойствие. Он, кажется, даже не потеет, в то время как остальные насквозь пропитались потом. Цифра «13» на шлеме нисколько не смущает его. Наоборот, от этого делается даже веселее.

Инструктор подходит к нашей линейке и разделяет ее на две части, пропустив руку между мной и Брулетом. Те, что стояли слева от меня — с номера «1» по номер «11», — образуют второй ряд. Потом мы идем за инструктором к «летающему вагону» — транспортному самолету С-119. Когда нас останавливают около него, я, к своему удивлению, обнаруживаю, что самолет этот совсем не такой уж большой, каким я его представлял. Инструктор проверяет четырех парашютистов, сидевших до нашего прихода в тени под крыльями самолета. Один из них — школьный инструктор, остальные — молодые офицеры, уже носящие значки парашютистов. Проверив снаряжение, инструктор разрешает им подняться в самолет.

Затем инструктор взмахом руки подзывает меня, проверяет снаряжение и запасной парашют, поворачивает меня кругом и проверяет задние лямки. Я наклоняюсь вперед, он шлепает меня по мягкому месту и приказывает подниматься в самолет. Сердце бьется учащенно. Мы входим в самолет не через хвостовую дверь, как практиковались в школе, а через переднюю. Школьный инструктор подает мне руку, помогает подняться и указывает на заднее сиденье, рядом с одним из офицеров. По мере заполнения самолета в нем становится очень душно. Внутреннее помещение само по себе не велико и к тому же еще

загромождено кабелями, проводами, приборами и каким-то имуществом. Офицеры снисходительно улыбаются. Я стараюсь выглядеть спокойным.

Все поднялись на самолет. Передняя дверь закрыта. Инструктор просит внимания.

— До зоны выброски лететь приблизительно двадцать минут, — начинает он в воцарившейся тишине. — Первыми прыгают сержант Дэмон и три офицера; пока они не прыгнут, всем остальным следует сидеть. На втором заходе прыгнет по половине людей из каждого ряда; остальные продолжают сидеть. Если что-нибудь произойдет после того, как самолет оторвется, но еще не наберет высоты для прыжков, прозвучит звонок, по которому вы все ляжете на пол у бортов, головой к мотору. Когда мы будем на высоте, с которой можно прыгать, я скамандую вам «на крюк». Времени для проверки снаряжения в таком случае не будет. Второй звонок окажется продолжительным, по нему я подам команду «прыгать». Прыгают все до одного.

Моторы по очереди начинают лениво проворачиваться, включаются неохотно и раздражаются неудержимым кашлем. Командир экипажа бросает в заднюю дверь огнетушитель и влезает сам, запирая за собой дверь. В начале взлетной полосы моторы развивают такие обороты, что самолет, кажется, вот-вот разлетится на кусочки. Жара невыносимая. Моторы еще раз, теперь уже медленно, увеличивают обороты, и самолет, слегка пошатываясь, начинает разбег.

Однообразное гудение моторов нагоняет на меня сон, несмотря на возбуждение. Наконец-то это произойдет. Месяцы бюрократии и канцелярщины, бесконечные пробежки, сотни подтягиваний и подпрыгиваний на корточках и другие виды физической нагрузки до изнеможения — все это кончилось. Наступил решающий момент. Последнее физическое испытание, которого я так опасался, оказалось даже более легким, чем ежедневные упражнения. Таких тяжелых дней, каким явился для меня первый день прыжков с вышки, больше не было. Я больше ни разу не становился объектом особого внимания инструкторов. Да и был ли я избран ими в тот день? Может быть, мне это просто показалось из-за чувства обиды? Вполне возможно, что в дальнейшем нагрузка оставалась такой же, но я не замечал ее, потому что изменил свое отношение к ней.

Страшно мне сейчас? По-моему, нет. Все ли я запомнил? Мне, может быть, не поверят, но два дня назад, когда я шел в душ, какой-то шутник взял да и крикнул: «Прыгай!» Помню, полотенце полетело у меня в одну сторону, бритвенный прибор — в другую, а я, еще до того как осознал, что надо мной подшутили, уже согнулся в три погибели и кричал: «Две тысячи...» А что я сказал Тэду, когда он рассказывал мне об этом? «Мне тридцать лет... На меня это вряд ли подействует». Ха!

Инструктор открывает заднюю дверь. Воздух в самолете становится свежее, но зато гул моторов усиливается. Инструктор идет мимо нас и, сложив ладони рупором, кричит:

— Ну как, все будут прыгать? Отказывающихся нет?

— Будем, сержант, — отвечаем мы хором.

— Кто вы?

— Воздушные десантники!

— Кто?

— Воздушные десантники! — кричим мы еще громче, заглушая гул моторов.

Лицо инструктора расплывается в улыбке. На этот раз она какая-то отеческая, в отличие от обычных насмешливых улыбок школьных инструкторов на земле. Он переводит свой пронизательный взгляд с одного на другого, стараясь определить, насколько каждый из нас готов к прыжку. Я пытаюсь сделать то же самое, но вижу лица только тех, кто сидит у противоположного борта. Сорок первый, кажется, про себя молится богу. Тридцать седьмой очень бледен, дышит тяжело, взгляд его устремлен вниз, как будто он хочет увидеть землю сквозь пол самолета. Тридцать восьмой встречается со мной взглядом и быстро отводит глаза в сторону. Я внешне спокоен. Сидящий около меня Венс улыбается. За три недели, пока мы были соседями по койке, я не слышал, чтобы он когда-нибудь повышал голос или сердился. Всегда невозмутимый, терпеливый, встречающий решительно все с молчаливым юмором. Только однажды он заметил: «Такого тяжелого денька не было еще ни разу с тех пор, как я ввязался в это дело».

Командир самолета подходит к инструктору и что-то говорит ему. Инструктор поворачивается к нам и поднимает обе руки с растопыренными пальцами. До прыжков осталось десять минут. Затем предупредительный сигнал

за шесть минут. Инструктор выглядывает в открытую дверь. Встречный поток воздуха морщит кожу на его лице и, как мне кажется, пытается разжать губы. У каждого борта — по два человека. Они прыгнут первыми. Тросы вытяжных парашютов зацеплены, производится проверка снаряжения. Инструктор перебрасывается несколькими словами с одним из офицеров. Первые двое подходят к дверям. Инструктор отступает назад, зажигается зеленая сигнальная лампочка — и четыре человека исчезают в дверях.

Самолет делает круг для нового захода. Инструктор смотрит на нас и показывает ладонь своей руки:

— Приготовиться...

Слова команды тонут в шуме моторов. Инструктор ставит ногу в проход между сидящими и кладет руку на колено. Потом вытягивает ее, переворачивает и поднимает ладонью вверх.

— Встать...

Мы поднимаемся и прижимаем к борту откидные сиденья. С трудом удерживаем равновесие на накренившемся полу самолета. Вытянув руку на высоте плеча и согнув крючком мизинец, инструктор быстро поднимает и опускает ее.

— На крюк!..

Я поднимаю руку и цепляю крючок-карабин за направляющий трос. Чувствую, как кровь пульсирует во мне в унисон с ударами моторов. Большим и указательным пальцами делаю знак «о'кей».

— Проверить вытяжные тросы...

Убеждаюсь в правильности зацепления своего карабина за направляющий трос. Венс позади меня проверяет, правильно ли вытяжной трос прикреплен к парашюту у меня на спине. Инструктор хлопает себя по груди.

— Проверить снаряжение...

Венс проверяет рукой мои задние лямки. Я проверяю передние. Инструктор прикладывает руки к ушам, чтобы лучше слышать.

— Доложите о проверке снаряжения...

Стук каблуков, слова докладов. Венс кричит: «Два — о'кей!» — и шлепает меня по мягкому месту. Я щелкаю каблуками и кричу: «Все о'кей!» Страхующий сержант проверяет все еще раз. Самолет снова накренивается и сразу же выравнивается. Инструктор выглядывает в

дверь, отступает назад и смотрит мне в глаза. Потом отбрасывает руку к борту и показывает на дверь:

— Подходи к двери!

Иду к двери, подтягивая за собой тяжелый крючок-карабин до упора на направляющем тросе. Смотрю прямо перед собой, опираюсь ладонями о наружную обшивку самолета, ставлю носок правой ноги на порог двери, колени слегка согнуты. Воздушный поток толкает меня обратно.

Стою и жду команду «Пошел!». Смотрю вниз. Под нами — населенный пункт, по дороге ползут автомашины. Смешно: я думал, что триста метров намного выше. Вижу даже отдельных пешеходов. Теперь под нами хвойный лес. Что за черт! Никакой зоны высадки под нами я не вижу. Инструктор, должно быть, издевается надо мной: в правилах сказано, что он не должен держать прыгающего в дверях больше десяти секунд. Я нарушаю правила и вопросительно смотрю на него. Лицо его почти рядом с моим. Вокруг глаз — веселые морщинки.

— Ну как тебе нравится картинка, двенадцатый?

— Великолепный вид, сержант.

— Тогда, товсь! — кричит он и улыбается.

Я снова смотрю прямо перед собой. Воздушный поток теперь кажется мне другом. Делаю глубокий вдох. Ладони ощущают приятную прохладу алюминиевой обшивки самолета... Чувствую заклепку... Каждый нерв живет во мне. Хочется закричать так, чтобы услышал весь мир. Подо мной извивается река. А это что? Шоссе в Манчестер? Песок, зона выброски, фигурки людей...

— Пошел!

Раз! «Одна тысяча», — начинаю я отсчет, но не слышу самого себя. Вокруг меня словно десяток Ниагарских водопадов. Гигантская воздушная рука рывком разворачивает меня на сто восемьдесят градусов. «Две тысячи»... Меня медленно поворачивает набок. Почему земля подо мной перестала двигаться? «Три тысячи...» Легкий рывок. Внезапно шум Ниагарских водопадов пропадает. Я повис на пузыре. Очаровательная тишина. Как будто я один во всей вселенной. Да, ради этого стоило помучиться...

Руки автоматически тянутся к стропам, чтобы разбить пузырь и расправить парашют. Смотрю вверх и... Вот дьявол! Два стропа оказались на куполе. Они прижали его в центре и превратили в огромный надувной спаса-

тельный жилет. Дергаю за стропы. Они двигаются. Дергаю еще — начинают соскальзывать. Дергаю еще и еще... Слава всевышнему! Они соскользнули, и купол принял правильную форму. Смотрю вниз. Земля уже близко, и я вижу людей, которые готовятся принять меня. Среди них и сержант, школьный инструктор... Надо приземлиться по всем правилам. Опускаюсь сравнительно медленно. Ноги вместе, колени слегка согнуты, руки на стропях, глаза — на горизонте, расслабился... Земля... Повалился... вскочил... побежал... Песок мягкий, глубокий и горячий. Я почему-то чувствую себя очень высоким... Мир прекрасен.

— Номер двенадцатый, это у тебя парашют не раскрылся полностью?

Голос сержанта раздался около меня совершенно неожиданно: я не заметил, как он приблизился ко мне.

— Да, сержант, — ответил я, стараясь изо всех сил, чтобы в моем голосе не звучала неудержная гордость за совершенный прыжок.

— Когда парашют раскрывается не полностью, двенадцатый, с этим шутить нельзя. Именно для таких случаев тебе дается запасной парашют. Получи десять.

— Ясно, сержант.

Да, я действительно спустился с неба на землю...

Прихрамывая, поднимаюсь по трапу в самолет. Впереди меня идет Венс. Как мы и ожидали, каждого из нас загрузили еще больше: под запасным парашютом у меня теперь штурмовое облегченное снаряжение, а сбоку, словно шина на сломанной ноге, висит винтовка М-1. Сегодня это уже третий прыжок, а вообще пятый, и последний. Завтра день отдыха, а послезавтра церемония выпуска. Длинный и трудный путь подходит к концу.

Мы плюхаемся на сиденья и застегиваем ремни. В самолет входят также человек шесть посторонних, включая военного священника. Они будут прыгать, чтобы продлить свое право на получение надбавки к денежному содержанию за прыжки. По тем или иным причинам они не прыгали уже в течение трех месяцев. Эти люди располагаются на сиденьях около дверей.

Инструктор подает сигнал — осталось десять минут — и проходит вдоль самолета между рядами сидящих. Когда

он подходит к нам, Венс делает жест рукой, и инструктор наклоняется к нему.

— Я не буду прыгать, сержант, — заявляет спокойным тоном Венс.

Я смотрю на него и не верю своим ушам.

— Что? — раздался громовой голос пораженного инструктора.

Венс повторяет свое заявление все тем же спокойным тоном человека, сознающего свои права на такое заявление.

— Ты не можешь отказаться сейчас, тринадцатый. Это же пятый прыжок, после него ты — выпускник и парашютист. Подумай о пройденном пути. Ведь не хочешь же ты, чтобы все усилия пошли корове под хвост?

Инструктор говорит почти человеческим, умоляющим голосом.

— Вот именно этого-то я и не хочу, сержант, — соглашается с ним Венс.

Сбитый с толку инструктор выпрямляется и идет в конец самолета. Потом возвращается к Венсу со священником. Священник кладет руку на плечо Венса, несколько секунд молчит, потом снимает ее и произносит:

— Сын мой, я знаю, что ты чувствуешь. Со всеми нами случается такое. Но ты ведь уже прыгал четыре раза и знаешь, что это неопасно. Я буду прыгать вместе с тобой, если хочешь. Позорного в страхе перед прыжком ничего нет. Только преодолевая страх, мы становимся настоящими мужчинами и солдатами. Ну как, сын мой, согласен?

— Вы не поняли меня, отец мой, — отвечает Венс. — Я никому не говорил, что боюсь. Сказал, что просто не собираюсь прыгать. Я никогда не боялся прыгать. Мне кажется, любой из тех, кто прыгает с самолета и при этом чего-то боится, — ненормальный человек.

Инструктор и священник обескуражены.

— Если ты не боишься, — спрашивает священник, — почему же не хочешь прыгать? Почему ты отказываешься именно теперь?

— Я не отказываюсь, отец мой, — терпеливо объясняет Венс. — Я просто не собираюсь прыгать. Как вы не поймете: если я сейчас прыгну, значит, закончу школу. Так? — Инструктор и священник кивают в знак согласия. — А если не прыгну, меня никогда уже не назначат

в воздушнодесантные части. Прыгнув, автоматически стану воздушным десантником. А это, сэр, ничто, пустое место. Я не намерен прыгать для того, чтобы стать пустым местом, сэр.

На лице инструктора озадаченность. Лицо священника становится красным.

— Что все это значит, тринадцатый? — металлическим голосом спрашивает инструктор.

— Это значит, сержант, что из всех, кем бы я не хотел быть, парашютист-десантник стоит на первом месте. Мне не нужны ни ваш значок парашютиста, ни ваш парашютнодесантный образ мышления. В течение трех недель вы мучили нас, унижали наше достоинство, чтобы сделать из нас парашютистов-десантников. Если я допущу, чтобы это произошло со мной, то потеряю всякое уважение к себе.

На лице инструктора злоба, презрение, смущение и ненависть. Он стоит с открытым ртом, не в силах найти подходящие слова. Наконец он визгливо выкрикивает:

— Убирайся сейчас же в кабину пилотов!

Венс направляется к двери. Я провожаю его глазами. Наши взгляды встречаются. «Венс, передумай, еще есть время», — мысленно говорю я ему. Он понимает, но отрицательно качает головой. Я злюсь на него: он все испортил. Чувство завершения длинного и трудного пути исчезает. Я стараюсь выбросить из головы все сказанное им.

«Одна тысяча... Две тысячи...»

XII

Классная комната в желтом каркасном здании. Ряды серых стальных столов с двумя стульями позади каждого. Я выбираю правый проход и останавливаюсь у стола рядом с окном. Один из стульев свободен.

— Здесь не занято? — спрашиваю я у сержанта, сидящего на стуле у прохода.

Он жестом приглашает меня, затем привстает с протянутой рукой.

— Джон Мартинсен, — представляется он с заметным немецким акцентом.

Я подаю ему руку и называю свое имя и фамилию. Он выше меня сантиметров на пять. Хорошо сложен. Редкие светлые волосы подстрижены очень коротко. На

рабочем костюме нашиты «крылья парашютиста», звезда и гирлянда инструктора парашютного дела. Короткая стрижка — его личное желание, а не признак того, что он совсем недавно окончил парашютную школу. Огромный крючковатый нос говорит о славянском происхождении. Пять выгоревших нашивок на рукаве указывают на то, что в звании сержанта первого класса он ходит не первый день.

Нашивки из шести полосок имеет большая часть находящихся в классе; остальные — сержанты первого класса. Судя по возрасту, многие прослужили в армии по пятнадцать — семнадцать лет. Интересно, почему они согласились учиться здесь? Мне знакомы только двое: мастер-сержант Рид, сидящий за столом позади меня, и Брулет — в следующем ряду после прохода.

Интересно, все ли из сержантов первого класса прослужили несколько лет в пехотных оперативно-разведывательных частях, как Рид? Думаю, что я поступил правильно, позволив кадровику уговорить меня пойти не в медицинскую, а в оперативно-разведывательную группу. Если бы они имели основание считать, что все мы много лет служили в пехоте, то для меня в этом было бы мало хорошего.

Один за другим в класс входят десять сержантов во главе с капитаном. Все они одеты в рубашки цвета хаки с короткими рукавами. Офицер, слишком пожилой для капитана, называет свое имя — Ле-Боеф, коротко приветствует нас, слушателей оперативно-разведывательной группы, и представляет сержантов, подчеркивая их опыт и знания. Рядом с рослыми сержантами, одетыми в тщательно подогазанную форменную одежду, сутулый капитан с морщинистым лицом, да еще в плохо спитой форме, выглядит несколько комично. Большинство из десяти — мастер-сержанты; все выглядят уверенными в себе и своих знаниях.

Имена некоторых из них уже знакомы мне из разговора с Тэдом. Первый, в безупречно сидящей форме, — мастер-сержант Пеллс, один из тех, кто чувствует себя совершенно свободно, несмотря на стойку «смирно», — прямо-таки живой образец для плаката; его бицепсы штангиста едва умещаются в коротких рукавах рубашки. Второй — Лейси, ростом по меньшей мере сто девяносто сантиметров, невероятно тощий, но глаза на его худом,

смертельно бледном лице излучают нейстойчивое возбуждение и озорство; по словам Тэда, это веселый и толковый преподаватель. И наконец, третий — Лейтэм, с отеческой улыбкой, внешне выглядит чуть ли не как полковник; Тэд говорил, что это само совершенство, которое может до смерти замучить письменными домашними заданиями.

Потом мы рассказываемся, записываем расписание занятий, получаем под расписку различные руководства и наставления и выбираем старшину группы. Выборы проходят просто: мы сопоставляем сроки пребывания в звании мастер-сержанта. Выигрывает Уайт, полноватый боевой ветеран из 101-й дивизии воздушнодесантных войск, Рид назначается его заместителем.

Начинается обучение. Менее чем за пять дней Пеллс обучает нас искусству чтения карт, ориентировке на незнакомой местности и проводит экзамен по пройденному материалу. Его метод преподавания безупречен и очень эффективен, об этом свидетельствуют высокие оценки на экзаменах.

После недавно пережитого физического напряжения и нагрузок обучение в школе кажется чуть ли не отдыхом, а простота отношений между слушателями и преподавателями удивительна. В классах разрешается курить, а в первой и второй половине дня, в перерывах между уроками, дается горячий кофе.

Преподавателей мы воспринимаем как людей, которым доверены секреты и тайны и которые участвовали в выполнении особых заданий в различных частях мира. Они не говорят об этом прямо, но впечатление о том, что они знают много, создается оброненным невзначай словом, приподнятой бровью, многозначительным подмигиванием, мягкой улыбкой. Они неизменно подчеркивают, что вовсе не являются какими-нибудь шпионами или агентами, но делают это таким образом, что у слушателей возникает предположение, что довольно часто им приходится заниматься и такой деятельностью. О выполненных преподавателями специальных заданиях среди слушателей ходят всевозможные слухи и легенды. На прямые вопросы об этом они отвечают улыбками или внушением, что о таких вещах спрашивать нельзя. Фотографирование, за исключением случаев, когда это необходимо по службе, они избегают. Получим ли мы когда-нибудь зна-

ния и опыт этих уверенных в себе сержантов и подойдет ли для выполнения подобных заданий?

Впечатление, что обучение здесь — отдых, полностью рассеивается в начале третьей недели. Редкий вечер мы не сидим по восемь часов, выполняя письменные домашние работы. Все остальное время уходит на чтение настоятельно рекомендованной литературы. С одной стороны, хочется, чтобы все это поскорее закончилось, с другой — такие занятия мне нравятся, и я очень доволен.

Классные занятия проходят очень оживленно, при активном участии слушателей. После занятий мы обычно обмениваемся мнениями. Во время беседований класс разбивается на составленные по нашему желанию, но совсем не антагонистические группы. В моей группе — Мартинсен, Рид и Брулет. Этот состав объясняется, пожалуй, тем, что по званию мы в классе самые старшие, хотя Брулет не согласен с этим и считает, что нас объединяет соревнование. Кроме Уайта и Хэрисона, у всех остальных звание на одну ступень ниже, и теперь выяснилось, что большинство слушателей занимало сравнительно высокие должности в частях, из которых пришли. Лишь несколько человек не имеют специальной подготовки.

Как я и предполагал, Рид играл когда-то в футбол, хотя его бычья шея и лицо со шрамом могли ввести в заблуждение. Он очень хорошо учится. Брулет, как я и ожидал, способный парень. Он тратит немало времени на сглаживание различных углов, на политические разговоры и лесть преподавателям. Однако он делает это без каких-либо задних мыслей и не желает быть обособленным; его спасает почти профессиональный талант шутника и юмориста. Мартинсен — рассудок и ум класса, но большинство считает его надменным, возможно, из-за акцента и привычки смотреть поверх голов. Возможно, многих отталкивает его серьезность: он уже прочитал большую часть рекомендованной литературы. Мы живем с ним в одной комнате.

XIII

Мартинсен удивительный человек. В дополнение к обязательным занятиям он усиленно проходит заочный курс физической подготовки. Порой его увлеченность даже пугает. Тем не менее он хороший сосед по комнате.

Он даже уговорил меня участвовать с ним в ежедневных пробежках, чтобы не терять формы, и это, пожалуй, неплохо, потому что я чувствую, что начинаю лениться.

В течение этой недели все наше свободное время уходит на обсуждение и решение различных задач по тактике и разведке, а также на тренировку сообразительности в трудных ситуациях. В субботу утром мы занимаемся в библиотеке, вечером повторяем пройденное.

Воскресенье. Отдых в бассейне сержантского клуба. По взаимному соглашению о школьных делах в этот день мы не говорим.

Я поднимаюсь из воды и, оставляя на светлом пементе мокрые следы, направляюсь к плетеному креслу. Вытираю лицо полотенцем, нахожу в кармане сигареты и закуриваю. Утро — самое хорошее время, пока в бассейн не нагрянули семейные люди и те, кто веселились в субботу допоздна. Я вытягиваю ноги и расслабляюсь. Мартинсен еще раз проплывает бассейн туда и обратно. Он проделывает это с удивительной настойчивостью: плавание, по его мнению, совершенно необходимое физическое упражнение, а не удовольствие. Интересно, как он отдыхает? Но вот наконец он проплывает намеченную дистанцию, выходит из бассейна и усаживается рядом со мной.

Говорит Мартинсен медленно, сосредоточенно.

Он рассказывает мне, как разрушилась его семья, как он попал в лагерь для беженцев и оставался в нем до тех пор, пока не появились американцы. После этого он играл на черном рынке и наконец прибыл в Соединенные Штаты, где поступил на военную службу и стал американским гражданином.

— Я служил в 11-й дивизии воздушнодесантных войск и в пятьдесят пятом году попал вместе с ней в Германию. В школе сержантского состава седьмой армии, где я преподавал, я понял значение дисциплины. Потом я служил в разведывательных частях и именно тогда впервые услышал о войсках специального назначения.

После короткой паузы Мартинсен продолжал:

— Когда я узнал, что они занимаются заброской диверсионных групп для организации партизанской борьбы в странах с чуждыми для США режимами, я решил, что мое место в этих войсках. Но сразу попасть в эти войска было невозможно, поэтому все, что я делал до настоящего времени, — только подготовка к службе в таких

войсках. Я был уверен, что эти войска вступят в Венгрию в пятьдесят шестом году, но, по-видимому, их остановили политики. Нам говорили на занятиях, что американцы психологически еще не подготовлены к партизанской борьбе. Им нужно привыкнуть к ней, и только после этого они будут в состоянии вести ее. Настанет день, когда они привыкнут, и я должен быть готов к этому дню. Я уже говорю по-немецки и скоро научусь говорить по-русски. Я выучу язык, познакомлюсь с методами партизанской войны и только после этого вернусь в Европу.

О действительных чувствах и переживаниях Мартинсена судить трудно, потому что обычно он сдерживает свои эмоции. Только когда он говорит о коммунизме, переживания отражаются на его лице. В такие моменты можно подумать, что он читает хорошо заученную молитву. Его поздри раздуваются, глаза устремлены куда-то за бассейн, суставы пальцев на стиснутых кулаках белеют.

— А как насчет Азии и Южной Америки, Джон? — спрашиваю я его. — С точки зрения партизанской войны эти районы как раз то, что нужно. По-моему, там можно научиться многому и не надо ездить ни в какую Европу.

Мартинсен презрительно фыркает и бурчит себе под нос:

— Я не могу позволить себе напрасно расходовать время и знания в таких местах, как Вьетнам. Я не хочу смещения крови: там нет голубоглазых блондинок.

XIV

— В течение нескольких дней вы изучали принципы и методы психологического допроса и теперь знаете, что по прошествии какого-то времени допрашиваемый сообщит вам данные, которые вы хотите от него получить. Такой способ мы рекомендуем для получения информации от подозреваемого субъекта или от военнопленного. Единственный путь получить верную информацию — склонить допрашиваемого на добровольные показания, — учал сержант Лейси, опираясь своим худощавым телом на угол стола. — Сегодня темой нашего разговора будут меры противодействия допросу, то есть как вы должны поступать, если окажетесь в незавидном положении допрашиваемого. Сержант Мастерсон раздаст вам копии наставления по допросам.

Небрежный, почти веселый язык, которым сержант Лейси пользуется для описания подробностей допроса с применением ледяной и горячей воды и других средств, вызывает у слушателей дрожь.

— Как указывается в наставлении, эти испытанные и оправдавшие себя методы способны вызвать у допрашиваемого разговорный понос. Лишь немногие могут устоять против таких методов сколько-нибудь длительное время. Даже те, которые, по существу, ничего не знают, начинают что-нибудь придумывать и говорить. Поэтому методы психологического допроса более надежны... Если вы руководите действиями партизан на территории иностранного государства, вам не следует попадать в плен, потому что при вашем особом положении вы будете знать слишком много и на допросе станете объектом особого внимания. Вас будут допрашивать специалисты своего дела. Я, например, не собираюсь сдаваться в плен, потому что не питаю никаких иллюзий относительно того, долго ли выдержу, если меня начнут подвергать пыткам. Тем из вас, кто является католиком и кто будет колебаться в случаях, когда потребуется проглотить яд, я рекомендую улучшить момент и покончить с собой выстрелом из пистолета. Если допрашивающий подозревает, что допрашиваемый располагает информацией, такие обычные при допросах вопросы, как «имя, ранг, личный номер, год рождения», как и ответы на них, ничего не значат. Если исход операции зависит от наличия определенной информации, правами отдельного человека приходится пренебрегать.

Описывая один за другим содержащиеся в наставлении методы, Лейси постепенно переходит на более высокий тон. Глаза его оживляются, он явно доволен тем эффектом, который его слова производят на слушателей. После красочного рассказа о методах допроса в голове каждого слушателя возникают два вопроса: как долго смог бы я вынести пытки и смогу ли я применить такие методы по отношению к другому человеку? А у меня спрашивается и третий вопрос: научусь ли я так ненавидеть людей, чтобы быть в состоянии делать то и другое?

— Теперь вам должно быть ясно, — продолжает Лейси, — что выдержать и промолчать, если тебя допрашивает опытный человек, — невозможно. Для нас знание этой непреложной истины опасно, потому что оно ведет

к такому рассуждению: «Если я в конечном итоге все же буду вынужден говорить, то почему бы мне не сделать это еще до того, как я испытаю боль и стану инвалидом, или до того, как моя голова и мозги превратятся в кочан капусты?» Однако помните, если допрашивающий услышит от вас хоть одно слово, убедить его в том, что вы больше ничего не знаете, очень трудно; а если вы все-таки убедите его в этом, то, за исключением разве использования вас в пропагандистских целях, вы больше не представляете для него никакого интереса. Вы ему не нужны.

Если вас захватят, настоятельно рекомендуется не разглашать никаких данных по крайней мере в течение двадцати четырех часов. За это время на базе, с которой вас забросили, станет ясно, что вы попали в плен, и командование предпримет соответствующие меры по перемещению базы. На то, что вас спасут, не рассчитывайте: ваше освобождение будет стоить слишком больших потерь.

Мы уже говорили, что попытки ввести допрашивающего в заблуждение с помощью ложных сведений бесполезны, поскольку через некоторое время он узнает правду и вам после этого надеяться будет не на что. Кроме того, не исключена возможность, что, придумывая ложные данные, вы случайно выдадите противнику правдивые сведения. Один способ выйти из положения состоит в том, что вы предусматриваете захват в плен и еще до выхода на задание тщательно разрабатываете легенду, на проверку которой противнику потребовалось бы не менее двадцати четырех часов. Однако в этом случае ваш рассказ не должен быть коротким: чем дольше вы рассказываете, тем более правдивым будет представляться противнику ваше повествование. Тот факт, что вы не возвратились с задания, не вступили в радиосвязь или не дали какого-либо другого условного сигнала, встревожит базу, и командованию станет ясно, что дела у вас обстоят неблагоприятно, но у него еще будет время для маскировки или для перемещения базы. А когда ложь все-таки будет разоблачена и вас заставят сказать правду, она уже не представит для противника большой ценности.

В другом случае база может переместиться сразу же после вашего выхода на задание, так что места ее расположения вы знать не будете. Вот почему, если партизан-

ская сеть не организована по агентурной схеме, захват одного человека может поставить под удар всю сеть. К тому же... Да, сержант Хэррисон, вы хотите задать вопрос?

— Сержант Лейси, тема наших занятий сегодня «Меры противодействия допросу противника», но вы посвятили большую часть времени тому, чтобы убедить нас, что таких мер не существует. А если это так, то, по-моему, единственная необходимость изучения методов допроса сводится к тому, чтобы научить нас применять их. Нужно ли понимать вас так, что вы рекомендуете применять эти методы?

Весь класс разражается смехом. Уставившись в пол, Лейси молчит. Когда он снова поднимает голову, лицо его серьезно, но глубоко сидящие глаза бегают из стороны в сторону.

— Мы не рекомендуем вам этого, сержант Хэррисон, — замечает Лейси сердитым тоном. — Кроме того, мы всегда будем отрицать, что обучаем здесь таким вещам или что намечались обучить.

Если вы находитесь на территории иностранного государства в составе партизанской организации, — продолжает Лейси, — ваша задача — обучить различным методам допроса туземцев. В этой стране вы человек чужой, и было бы очень плохо, если бы допрос пришлось вести вам, особенно если потребовалось бы прибегнуть к этим грязным методам. Силы, противостоящие партизанам, вероятно, будут также из местных, людей того же цвета кожи, исповедующих ту же религию. Если вы проявите желание причинять боль местным, пусть даже тем, кто на стороне противника, партизаны могут воспринять это неправильно. Местный руководитель партизан должен быть убежден, что тот или иной образ действий — это идея, исходящая от него самого; вы лишь направляете эти действия при помощи советов и предложений. Если местные узнают, что они действуют по указке посторонних сил, ваша «прогулка» окажется очень короткой.

Вы знаете, что информация, полученная в результате применения силы или пыток, — это малонадежная информация. Однако имейте в виду, что психологические методы допроса отнимают много времени и требуют от проводящего допрос особого искусства и соответствующих условий. Научить искусству допроса каждого партизана просто

невозможно; кроме того, во многих странах вам придется потратить немало времени, чтобы доказать местным, что психологические методы — это не напрасная трата времени.

В идеальных случаях допрос пленного следует поручать опытному человеку, но практически это не всегда выполнимо. Допустим, например, что, выполняя боевую задачу, какая-то партизанская часть приближается к намеченному объекту. Допустим также, что эта часть захватила пленного, который, как полагают, может сообщить данные об охране объекта, расположении различных ловушек, минах и других хитростях обороны. Жизнь многих партизан и, что еще важнее, успех всей операции может зависеть от получения этих данных. В таком случае, пусть даже вы имеете опытного допросчика, если пленный не хочет сообщить данные добровольно, вряд ли нужно помнить о существовании Женевской конвенции по обращению с пленными.

Учитывайте также, что пленные могут оказаться большой обузой. Правда, что они могут быть источником информации, но правда и то, что полезной информацией располагают очень немногие из них. Прежде чем брать кого-нибудь в плен, взвесьте ценность этого пленного в качестве источника информации и сравните эту ценность с трудностями содержания данного человека в плену.

Подвижность — самое важное качество в смысле неуязвимости партизанских частей. Партизаны должны быть способны очень быстро переместиться в более безопасный район по первому требованию. Местность для партизан — это не что иное, как территория для маневрирования. Только на последних, завершающих этапах повстанческого движения, когда партизаны готовы соединиться с регулярными войсками, удержание или оборона того или иного участка местности могут быть оправданы.

Пленные отрицательно влияют на подвижность. Совершенно очевидно, что там, где необходимо быстрое передвижение, лагеря для военнопленных создавать нецелесообразно. Необходимость обеспечить питание военнопленных создает ненужное напряжение системы снабжения. Партизаны не могут позволить себе роскошь создания сложной сети лишних снабжения, на защиту которых потребовалось бы большое количество людей; не могут партизаны выделять и сколько-нибудь значительное число

людей для охраны военнопленных. Эти положения особенно справедливы для первых стадий повстанческого движения.

Следовательно, перед вами возникает вопрос, как избавиться от пленных. Тех из них, которые не успели много узнать о партизанах и их организации, можно просто-напросто отпустить. Они вернутся в свои части в качестве наших пропагандистов и расскажут противнику о хорошем обращении с ними. Иногда, при определенных условиях, надо брать пленных исключительно для этих целей — это вполне оправданная тактика, однако следует помнить, что, вероятнее всего, они снова будут воевать против партизан. Разумеется, если военнопленный слишком много узнал об организации партизанских сил, его нельзя отпускать, ибо это чревато провалом. Не исключено, что некоторых военнопленных можно сагитировать перейти на сторону партизан. В отношении пленных, которые отказываются от сотрудничества, необходимо применять более надежные меры, но такие меры должен применить руководитель из туземцев.

Убивать военнопленных иногда необходимо во имя собственного спасения, но при этом возникает новая проблема: если противнику станет известно о казни военнопленных, то вначале это может породить страх в его рядах, но в конечном итоге приведет к повышению стойкости воинов, так как они будут опасаться быть захваченными в плен. Это сократит дезертирство в рядах противника, а партизаны потеряют симпатии к делу, за которое борются. Таким образом, иногда пленных нужно брать, а иногда от них нужно избавляться, и эти противоречия закономерны...

Как вы знаете, все, что мы делаем, — большой секрет. Вы предупреждены о том, что не имеете права разглашать что-либо из того, что узнали здесь. И хочу еще раз подчеркнуть: никто здесь не учил вас и не требовал от вас убивать пленных. Если вы излишне сентиментальны или слабы желудком, то вы совершенно непригодны для нашей работы. В таком случае советую вам немедленно просить о переводе, чтобы потом уже не жаловаться и не подвести других — тех, кто знает, как поступать. Эти мои слова — тоже секрет, тоже военная тайна. Если потребуется, я от них отопрусь. Спасибо за внимание, джентльмены. Занятия окончены, вы свободны.

— Останови их! Не разрешай им отступить!

Слова команды белокурого широкоплечего лейтенанта теряются в разрывах мин. Двенадцать вьетнамцев и три американца еще крепче прижимаются к стенкам рва; над головою пролетают комья грунта, а невидимые пулеметные очереди пытаются срезать бугорки земли.

— Прикажи им залечь! — снова кричит лейтенант смуглому командиру вьетнамцев. — Их всех перебьют, если они попытаются перебежать через эти запруды. Скоро прилетят наши самолеты. Останови их!

Его слова заглушаются громкими хлопками винтовочных выстрелов оттуда, где залегли два американских сержанта. Эти выстрелы тотчас же привлекают внимание противника, и на них сыплются ответные пулеметные очереди. Сержанты прячутся за укрытие. Один из них кричит другому:

— Попробуй добраться к этой автоматической винтовке Браунинга! Узнай, почему тот вьетнамец не стреляет?

Второй сержант, не поднимаясь на ноги, скатывается с бугра и на какой-то миг застывает в неуклюжей позе, потому что на него обрушивается новый каскад земляных комьев от разрыва вблизи еще одной мины. Рукав вьетнамца, лежащего у автоматической винтовки, пропитался кровью, одна нога неестественно откинута в сторону, он тихо стонет. Американский сержант берет его автомат и открывает ожесточенный огонь в сторону отдаленной цепочки деревьев.

Все остальные, спасаясь от пуль противника, прижимаются к земле, стараясь понадежнее укрыться за высохшими запрудами рисовых полей. Один из вьетнамцев поворачивается и пытается отбежать назад, но, не успев сделать и трех шагов, падает, подрезанный пулей. Две мины разрываются почти одновременно, и еще пять человек поднимаются и пытаются отступить назад. Одному из них удается добежать до следующего рва, а остальные, неуклюже взмахнув руками и дико крича от боли, падают в грязь. Из трех передовых колонн, которые шли до того, как на них обрушилась стена огня из лежащей впереди полосы леса, осталось шесть человек. Взрывающиеся мины вынуждают и других попытаться отступить, но это

невозможно, потому что их преследует ружейный и пулеметный огонь противника. Лишь единицы еще отстреливаются, да и то не прицеливаясь.

Неожиданно лейтенант хлопает по плечу лежащего рядом с ним вьетнамца.

— Вот они! Вот они! — радостно восклицает он, показывая на шесть вооруженных вертолетов, появившихся из-за края лесной полосы, из которой ведет огонь противник. Грохот минометной и ружейной стрельбы позволил им подойти незамеченными. Противник теперь тоже обнаружил их, и огонь по рисовому полю и по запрудам ослабевает.

Над деревьями и спрятанными за ними домиками появляются полосы белого дыма, выпускаемого первым вертолетом. Затем то в одном, то в другом месте из-за деревьев вверх взмывают столбы оранжевого пламени, и до людей, спрятавшихся за рвами рисовых полей, долетают раскаты взрыва ракет. Вертолеты по очереди пускают свои ракеты по целям. Когда очередь доходит до пятого вертолета, первый уже развернулся и начал второй заход.

Над высохшим рисовым полем снова засвистели пули, но теперь они летят в сторону леса, над которым поднимается огромное черно-белое облако дыма.

— Вперед! Вперед! — раздаются команды на английском и вьетнамском языках.

Остервенело стреляя, к лесу полушагом, полубегом движется неровная линия воинственно кричащих солдат. Израсходовав ракеты и другие боеприпасы, вертолеты разворачиваются в сторону базы.

Стреляя на ходу, спотыкаясь, перезаряжая автоматы, солдаты врываются в лес. Свистящие кругом пули начисто срезают ветки и роем пролетают над дымящимися руинами домов. Столбики пыли на земле обозначают полет рикошетирующих пуль. Стрельба постепенно стихает, и вместо нее слышатся гортанные крики солдат. Командир вьетнамцев, его помощник и два взводных командира собираются в изрытом воронками центре сожженной деревушки. Три американца направляются к ним.

Соломенные крыши сгорели почти на всех домах. Дома с тростниковыми и деревянными стенками сгорели чуть ли не до основания; в домах-мазанках выгорело все, на их месте торчали только причудливые стенки из обгоревшей глины. Вся деревня превратилась в огненный ад.

Подкошенные взрывами деревья склонились, опутив ветки до самой земли, хлопья пепла оседали на телах живых победителей и мертвых жертв. Всюду валялись трупы, разорванные и искромсанные взрывами ракет. У колодца чья-то коричневая нога с грязной подошвой. Двое убитых детишек застыли, обхватив друг друга в вечном объятии, тучи мух выются над их телами. Крохотный малыш тщетно теревит грудь убитой матери...

Двое солдат тащат из дымящихся руин очень худую девочку лет восьми-девяти. Сопrotивляясь, она неистово болтает ногами, поэтому солдаты подхватывают ее под руки и приподнимают, чтобы ноги не доставали земли. В ее детском голосе слышатся страх и гнев. Тонкими, как спички, руками она пытается освободиться из рук солдат. На ее измазанном сажей лице извилистые полосы от слез, маленькая головка дергается из стороны в сторону, а темные глаза становятся все шире и шире, по мере того как она осознает весь ужас происшедшего в деревне. Неожиданно она перестает кричать и брыкаться, резким движением вырывается из рук солдат и бросается к своему крохотному брату, копошащемуся у тела убитой матери. Девочка отрывает кричащего ребенка от измазанной грязью и кровью матери и прижимает к своей костлявой груди. Не обращая внимания на солдат, она отходит на несколько шагов в сторону, садится и укачивает своего маленького брата, напевая ему монотонную песенку.

Солдаты рыскают по уцелевшим домам, собирают дeшевые трофеи, шумят, гогочут, как возбужденные дети. Женщин, детей и стариков выволакивают из домов и сгоняют в кучу в центре деревушки. Очистив уцелевшие жилища от всего сколько-нибудь ценного, солдаты поджигают их. То в одном, то в другом месте раздаются взрывы: чтобы скорее уничтожить жилища, некоторые солдаты бросают в дома гранаты. Вот солдат тащит из дома старика в пижаме. К солдату бросается старуха. С ее бескровных губ срывается поток умоляющих слов. Ее отталкивают в сторону, она падает, но снова поднимается на ноги и устремляется к солдату. Выстрел из карабина — старуха внезапно останавливается и неестественно медленно садится в пыль, с изумлением глядя на расплзающееся кровавое пятно на своей грязной белой кофточке. Другая женщина, как безумная, пытается воз-

вернуться в свой горящий дом. Солдат ударяет ее прикладом карабина, слышится слабый сухой треск. Обнаружив, что треснуло ложе его винтовки, солдат злобно пинает женщину ногой.

Наконец все другие шумы стихли, слышны только треск бушующего пламени да болтовня солдат, стоящих с винтовками наготове позади согнанных в круг жителей деревни.

Лейтенант обтирает свое раскрасневшееся лицо маскировочным халатом и, повернувшись к сержанту, спрашивает:

— Сколько у нас убитых и раненых, сержант?

— Переводчик говорит, что семь убито и шестнадцать ранено. Один из раненых, по-видимому, не выживет, а состояние остальных удовлетворительное.

— Не так плохо, как я думал. Мы обнаружили по меньшей мере тридцать семь трупов вьетконговских солдат. А вы оба невредимы?.. Хорошо.

Сверкая белизной зубов на потемневшем лице, лейтенант похлопывает сержантов по плечу.

В толпе согнанных в кучу людей какое-то оживление, когда они увидели, как четверо солдат за ноги волокут к ним молодого парня в черных трусах. Руки парня связаны за спиной телефонным шнуром, глубоко врезавшимся в тело. Одно плечо исцарапано до крови — парня тащили волоком по кустам и колючкам. Нога ниже колена раздроблена пулей.

Командир роты наклоняется к пленному. Угрожая пистолетом-автоматом, выкрикивает какие-то вопросы. Парень молчит. Командир выпрямляется, приказывает что-то солдатам и отходит в сторону. Два солдата держат голову пленного, а два других по очереди льют ему в нос и рот воду из колодца. Один из американских сержантов, тот, который постарше, рванулся было вперед, но его остановил другой.

— Черт бы их взял, он же так задохнется! — восклицает первый.

— Не вмешивайся. Это ведь их спектакль, — говорит ему второй.

— Но ведь он же пленный...

Лейтенант резко оборачивается и бросает безумный взгляд на первого сержанта:

— Заткнись, сержант!

Один из солдат, возмущенный стойкостью пленного, пинает его раздробленную ногу раз, потом еще. Из раны показываются острые обломки костей. Но пленный, лицо которого исказилось от мучительной боли, по-прежнему молчит. Ему разжимают рот, снова и снова льют в него воду.

Опрятно одетый вьетнамский помощник командира роты с шевелящимися от возбуждения аккуратными усиками кричит что-то солдатам, и они отходят от пленного. Жители деревушки в испуге плотнее прижимаются друг к другу. Маленький офицер выхватывает из-за пояса нож, опускается на колени возле парня и хватает его за волосы. Он силой поворачивает голову парня так, чтобы тот видел занесенный над ним нож, затем острием ножа проводит по костлявой груди вьетнамца кровавую линию от подбородка до пупка... Доведа нож до живота, офицер надавливает на него и выкрикивает какой-то вопрос. С губ парня сбегает ручеек крови — от чудовищной боли он закусил себе язык и искусал все губы. Офицер повторяет свой вопрос. Парень молчит. Офицер с усиками, трясась от злобы, снова кричит что-то, а потом медленно перемещает вес своего тела на руку с ножом... Лезвие скрывается в теле жертвы, как в куске масла...

В горячее дымное небо взвивается жуткий вопль умирающего. Проткнув жертву насквозь, офицер выдергивает нож и с искаженным от злобы лицом отходит в сторону. Парень лежит неподвижно, и только конвульсивные движения его груди показывают, что он еще жив.

Американский сержант, тот, что постарше, отворачивается и произносит:

— Боже мой, что же это он делает?..

К лежащему парню подскакивает командир взвода — высокий сержант Мон. Он раздвигает ноги парня, выхватывает из-за пояса огромный нож, вонзает его в окровавленный живот и резким движением к себе распарывает его на две части. Раздается дикий вопль. В конвульсивном рывке на какой-то момент парень принимает сидячее положение и смотрит мутным взглядом на своего истязателя. Лицо Мона искажается злобной гримасой, и он с размаху бьет парня окровавленным кулаком по лицу. Парень падает на спину, а Мон продолжает орудовать ножом, как мясник. Последние предсмертные конвульсии — и парень мертв. Мон засовывает руку в рану и вырывает

оттуда мочевой пузырь. С победоносным оскалом он поднимает свой трофей над головой, чтобы все видели...

Застывший от ужаса американский сержант снова забормотал заплетающимся языком:

— Об этом следует доложить командованию... Это ужасно... Этим людям надо посадить в тюрьму.

— Черт с ними, Дик, успокойся, пока тебя не услышали, — советует ему второй сержант. — Просто ты впервые участвуешь в операции, а когда видишь такое в первый раз, бывает трудно, но ничего, ты привыкнешь к этому... Успокойся.

— Успокоиться? Привыкнуть к этому?! — почти кричит Дик. — Что же мы, звери, что ли?

— Сержант, — строго вмешивается лейтенант, — я же приказал тебе заткнуться. Давай-ка улыбнись: они уже обратили на тебя внимание.

— Ты хочешь сказать, что не доложишь об этих зверствах? — изумленно спрашивает Дик лейтенанта.

— Боже праведный, Дик, что это с тобой происходит? Ведь не мы, а они делают это. Тебе надо привыкнуть к этому.

— К чему привыкнуть? Какой толк убивать пленного? Информацию ведь таким путем не получишь. Это бессмысленно! Я не думаю, что они хотели получить информацию от...

— Сержант! — раздраженно прерывает его лейтенант. — Есть такая старая поговорка: «Если тебе жарко — уходи из кухни». Я просто не понимаю, чего ты хочешь. Если такие занятия тебе не по нутру, подавай рапорт с просьбой перевести на канцелярскую работу. Пойми: человек, которого они убили, — вьетконговец, коммунист, а мы здесь для того, чтобы убивать коммунистов. Тридцать минут назад эти люди сами были на краю пропасти и думали, что их перестреляют. Если бы вертолеты прибыли на пять минут позже, большая часть из них поддалась бы панике и была убита, а мы остались бы одни. В таком страхе нет ничего хорошего. А посмотри на них теперь: от страха и следа не осталось, они уже храбрые. Убитый парень — доказательство их силы и превосходства, а командир взвода нацепит этот мочевой пузырь на шею, как амулет, который будет постоянно напоминать ему и другим о том, что они храбрые солдаты.

— Правильно, лейтенант, но о чем, по-твоему, ду-

мают вот эти люди? Эти женщины и дети? — спрашивает сержант, показывая в сторону столпившихся жителей деревни. — Что они думают? Взгляни: ведь они ненавидят нас.

— Не беда, если оказались убитыми несколько женщин и детей или если пленный умер во время допроса. Это хороший урок для них. Вьетконговцы они или помогают им, какая разница? Их все равно не перевоспитаешь, лучше уж убить — это единственный выход. И нечего переживать из-за каких-то убитых детей, они все равно выросли бы коммунистами. Конечно, расстрелять этого парня было бы правильней, но мы не должны вмешиваться в их действия. Нас только трое, а их целая сотня. Они уже возмущаются нашим присутствием; мы подвергаем их опасности, но нас терпят потому, что мы помогаем им ударами с воздуха, когда они попадают в беду, и потому еще, что мы платим им. Доклад командованию лишь оттолкнет от нас этого командира взвода, а он у нас один из лучших солдат, один из тех, за кем пойдут и другие. Нельзя позволить себе потерять такого человека. Это война, и коммунистов надо остановить любой ценой, любыми средствами и методами. А кроме того, — продолжает лейтенант, дружески обхватывая сержанта за плечи, — официальное донесение, которое ты подашь, принесет много хлопот командованию войск специального назначения и командованию по оказанию военной помощи Южному Вьетнаму. Они знают, что здесь происходит. Может быть, им это и не нравится, однако им тоже приходится мириться с этим... Это старая история... Э-э, сержант, брось свою сентиментальность. Мы добились большой победы, и надо только радоваться: на одного нашего убитого приходится пять убитых противников.

Описанное зверское убийство — вовсе не выдумка. Я не воспроизвел полностью деталей, не назвал участников событий и место действия, потому что это не послужило бы никаким целям и ничего не добавило бы к обвинению участников этого убийства и уж, конечно, не смутило бы их ни в какой мере. Любое из десятка таких же событий могло бы проиллюстрировать подобные методы с одинаковым успехом: никто не называет этих людей плохими — сегодня вечером, они, возможно, сидят в вашей гостиной.

XVI

— Ну как, Брулет, ты готов к экзамену после обеда? — спрашивает Рид, осторожно пробуя дымящийся кофе.

— Не настолько, пожалуй, насколько хотелось бы. Мне просто не хватило времени все выучить. Передай мне сахар, пожалуйста, Данк.

— Если бы ты меньше болтался в клубе и не бегал бы то и дело в штаб с просьбами о переводе к месту службы своей семьи, то времени у тебя хватило бы, — поучает его Рид.

— Ты говоришь, что я болтался, а я считаю, что был занят хорошим делом, — отвечает Брулет, пожимая плечами. — Я хочу, чтобы к тому времени, как учеба здесь закончится, меня уже ожидало хорошее местечко. Вам это, может быть, и не понравится, а я уже назначен в пятую группу и получил разрешение на перевод семьи. Так что можете смеяться и называть это как угодно, меня ваши слова нисколько не трогают. Вы еще позавидуете мне, — добавляет он улыбаясь.

— Разумеется, — недовольным тоном замечает Рид, — а тем ребятам, которые действительно поработали над собой и у которых есть некоторые задатки, придется увольняться, потому что у них язык подвешен хуже, чем у тебя. Если бы ты действительно много занимался, на клуб времени у тебя не оставалось бы. А ты, Данк, готов к экзаменам? — обращается Рид ко мне.

— Нет, я не считаю, что готов полностью, и это, пожалуй, хороший признак. Слава богу, у нас еще есть четыре часа на подготовку. Я уже почти забыл весь тот материал, который мы прошли. А как ты, Рид?

— Сдать-то, конечно, я сдам, но не думаю, что удивлю кого-нибудь своими знаниями, — улыбаясь, отвечает Рид. — Единственный, кому нечего беспокоиться, — это, по-моему, Мартинсену. Впрочем, нам четверым нечего особенно опасаться: мы уже набрали по семьсот очков. Правда, Мартинсен?

— А я и не опасаясь, иду на экзамен просто для того, чтобы установить, многому ли я научился. Очки не имеют никакого значения; семьдесят процентов за такую работу — это слишком мало. Если бы не такие дисциплины, как дактилоскопические отпечатки и фотография, такие

люди, как Уайт и Хэррисон, здесь не были бы. Их не должно быть здесь, они круглые дураки. Люди, которые получают только семьдесят процентов за чтение карты, не должны быть сержантами. Курс здесь сам по себе хороший, а вот система оценки успеваемости никуда не годится. Единственное, о чем позволяет судить такая система, это о том, что в трех из десяти случаев использования карт они совершают ошибку. Ведь настанет время, когда этих людей поставят во главе оперативного отряда «А»¹, и кто-то из-за их ошибки может погибнуть.

Я осматриваюсь: не услышал ли кто-нибудь Мартинсена. Ведь такие речи вряд ли придутся по вкусу его одноклассникам.

— Я думаю, все согласятся, что мы прошли хороший курс, — замечает Брулет. — Фактически это лучший курс из тех, которые мне приходилось изучать...

— Да, эта подготовка солиднее той, которую дают в школе сержантского состава, — соглашается Рид. — Здешних преподавателей я могу сравнить только с преподавателями в вертолетной школе.

— В вертолетной? — удивляюсь я. — Ты никогда не говорил об этом. А как же получилось, что ты не закончил ее?

— Упрямство, наверное, виновато. Я уже научился управлять вертолетом и даже получил права на вождение коммерческой машины, но никак не мог согласиться с их порядками. Я прошел весь курс предполетной подготовки и, прежде чем они окончательно списали меня, мог управлять вертолетом не хуже некоторых инструкторов, не говоря уже о тех, кто оканчивает школу. Но что-то мешало мне делать повороты и выход на посадку так, как это делают они. Мне нравилось делать это по-своему... Вот они и списали меня на том основании, что я якобы имел тенденцию совершить самоубийство при посадке.

— Если судить по твоим рассказам о том, что ты делал на войне, и по другим шальным поступкам, они, возможно, и правы, — заметил Брулет.

¹ Оперативный отряд «А» состоит из двух офицеров и десяти военнослужащих рядового и сержантского состава; все они подготовлены по одной или двум специальностям: связистов, санитаров, разведчиков, подрывников, специалистов по тяжелому и легкому оружию, фортификационным работам и др. — *Прим. автора.*

— А думаешь, хорошо быть всегда таким сверхосторожным, как ты? — засмеялся Рид. — Когда мы получим в свое распоряжение оперативные отряды «А», твоя осторожность и стремление обходить острые углы не помогут, если попадешь в какую-нибудь переделку. Когда я получу себе отряд, Брулет, он будет самым подготовленным и бесстрашным отрядом в войсках специального назначения. Уж в моей группе никто не побоится пойти на риск.

— Ну, завелся, — улыбаясь, заметил я. — Сейчас начнутся длинные рассказы о войне. Пожалуй, мне лучше использовать оставшееся время на подготовку к экзамену. — Захватив свою пустую кружку, я встал.

— Я пойду с тобой, — присоединился ко мне Мартинсен.

Брулет и Рид вяло помахали нам вслед.

Тишина в классе нарушается только гудением вентиляторов, тщетно пытающихся уменьшить невыносимую жару. Я беру свою толстую тетрадь и отсаживаюсь от Мартинсена за другой стол, чтобы не мешать ему.

Начинаю перелистывать тетрадь. Для военной школы США источники, к которым отсылают слушателей, звучат довольно странно. Кто-то сказал нам на занятиях, что основным принципам партизанской войны надо учиться у победителей.

Войска специального назначения США созданы в 1952 году (узнав это, я удивился: никогда не слышал о них до тех пор, пока не оказался в Германии в 1956 году) с целью организации подготовки, руководства и материального обеспечения местного населения иностранных государств для участия в партизанской войне с задачей свержения непопулярных и враждебных Соединенным Штатам правительств... Партизаны не могут заменять регулярные войска... Они эффективны только при условии координации действий с действиями регулярных войск...

Организация партизанских отрядов... подпольные ячейки... скрытая связь... Завоевание сердец и умов населения... Психологическая война... Никакое повстанческое движение не продержится долго, если его не поддержит местное население... Пропаганда... Местное население для

партизан — все равно что вода для рыбы... Террористические группы... десантно-диверсионные группы... Агенты... Выборочные террористические акции... Дисциплина партизан... Система предупреждения об опасности... Политическое руководство повстанческим движением...

Гибкость... Применимость основных принципов к конкретным условиям района... Терпение... Необходимость отдыха... Проживание на местности, считающейся необитаемой... Подвесная койка...

Не вмешивайся во внутренние дела... Советуй, но сам не возглавляй... Не оскорбляй национальных чувств... Планы на отступление... Внутренняя безопасность...

Ступени повстанческой борьбы... Участие гражданского населения... Противник как источник снабжения... Моральные аспекты... Превращение партизан в обычные вооруженные силы... Солдаты должны помогать крестьянам... Политическая пропаганда и агитация...

Методы инфильтрации... Первоначальные контакты... Вербовка в районах, занятых противником, затруднений не вызовет... Неудовлетворенность сама не рождается, семена неудовлетворенности и идеи, за которые нужно бороться, — должны быть инспирированы... Конспиративные дома и квартиры... Специальные подразделения противника... Оперативный отряд «А» — это зародыш штаба полка... Вы слишком дорого стоите, чтобы рисковать своей жизнью... После того как налажены организация и управление, держитесь в стороне от боя... Управление партизанами посредством управления снабжением и связью... Управление боевой подготовкой... Подготовка кадров... Разведывательные сети... Пять пунктов боевого приказа... Анализ образа действий противника... Естественные отсеки местности, коридоры, пути подхода, секторы обстрела... Прибрежная гидрография... Отчеты... Боевые приказы противника... Оpoznавание по отпечаткам пальцев... Применение биноклей для фотографирования на больших расстояниях... Шифры для разового использования... Источники информации...

С трудом нахожу Мартинсена. Он сидит в тени от здания, покуривает свою трубку и читает «Центурионы». Подняв голову, спрашивает меня:

— Ну как, все написал?

— Может, что-нибудь и пропустил, но в общем-то написал, кажется, неплохо. А как ты?

— По-моему, все это очень легко. А почему ты так долго задержался? — спрашивает Мартинсен.

— Когда я подал свою работу, капитан Ле-Боеф позвал меня наверх и снова предложил остаться в школе преподавателем... Давай пройдемся и выпьем по чашке кофе, — предложил я.

— Ну и что ты ему ответил? — интересуется Мартинсен, поднимаясь и разминая уставшие руки и ноги.

— Да почти то же самое, что вчера. Я еще раз сказал, что поступил в войска специального назначения, чтобы учиться, а не учить других, что хочу усовершенствовать свою подготовку и попасть в действующую часть.

Мартинсен доволен моим ответом. Рид, оказавшийся в буфете раньше нас, широко улыбаясь, приглашает к своему столику.

— Ты что, решил установить новый рекорд на быстроту сдачи экзамена? — спрашиваю я его.

— Я не мог больше сидеть так, — отвечает Рид. — Когда я начал просматривать работу еще раз, в голову полезли разные сомнения, поэтому я решил плюнуть на все и сдал работу первым. И знаешь, оказалось неплохо: работу приняли. А где Брулет?

— Когда я уходил, он еще писал что-то и жаловался экзаменатору, что какие-то вопросы сформулированы неясно, — ответил я. — Ну что ж, ребята, теперь остается только получить удостоверение об окончании и возвратить все эти наставления и руководства, правда?

— Я вот что узнал, — спешит сообщить нам Рид, наливая себе вторую чашку кофе, — в понедельник у нас начнутся занятия по специальности.

— Из слов Тэда Мотта, — замечаю я, обращаясь к Мартинсену, — следует, что занятия по специальности будут скучными и здорово задержат нас. Большую часть из того, что нам будут давать, мы уже знаем, и все, кроме двух предметов — «Подавление повстанческого движения» и «Работа с людьми различной военно-учетной специальности» нам придется просто терпеть.

— Я слышал то же самое, — соглашается Мартинсен, — но все же, наверное, будет над чем поработать. Ты

все равно стоишь, — добавляет он, — подай мне еще чашечку чая со льдом.

Когда я возвращаюсь от буфета к столику, Рид заканчивает свою мысль:

— И еще одна вещь: это наверняка исключает солдат, работающих «от и до». Половина сержантов, которые прибыли вместе с Данкеном и со мной, уже отсеялись. Как ты считаешь, Данк, почему?

— Причины разные. Финансовые затруднения, невозможность перевести семью, надоело по два раза в неделю менять казармы, заболел кто-нибудь дома... Многие из них рассчитывали, что большую часть учебного времени будут проводить на воздухе, а превращаться снова в школьников они не хотят...

— Правильно! — перебивает меня Рид. — Но все это говорит об одном: они не профессионалы. Они не настолько уж глупы, и нельзя сказать, что у них нет никаких способностей, просто они не рождены профессиональными солдатами. Они хотят работать от восьми до пяти. Финансовые затруднения? Они у всех есть и зависят от звания и служебного положения. Какой-нибудь пустяковый телефонный звонок из дому — и они немедленно бегут на помощь. А как же они будут выполнять боевое задание? Я бы на их месте стыдился быть сержантом. На первом плане должна стоять армия, служба, а семья — на втором, но большинство из них не осмеливаются безапелляционно заявить своим женам неоспоримую истину: все, что хорошо для армии, должно быть хорошо и для них. Что с того, если ты испытываешь какие-то неудобства, когда тебя зачисляют в войска специального назначения? Я не спрашивал разрешения у своей жены, и она удивилась бы, если бы спросил. Я становлюсь более подготовленным солдатом — это полезно для армии. Это полезно и для меня: если я стал более подготовленным солдатом, меня повышают в должности и звании. Армия оплачивает счета. Все очень просто: ты заботишься об армии, а армия заботится о тебе.

Мартинсен и я киваем в знак согласия. Он конечно прав.

XVII

За час до рассвета рота останавливается, и вьетнамский командир размещает двух американских сержантов и их переводчика в густых зарослях. Предрассветный воз-

дух кажется холодным для разгоряченных солдат, всю ночь шедших форсированным маршем.

С наступлением рассвета слышится скрип повозки, которую тянет сопящий, тяжело ступающий буйвол. Услышав мужские голоса, солдаты, сидящие в засаде, настораживаются.

Прежде чем становится видно говорящих, утреннюю тишину и пение птиц нарушает пронзительный крик:

— Стой! Руки вверх!

Очень высоким, визгливым голосом кто-то отвечает:

— Не стреляйте! Не стреляйте!

Солдаты, одетые в черно-зеленые маскировочные халаты, осторожно поднимаются и идут по направлению к повозке. Два американских сержанта радуются возможности поразмять уставшие ноги и руки и стряхнуть с себя муравьев. Подойдя к повозке, сержанты видят группу солдат, направивших свои автоматы на четырех безмолвно сидящих на корточках пленных, с руками, закинутыми за голову. Двое из них обуты в самодельные сандалии, а двое других босы; на всех четверых черные трусы, которые служат вьетнамским солдатам и нижней и верхней одеждой, и ветхие, давно не стиранные рубашки. Один из пленных явно напуган, вот-вот заплачет; двое других уставились мрачным взглядом в землю, а у четвертого гневное выражение лица и непокорный вид.

Вьетнамский командир роты выкрикивает резким голосом вопросы и слышит ответы «нет» и «никого» от первых трех, четвертый же, плотно сжав губы, молчит.

Переводчик шепчет американцам:

— Они говорят, что не вьетконговцы, что никого не видели и ничего не знают.

Вопросы звучат все громче. Коренастый командир роты, разгневанный упорным молчанием одного из пленных, быстро выдергивает свой пистолет и направляет его в лицо неповинующегося упряма, гневно повторяя один и тот же вопрос. Тон ответа молодого пленника ничуть не уступает по резкости тону инквизитора, он не ограничивается, как его товарищи, односложными словами. От сильного удара кулаком по голове допрашиваемый валится навзничь, но сразу же поднимается на корточки и принимает прежнее положение, не спуская свирепого взгляда со своего мучителя, который неожиданно раздражается смехом и засовывает пистолет в кобуру. Затем

командир роты поворачивается к пленным задом и что-то скороговоркой приказывает подчиненным.

У пленных стбирают удостоверения личности, на плечи взваливают различные грузы: одному — пулемет, второму — тяжелый котел для приготовления пищи и куль с рисом; упрямцу, не отвечавшему на вопросы, дают два металлических ящика с боеприпасами к пулемету, а четвертого нагружают рацией и резервными боеприпасами. Захваченные в плен пойдут с ротой как подозреваемые.

Рота строится повзводно и тремя колоннами начинает движение под палящими лучами солнца. Подозреваемые находятся в средней колонне. После часового марша по открытому рисовому полю средняя колонна подходит к небольшому участку поля, который обрабатывает чугунной мотыгой пожилой крестьянин. В ответ на громкий окрик крестьянин, оставив на участке перепуганную до смерти жену, подходит к вьетнамскому командиру. Сложив руки, как это делают буддисты во время молитвы, он беспрестанно кланяется, и с каждым новым поклоном его редкая бородка почти касается грязных загорелых ног. Но ни раболепие старика, ни умоляющие причитания его жены не спасают его от пленения в качестве подозреваемого. По мере того как солнце печет все сильнее, а ноша становится тяжелее, число подозреваемых во время марша увеличивается, и к полудню их уже одиннадцать человек.

Рота останавливается на двухчасовой полуденный привал и завтрак. Солдаты роты растягиваются на земле, а подозреваемые покорно присаживаются на корточки в стороне. Командир роты, укрывшись от жары в слабой тени тощего деревца, приказывает что-то командиру взвода, и на лице того появляется кривая ухмылка. Он подходит к пленным, приказывает старику подняться на ноги и резкими ударами кулака в спину толкает его вперед, к командиру роты. Руки старика снова раболепно сложены, как на молитве, седая голова дергается после каждого удара в спину. Оскалившийся в идиотской улыбке командир взвода идет по пятам за стариком. Командир роты выкрикивает что-то и, улыбаясь, показывает на землю. Не переставая улыбаться, командир взвода валит крестьянина на землю и садится около него. Старик пытается приподняться, но командир взвода снова сильно

бьет старика по костлявой груди и прижимает его к земле.

Один из американских сержантов попробовал было подняться на ноги, но получил пинок в бок от второго сержанта.

— Сиди на месте. Он только задаст ему несколько вопросов. Он знает свое дело.

— Сомневаюсь, — говорит первый. — При допросах с пленными так не обращаются.

— Не вмешивайся, сиди спокойно.

— Но он не должен допрашивать его на глазах у других, — настойчиво продолжает первый сержант. — Если этот старик и знает что-нибудь, в чем я очень сомневаюсь, он не скажет об этом на виду у других. Если его принудят говорить силой, а другие услышат, что он говорит, ему грозит верная смерть от вьетконговцев.

— А может быть, в этом и заключается вся хитрость.

Первый сержант садится и недоверчиво смотрит на второго.

— Ты хочешь сказать, что они и не надеются получить какую-нибудь информацию? Занимаются этим просто так, от нечего делать?

— Может быть — да, а может быть, и нет. В любом случае это тебя не касается.

— А я докажу, что касается... Мы должны прекратить это...

— Послушай-ка, ты, — угрожающе начинает второй сержант, — мы не должны ничего делать и не будем, понятно? Ты воспринимаешь это так, потому что впервые в операции. Держи язык за зубами, смотри и помалкивай. Оставь свои взгляды при себе.

— Но...

-- Никаких «но». Заткнись.

Командир роты ложится на землю рядом со стариком и начинает что-то говорить ему вкрадчиво-успокаивающим тоном. Всякий раз, когда старик пытается приподнять голову, удар кулака прижимает ее снова к земле. Взоры всех пленных устремлены на старика и командира. Во взгляде самого молодого из них, того, что упорствовал при допросе, нескрываемая ненависть. Мучитель придвигается ближе к старику и, продолжая улыбаться, делает вид, что хочет обнять его. Вместо этого резкими движениями левой руки и ног он прижимает голову и тело

жертвы к земле, а в правой руке у него появляется охотничий нож.

Продолжая говорить что-то успокаивающим тоном, мучитель одновременно колет и царапает горло и грудь крестьянина острием ножа. Неожиданно он ловко подрезает кожу под редкой бородкой старика, а в его голосе появляются нотки гнева, раздражения и петерпения... Слабый нажим на нож, и кровавая линия становится ярче. Из надрезанного горла жертвы вырываются гортанные звуки...

Старик что-то бормочет, поток его слов прерывается резкими выкриками истязателя. Наконец командир роты отталкивает от себя костлявое тело старика и, ухмыляясь, поднимается на ноги. Старик со слезами на глазах с трудом добирается до группы пленных, садится на корточки, голова его склонена на грудь, в глазах испуг, горе, отчаяние. Солдаты смеются, они рады такому развлечению.

Командир взвода замечает полный ненависти взгляд молодого пленного, устремленный на командира роты. Он подбегает к нему и с размаху ударяет по голове карабином. Молодой вьетнамец валится на землю.

Американский сержант, тот, что постарше, снова одергивает своего напарника, пытающегося встать:

— Не суйся, не твое это дело.

— Не мое дело? Этого командира взвода надо посадить в тюрьму.

— В тюрьму? Ты что, с ума спятил? Это же лучший солдат.

— Но, Дик, нельзя оставить их безнаказанными... и того и другого. Мы обязаны доложить об этом зверстве, это же не люди, а звери какие-то...

— Послушай-ка, дружище, я знаю, тебе трудно перенести это, но ты привыкнешь. Видишь у него на шее эту штуку, похожую на амулет? Это было немногим более месяца назад, когда и я...

XVIII

— Сержант Данкен!

Виновато поднимаю голову и поворачиваюсь к человеку, коснувшемуся моего плеча. Я снова замечтался.

— Там офицер, он хочет поговорить с вами и сержантом Мартинсенем.

Встаю и иду к двери, оставляя позади монотонный голос преподавателя, уже в третий раз объясняющего, что такое открытый и закрытый квадранты. Мартинсен идет впереди меня по проходу между двумя рядами столов, за которыми сидят скучающие слушатели. В коридоре нас ждет капитан Ле-Боеф, на его мешковатой рубахе темнеют пятна пота.

— Слушаю, сэр! — говорю я и отдаю ему честь.

Его ответ на приветствие похож, скорее, на ленивый взмах руки.

— Давайте перейдем в тень, — предлагает он. — Ну, как вам нравятся занятия по специальности?

— Очень скучные, и мы слишком медленно продвигаемся вперед, — ворчит Мартинсен.

— Я был уверен, что они вам не понравятся, — соглашается Ле-Боеф. — Я зашел, чтобы попросить вас обоих пересмотреть свое решение готовиться по оперативной и разведывательной специальностям. Откровенно говоря, вы очень нужны нам. Число слушателей со следующим набором увеличивается, а из состава преподавателей двое выбывают. Нам очень нужны люди, которые могут преподавать и знают материал. Ну как? — спрашивает он в заключение, дружески похлошывая меня по плечу.

— Предложение очень лестное, сэр, но мне хотелось бы закончить подготовку по специальности и попасть в оперативный отряд. Чем скорее я разделаюсь с этим, тем скорее буду назначен на постоянное место службы.

— А как вы, сержант Мартинсен?

— То же самое, сэр, я хочу пройти курс подготовки.

— Послушайте, друзья, если это главное препятствие, вам нечего беспокоиться. Здесь нет никакой проблемы. Вы можете сдать экзамен за курс, сделать выход в поле, и на этом ваша подготовка по специальности закончится. Ведь этот курс предназначен главным образом для людей с другой военно-учетной специальностью. Его можно пройти шутя, без особого напряжения. Он не идет ни в какое сравнение с обучением по военно-учетной специальности. Не успеете вы начать изучение, скажем, подрывного дела, как вас назначат на уборку мусора, подметание улицы или другие подобные работы. А если вы останетесь преподавать, то сможете подготовиться по всем этим специальностям на солидной основе, потому что получите возможность пройти полный курс по той или иной военно-

учетной специальности. Это своего рода сделка: единственное время, когда вы обязаны находиться в классе, — это время вашего урока. Как только класс усвоит материал, вы можете заниматься оружием, связью и чем угодно другим. Уверяю вас, вы подготовитесь таким образом лучше и быстрее тех, кто занимается в специализированных группах. Только согласитесь, и я сделаю так, что приказ о вашем назначении к нам поступит через каких-нибудь десять дней.

— Вы уверены, что мы сможем заниматься тогда, когда у нас будет время и желание? — спрашиваю я капитана.

— Гарантирую. Многие преподаватели переходят из группы в группу, чтобы совершенствоваться и расширять свои знания.

— Хорошо, сэр, я согласен.

— А вы, сержант Мартинсен?

— Когда мы приступим к делу? — спрашивает вместо ответа Мартинсен.

— Забирайте свои книги и приступайте прямо теперь. Я позвоню и сообщу, что вы отправились. Через час я и сам буду там. Желаю вам успеха, и, разумеется, большое спасибо вам обоим...

— Надеюсь, мы не ошиблись, Джон, и поступили правильно. Почему ты согласился?

— Потому что капитан прав: таким путем мы подготовимся лучше. А кроме того, среди нашего набора слишком много мастер-сержантов с такой же, как у нас, военно-учетной специальностью, значит, в группе мне вряд ли дадут отряд; быть же в отряде, которым командует Уайт или Хэrrисон, я не хочу. Вполне возможно, что меня повысят до мастер-сержанта здесь, поэтому, попав в группу, я буду в ней наиболее подготовленным мастер-сержантом и командиром отряда.

...Прошли месяцы. Преподавание превратилось для меня в очень простое дело, почти не требующее подготовки. Сначала я читал лекции по тактическим свойствам местности и методам допроса военнопленных, затем к ним прибавились лекции по чтению дактилоскопических отпечатков пальцев и фотографии.

Через два набора после нашего сержантов с оперативно-разведывательной специальностью к нам поступило больше, чем требовалось для существующих в войсках специального назначения отрядов, поэтому нам приходилось читать лекции еще реже, и времени на самоподготовку оставалось много.

Мы изучили азбуку Морзе и могли работать на ключе со скоростью в два раза большей, чем того требовала программа обучения. Мы перестали совершенствоваться в этом виде подготовки, когда узнали, что из-за нехватки квалифицированных специалистов тех, кто работает на ключе со скоростью, превышающей пятнадцать слов в минуту, зачисляются штатными радистами.

Мы прошли полный курс оружия, и я впервые стрелял из нового пистолета системы Кольт, которым остался очень доволен. Войска специального назначения пытались убедить армию принять на вооружение этот новый и удобный пистолет, но встретились какие-то неизвестные нам трудности. Для Мартинсена, старого пехотинца, этот курс оказался очень легким, а вот мне пришлось потратить много времени на изучение миномета, потому что до этого я никогда не имел с ним дела. Оружия иностранных марок было много, и оно нас заинтересовало. Особенно мы восхищались немецким пулеметом MG-42, считая, что американский пулемет M-60 — это более низкая по качеству копия MG-42.

К изучению подрывного дела мы приступили с некоторым волнением, поскольку отсев из этих групп был самым большим: в одном классе свидетельство о прохождении курса получили только два слушателя из сорока. Нам же, преподавателям, завоевавшим известный авторитет, нельзя было ударить лицом в грязь. Однако беспокойство было напрасным: оба мы закончили курс по подрывному делу с более высокими оценками, чем оперативно-разведывательный курс. Подрывное дело очень заинтересовало нас: неэлектрические и электрические цепи, обычные взрывчатые вещества, подрыв мостов, взрывные ловушки, гранатные засады, различные подрывные заряды, самодельные пулеметы, приготовление черного пороха, американские зажигательные боеприпасы, бомбы замедленного действия из консервных банок, простейшие взрывчатые и зажигательные вещества из общедоступных и распространенных химикалий,

Преподаватель подрывного дела, объясняя нам, почему в его группах большой отсев, сказал:

— Многие проваливаются на математике; в основном это негры, некоторые из них не знают даже десятичных дробей. Из наших классов негров выходит меньше, чем из любых других, — не без гордости продолжал он. — И обычно, чтобы отсеять их, нам не приходится даже прибегать к каким-то особым мерам. Мы просто отбиваем у них охоту заниматься, и они отказываются сами.

Медицинскую подготовку, когда я прибыл в войска специального назначения, мне пришлось проходить от случая к случаю, как только находилось свободное время. Мы обычно заглядывали в «собачью лабораторию» при госпитале, чтобы посмотреть, как практикуются в хирургии рядовые слушатели медицинских классов. Их первая операция, как правило, проходила на горле собаки, с тем чтобы лишить «пациента» способности лаять во время дальнейших операций. Иногда в собаку предварительно стреляли из пистолета, чтобы предоставить практиканту возможность потренироваться в обработке огнестрельных ран. Слушатели торчали возле своих собак часами, а смерть такого «пациента» обычно означала конец медицинской подготовки для «доктора». Меня поражали компетентность и преданность молодых людей, занимавшихся этим делом, и, откровенно говоря, я завидовал им, однако пятидесяти недель, необходимых для прохождения полного курса, у меня, конечно, не было.

В период моего преподавания произошло чрезвычайно важное событие, наложившее отпечаток на войска специального назначения, и при этом впервые было отдано предпочтение чему-то другому, но не подготовке. В этом событии участвовали буквально все служащие главной базы, от последнего рядового до самого высокого офицера. Были выделены специальные подразделения для постройки плотов и других плавучих средств. Батальон «психологической войны» напечатал миллионы листовок и огромных плакатов, подготовил массу декораций. Инженерные войска забили множество свай в илистое дно озера Маккеллар и скрепили их тросами. На базе появилось незнакомое нам оборудование и вооружение, макеты подводных лодок. Было написано и отрететировано много речей,

тексты которых вновь и вновь переписывались. Водолазы-диверсанты тренировались в прыжках с вертолетов в воду, а парашютисты, предназначенные для действий на суше, — в прыжках в лес. Репетировались бои с противником с применением различных засад и ловушек. Появилась команда диверсантов с индивидуальными ракетными двигателями. Сотни солдат провели бесчисленное количество человеко-часов, собирая обрывки бумаги и газет на дороге, ведущей к озеру. Потом были проведены репетиции всего представления в целом, длившиеся с раннего утра до позднего вечера.

На это великолепное представление были потрачены тысячи и тысячи долларов и бесчисленное количество человеко-часов. Первыми показали свое искусство морские диверсанты-разведчики. Затем было продемонстрировано, на что способны двенадцать диверсантов-разведчиков оперативного отряда «А», участвовавших в представлении с положенным для них оснащением и оружием. Каждый член этого отряда объяснил характер выполняемых им задач, продемонстрировал взаимозаменяемость и многие другие действия, которым его научили, в том числе знание одного из туземных языков. Главным убором участников представления был зеленый берет¹.

На озере появился небольшой десантный лихтер, неся на борту диверсанта с индивидуальным ракетным двигателем. Запустив двигатель, диверсант поднялся в воздух и, пролетев над водой, приземлился. Из макета погруженной подводной лодки на берег вышли легководолазы; с высоты 4500 метров прыгнули и приводнились в назначенном районе парашютисты-легководолазы; продемонстрировали свое искусство и специалисты по борьбе дзюдо; другая группа водолазов, забравшись на высокое сооружение на берегу, спустилась в воду по натянутому канату. Были показаны также действия оперативных отрядов «А» по организации партизанского движения из местного населения. Около озера появились сотни солдат в зеленых беретах 7-й группы войск специального назна-

¹ Вскоре после того как личный состав войск специального назначения начал в 50-х годах носить зеленые береты, с них взяли пример другие рода войск: парашютнодесантные, танковые и др. В целях прекращения такой самостоятельности руководство вооруженных сил издало приказ, запрещающий носить береты всем без исключения. — *Прим. автора.*

чения. Цель всего этого спектакля совершенно очевидна: вот как умеют действовать войска специального назначения; мы готовы для действий в любых частях света и в любых условиях; мы в вашем распоряжении; используйте нас.

Когда спектакль закончился, я посмотрел на глубоко задумавшегося и нахмурившего брови Мартинсена. У нас было мало действительно подготовленных людей, поэтому для демонстрации приемов борьбы дзюдо и спуска легководолазов в воду с высокого берега пришлось привезти специалистов из школы десантных диверсионно-разведывательных частей «рейнджер», находящейся в Форт-Беннинге; специалистов легководолазного дела можно было пересчитать по пальцам. Большую часть продемонстрированного оснащения и оборудования, включая индивидуальный ракетный двигатель, мы никогда не видели и вряд ли увидим в будущем; многое из показанного вообще не имело никакого отношения к войскам специального назначения, а наиболее впечатляющие сцены спектакля были сыграны персоналом из других родов войск. «Типичный» оперативный отряд «А» из двенадцати человек был сформирован для этого случая из лучших специалистов чуть ли не такого же количества других отрядов. Если исключить немецкий, французский и испанский языки, то говорящих на иностранных языках в составе подразделений специального назначения почти нет.

Мы стали свидетелями одного из великолепнейших, наиболее впечатляющих, совершенно неприкрытых, очень сложных и очень дорогих представлений с целью очковтирательства. Однако нельзя сказать, что этот спектакль не дал никаких результатов. Президент Кеннеди приказал генералу Ярборо и солдатам войск специального назначения «носить зеленый берет с гордостью, как знак отличия и символ мужества»...

После этого ношение зеленого берета войсками специального назначения было узаконено.

Еще не подобрали сброшенных в районе учений листовок, а войска специального назначения, с благословения президента, уже перестали быть бедным родственником 82-й воздушнодесантной дивизии или 18-го воздушнодесантного корпуса. В то время как «регулярникам»

пришлось закусить удила, войска специального назначения быстро укрепляли свое положение. Центр специальных методов ведения войны получил относительную автономию и стал подчиняться непосредственно министерству обороны, что незамедлительно сказалось на масштабах организации и размахе его деятельности. Когда меня зачислили в войска специального назначения, они состояли из 1-й группы на острове Окинава, 7-й группы в Форт-Брэгге и 10-й группы в Западной Германии. Все эти группы были недоукомплектованы, им не хватало отпускаемых средств, а возможности продвижения личного состава по службе в этих группах были самые минимальные.

Теперь в Форт-Брэгге была создана 5-я группа, учебная рота превратилась в учебную группу, а несколько позднее появилась 8-я группа, которую направили в зону Панамского канала. Американцы испанского происхождения и другие, свободно владевшие испанским языком, вскоре получили возможность занять тайные и официальные служебные посты в различных странах Центральной и Южной Америки. В следующем году были созданы 3-я и 6-я группы.

Малоизвестный, полузабытый клуб на возвышенности Смоук-Бомб стал теперь тесным, и его территорию пришлось увеличить за счет расположенного по другую сторону шоссе участка резервного учебного полигона. Организация, избегавшая в недалеком прошлом известности, использовала теперь любую возможность с целью рекламы своей деятельности. Батальоны «психологической войны» увеличили свои штаты и превратились в составные элементы центра специальных методов ведения войны, а роты пропаганды и издания листовок начали в изобилии и с необыкновенной оперативностью издавать и распространять плакаты, брошюры и памфлеты. Оборудованный по последнему слову техники демонстрационный полигон «Диснейлэнд» использовался для показа достижений войск специального назначения политическим деятелям, бойскаутам, генералитету, иностранным сановникам и широкой публике, причем настолько интенсивно, что людей, участвовавших в этих показах, пришлось приписать к полигону как к постоянному месту службы. Позднее был построен еще более крупный и современный демонстрационный полигон «Диснейлэнд», положивший

начало созданию огромного нового центра специальных методов ведения войны. Были сформированы даже специальные команды, которые перебрасывались самолетом в различные районы США для демонстрации достижений войск специального назначения широкой публике на местах. Из-за большого наплыва офицеров иностранных армий при центре были созданы специальные кухни, в которых готовились непривычные для среднего американца блюда.

В этот период все оперативные отряды, находившиеся в Лаосе, официально были отозваны, однако такое действие более чем компенсировалось новыми обязательствами по Вьетнаму и Латинской Америке. Отряды из 1-й группы на Окинаве стали посылать во Вьетнам, а 10-я группа в Германии, пользовавшаяся наименьшим присритетом, постепенно оголялась из-за отсутствия пополнений. В министерстве обороны в Вашингтоне были введены на постоянной основе специальные должности офицеров связи, а во всех нижестоящих звеньях отпочковались специальные штабы. По мере увеличения числа курсантов приходилось увеличивать и численность преподавательского состава за счет отбора лучших специалистов из оперативных отрядов. Потребовались люди для ведения канцелярских и хозяйственно-финансовых дел. Вместе с ростом организации возрастали и ее обязательства, становился более многочисленным штабной персонал.

Возможности присвоения очередных сержантских званий настолько расширились, что порой было трудно отобрать людей для продвижения. В результате в войска специального назначения устремилось большое число военнослужащих сержантского состава, которые рассматривали службу в этих войсках как путь к продвижению. Классные занятия пришлось сделать в две смены. Учебные программы расширить, однако большой отсев слушателей указывал на то, что многие из них не продвигались по службе в своих бывших частях вполне обоснованно. Молодые солдаты, очарованные рекламой и романтикой жизни «зеленых беретов», также устремились в войска специального назначения. К сожалению, для того чтобы попасть в эти войска, многим пришлось досрочно оставить среднюю школу, поэтому по мере усиления требований при приеме число непригодных, недовольных и

таких, от которых были рады избавиться в других частях, увеличивалось.

Вашингтон начал проявлять беспокойство в связи с большими расходами на перевозку людей из разных районов страны в Форт-Брэгг только для того, чтобы они, как выяснялось позже, проваливались на экзаменах (в одном классе из сорока слушателей, готовившихся по подрывному делу, экзамен выдержал только один). Генералы регулярной армии отказывались верить тому, что такой большой процент их военнослужащих имеет столь низкую общеобразовательную подготовку, и решили, что причина этого — в низком качестве преподавания. В Форт-Брэгг из университета Джорджа Вашингтона направили инспекторскую группу, которая определила, что преподавание отвечает соответствующим требованиям и что многие слушатели попадали в Форт-Брэгг просто потому, что желали уйти из своих бывших частей, а у некоторых из них не хватало желания и преданности (о которых говорил Рид во время нашего разговора в кафе). Незначительная часть слушателей разочаровывалась после того, как усваивала, что реальное положение вещей значительно отличается от того, каким оно представлялось им по книгам и плакатам. Необходимо было что-то предпринимать.

Провалить слушателя из-за недостаточной общеобразовательной подготовки стало намного сложнее, однако, когда провал все-таки был неминуем, слушателя оставляли на повторное прохождение курса, иногда по другой специальности, а иногда по той же; некоторые оставались даже на третий срок, а некоторых выпускали по среднему баллу, если они проваливались на экзаменах. Так, например, один сержант провалился на экзаменах в оперативно-разведывательной группе, несмотря на то что преподаватель занимался с ним во внеурочное время. Его оставили на второй срок в группе оружия, но он провалился и здесь и был снова переведен в оперативно-разведывательную, в которой, несмотря на знакомство с материалом, получил недостаточные для выпуска оценки. В 1964 году я встретил его во Вьетнаме — он служил разведчиком в войсках специального назначения.

Вскоре после начала бурного роста войск специального назначения военнослужащих этих войск стали посылать в Африку, Азию, Латинскую Америку и Европу, а это в некоторых случаях означало, что назначения в группу

на Окинаве и в другие группы производилось до прохождения слушателями курса специальной подготовки и курса обучения. Не удивительно поэтому, что вскоре из 1-й группы на Окинаве стали поступать жалобы на недостаточную подготовленность направляемых в группу людей, а это вело к необходимости давать им дополнительную подготовку на месте.

Позднее пришли к заключению, что военнослужащие, достаточно подготовленные для войск специального назначения, были бы не менее ценны и в других организациях. Поскольку никакой командир не желал лишиться лучших военнослужащих своей части, было решено рапорты с просьбой о переводе таких людей откладывать в сторону или вообще не удовлетворять, а посылать менее подготовленных военнослужащих. Это привело к созданию — с согласия континентального командования сухопутных войск США — отдела по комплектованию войск специального назначения. Империя разрасталась. Старший сержантский состав из 5-й, 7-й и учебной групп было приказано направить на ключевые военные объекты в Соединенных Штатах фактически с неограниченными полномочиями по отбору военнослужащих для войск специального назначения. Надо полагать, что особой популярностью у командиров частей эти сержанты не пользовались.

Сидя в штабе учебной группы, я заканчивал отчет о прыжках с парашютом за прошедшую неделю, когда мимо прошли командир группы и его заместитель.

— Майор, — обращается командир группы к своему заместителю, — нам нужен еще один человек. Центр требует, а добровольцев, кажется, больше нет... Здравствуйте, сержант Данкен, — бросает он мимоходом, увидев меня. — Вы не знаете, кто мог бы заинтересоваться этим?

— Чем, сэр?

— Стать вербовщиком в войска специального назначения. Об этом сказано в директиве, разосланной во все роты.

— Первый раз слышу об этом, сэр. О чем же говорится в этой директиве?

Командир поворачивается к заместителю и с улыбкой замечает:

— Теперь ясно, почему нет добровольцев: командиры учебных рот не хотят расставаться со своими преподавателями. — Покачивая головой, он снова обращается ко мне: — Вы не знаете, кто пожелал бы?

— Знаю, сэр, — отвечаю я не задумываясь. — Сержант Данкен пожелал бы.

— Вы? — удивляется командир. — А кто будет учить ваших слушателей?

— Мы как раз выпустили сейчас очередную группу, и я просто так, от нечего делать, занимаюсь с кандидатами. К тому же, поскольку в последние месяцы большую часть времени я расходовал на занятия в поле, а не в классах, у меня есть толковый помощник.

— Сэр, — вмешивается заместитель командира, — это, пожалуй, наилучшее решение проблемы. Центр требует прислать кандидата в течение тридцати минут, а сержанта Данкена задерживать в группе мы, наверное, не сможем: он находится у нас дольше, чем любой другой преподаватель.

— О'кей, сержант Данкен, направляйтесь в отделение личного состава штаба центра. Они как раз беседуют сейчас с кандидатами. Мы позвоним им и предупредим, что вы явитесь.

Трудно поверить, что теперь, после стольких тщетных попыток с моей стороны, командование учебной группы согласилось отпустить меня. В отделении кадров я застал семь или восемь добровольцев, мирно беседовавших с начальником отделения в звании капитана.

— Сержант Данкен? — спрашивает он меня.

— Да, сэр.

— Зайдите ко мне в кабинет.

В кабинете я рапортую, как положено по уставу, и усаживаюсь на предложенный мне стул.

— Почему вы решили стать вербовщиком, сержант?

— Я преподаватель в учебной группе, сэр. На протяжении всего периода моего пребывания здесь я наблюдаю постоянное снижение уровня подготовленности поступающих к нам слушателей. Если войска специального назначения должны оставаться специальными, то надо позаботиться о том, чтобы сюда поступали более подготовленные кандидаты. Я являюсь не только преподавателем со стажем, но и одним из тех, кто прошел подготовку по всем военно-учетным специальностям, изучаемым в группе.

Я преподавал в секциях подрывного дела и специального обучения, хорошо знаю все проблемы и представляю, какие люди нам необходимы и кто может преподавать здесь.

Мне даже самому понравилось мое высказывание, но я, конечно, умолчал о том, что мне давно уже хотелось избавиться от ставших теперь тягостными для меня занятий. Я жаждал перемены, пусть даже такой, в результате которой я стану вербовщиком.

— Благодарю вас, сержант. Мне все ясно, и мы можем на этом закончить.

Несколько удивившись, что беседа ограничилась всего одним вопросом, я присоединился к своим коллегам в приемной. Капитан, уже успевший отрастить брюшко, вышел в приемную вслед за мной и объявил, что все кандидаты приняты и должны явиться в штаб для инструктажа завтра утром.

За инструктажем по административным и организационным вопросам вербовки последовала генеральная проверка в присутствии генерала Ярборо, который после этого обратился к нам с речью. Он заострил наше внимание на том, что мероприятия по отбору личного состава для войск специального назначения имеют своей целью отсеять с нашей помощью непригодных кандидатов на местах. Это повысит качество слушателей в центре и количество успешно оканчивающих соответствующие курсы. «В этом случае, — заявил он, — при меньшей затрате усилий мы получим более подготовленный контингент. Правда, мы надеемся на большее, — добавил он. — Будет хорошо, если каждый из вас пришлет по одному человеку в месяц, при условии, конечно, что этот человек будет достаточно подготовлен, чтобы не оказаться в числе отсеянных. Я хочу иметь преданных и хорошо подготовленных солдат, которые успешно закончат курсы. Если вы найдете такого — присылайте. Но помните при этом, что в один прекрасный день он может оказаться в вашем отряде».

Окончательный инструктаж капитана, ведающего набором кандидатов, был более прямым и кратким:

— Не присылайте мне негров, пожалуйста. Но ведите себя так, чтобы не создать впечатления, что войска специального назначения относятся к ним с предубеждением. Предлог, чтобы избавиться от них, найти нетрудно: большинство из них окажутся слишком глупыми, чтобы

выдержать письменное испытание. Если кому-нибудь из них удастся написать письменную работу и его не забракует медицинская комиссия, вы наверняка найдете на такого компроматы в полиции. Помните, вы никому не обязаны давать объяснений причин отказа даже в тех случаях, когда кандидат пройдет все испытания. Ваша беседа с кандидатом — важнейший этап отбора. Задавайте себе вопрос: «Хотел бы я иметь такого в своем отряде?» — и решайте.

Интересно, как бы отнесся к этому генерал Ярборо? Некоторые ветераны войск специального назначения обвиняют генерала в том, что, по их мнению, нанесло войскам огромный ущерб: в поспешности, допущенной при комплектовании войск, снижении требований к личному составу, постепенном отмирании исключительности этих войск, широкой огласке, в отказе от особого положения, за исключением названия. Некоторые говорят, что генерал использовал войска специального назначения как средство для получения очередных звезд на погоны, но никто никогда не обвинял его в предубежденности. Даже те, кто имел действительные или воображаемые причины быть недовольным им, говорили о нем как о человеке из хорошей семьи, человеке, который достойно держался, пережив личную трагедию, и который всегда высоко ценил нравственность. Казалось невероятным, чтобы человек с такими высокими стандартами и такой чистотой взглядов мог выбрать себе в помощники по подбору кадров офицера, подобного капитану.

Меня назначили в Калифорнийский округ, а Форт-Орд на полуострове Монтерей стал местом моей дальнейшей деятельности. Несмотря на большое число отставных полковников, генералов и адмиралов, в этом районе, по сравнению с районами, лежащими южнее, царила совсем иная атмосфера. Объяснялось это, по-моему, самой природой этого района, традициями постоянно живущих здесь людей и отсутствием в этих традициях элементов шовинизма и предубежденности. Как бы там ни было, но у вновь появившегося в округе человека возникает почти неодолимое желание проявить себя в чем-то мирном, не имеющем никакого отношения ни к войне, ни к военным. Люди, прожившие здесь длительное время, начинают

рисовать, писать, играть на каком-нибудь инструменте или, по крайней мере, участвовать в каком-нибудь философском диалоге. Я, например, в конечном итоге тратил больше времени на различные дискуссии и чтение книг, никоим образом не связанных с военным делом и армией.

К концу первой недели пребывания в Форт-Орде ко мне присоединился капитан (он прибыл через Неваду на три дня позже и выглядел несколько перьяшливо). Мы начали выезжать с ним в штабы местных гарнизонов, где капитан рассказывал майорам и полковникам о том, что является специальным в войсках специального назначения. Майоры и полковники скептически поднимали брови, видимо удивляясь несоответствию между словами капитана и его внешним видом.

В конце каждой высказанной мысли капитан подчеркивал, что мы не возьмем много негров.

— ...Не потому, что мы относимся к ним с предубеждением, вы понимаете, — говорил он, — а потому, что они, как правило, недостаточно подготовлены. Побудительным мотивом для добровольца-негра является обычно совсем иное. Они считают, что воином в зеленом берете может стать просто дерзкий человек. К тому же на свете не так много районов, где мы могли бы использовать их, в большинстве стран они будут слишком бросаться в глаза. Военные власти некоторых правительств, с которыми мы сотрудничаем, просили нас не присылать им негров.

Это было для меня новостью. Принимая во внимание, что неожиданное увеличение войск специального назначения вызвано необходимостью организации контрповстанческого движения, особенно во Вьетнаме, трудно было понять, почему негр будет там больше бросаться в глаза, чем белый, особенно теперь, когда войска специального назначения, действующие в этой стране, носят американскую форму одежды. Я все еще не уверен в правомерности этого заявления капитана, но если оно правомерно, у меня возникают тревожные опасения относительно правительств, которые поддерживает наша страна.

По три-четыре раза в неделю в течение пятнадцати месяцев я беседовал с группами солдат численностью около ста человек каждая. Из сотни в среднем десять человек появлялись затем у меня в кабинете. После испытаний и проверки я оставлял в качестве кандидата обычно одного из десяти человек.

Вскоре меня навестил капитан из Форт-Брэгга. До этого я вербовал в среднем по четыре-пять человек в неделю и гордился этой цифрой, поскольку она значительно превышала норму — один человек в месяц, предложенную нам на инструктаже; в сущности, нас вообще не ограничивали никакой нормой. Теперь мне заявили, чтобы я присылал по двадцать пять — тридцать человек в неделю. Поскольку среда для отбора и время, необходимое на проверку отобранных, остались прежними, мне предоставили право предъявлять при отборе более низкие требования и сократить время проверки. В дальнейшем процесс проверки и отбора людей пришлось переложить на писарей, а я встречался и беседовал с кандидатом лишь на самом последнем этапе и очень недолго. В результате мы добились не уменьшения числа отправляемых в центр кандидатов и не увеличения числа успешно оканчивающих курс подготовки, а прямо противоположного тому и другому; проблемы, стоявшие перед центром специальных методов ведения войны, не изменились, и только на картах и схемах капитана в отделении комплектования значилось, что проведена полезная работа. Тем не менее работа продолжалась. На все инстанции оказывалось давление с целью заполнить как можно больше людей.

Помимо основных обязанностей по вербовке на мне лежали обязанности по налаживанию связи с общественными организациями и населением. Когда я впервые прибыл в Калифорнию в своем зеленом берете, меня приняли за иностранного солдата, или, как говорили некоторые шутники, за члена национальной гвардии кармелитов. Необходимо было популяризировать войска специального назначения среди населения и в армии, поэтому я стал часто посещать местные клубы и собрания бойскаутов. В отдельных случаях я организовывал демонстрацию действий оперативного отряда «зеленые береты» и добился того, что у меня часто брали интервью корреспонденты местных газет. Я проводил политическую информацию в войсках и тесно общался с вербовщиками в армию. Я был одним из многих разбросанных по всей стране агитаторов за «гвардию Кеннеди».

Кампания по укреплению и расширению войск специального назначения оказалась настолько успешной, что не только пережила смерть своего самого высокопоставленного вдохновителя — Джона Кеннеди и негодование

«регулярников» из других видов вооруженных сил и родов войск, но и фактически еще продолжается. Популяризовать «зеленые береты» было нетрудно, а американская публика легко воспринимала эту популяризацию: сегодня Америка наводнена ходкими книгами, пластинками, всевозможными журналами и книжечками, прославляющими «зеленые береты».

Так новое поколение покорно готовится вступить в горнило войны.

XIX

В пятидесятых и начале шестидесятых годов неизменно увеличились силы стратегического авиационного командования США; на периферийных подступах создавались все новые и новые базы; в Европу направлялось тактическое и стратегическое ядерное оружие, призванное обеспечить немедленный и массированный удар. Необходимость в войсках специального назначения уменьшалась. Судьба их представлялась в мрачном свете, ибо существование этого разношерстного сборища никогда не встречало поддержки со стороны армии. В конце пятидесятых годов Центральное разведывательное управление и некоторые другие организации использовали незначительные контингенты этих войск во Вьетнаме главным образом с целью обучения обычным методам ведения войны вьетнамских десантных разведывательно-диверсионных подразделений и групп местных гражданских нерегулярных сил.

Чем же объяснить бурный рост войск специального назначения? Группа таких войск полного состава теоретически была бы способна организовать действия двухсот сорока тысяч партизан. Опыт англичан в Малайе показывает, что для подавления восстания необходимы силы в соотношении десять к одному; таким образом, противник был бы вынужден отвлечь с фронта почти два с половиной миллиона войск, чтобы нейтрализовать действия одной группы войск специального назначения.

Действительная причина заключается в том, что новый командующий нашел новую функцию в общей системе вооруженных сил: контрпартизанская война; основная цель — Вьетнам. Идею целесообразности использования войск специального назначения в контрпартизанской вой-

не доказать было не легко, особенно руководству регулярных сил. Контрпартизанская война — это в основном обычные военные действия, в которых применяется не раз испытанная тактика окружения и разгрома сил противника по частям. (Наши действия против американских индейцев являются примером успешного использования обычных сил против партизан.)

Кто, спрашивали защитники этой идеи, лучше подготовлен для борьбы с партизанами — обычные войска или войска, прошедшие специальную подготовку? Может ли кто-нибудь предугадать вероятные действия партизан лучше, чем тот, кто глубоко изучил психологию партизан и принципы партизанской борьбы? Способен ли кто-нибудь «завоевать сердца и умы народа» лучше, чем человек, обученный работе с местным населением? Лучший контингент для борьбы с партизанами — это антипартизаны, говорили они. И наконец, если мы используем вьетнамцев, то достигнем своих целей во Вьетнаме без введения в действие крупных американских сил и тем самым сделаем войну приемлемой для американского народа.

Виртуозные прыжки через каналы и реки, демонстрации чуть ли не в цирковом стиле достижений «зеленых беретов», непрерывное вливание финансовых средств, бесконечные «стратегические» совещания закулисных политиканов — все это возымело свое действие, и войска специального назначения, находившиеся под угрозой слияния с десантными разведывательно-диверсионными подразделениями «рейнджер» и «командос», получили «рабсту» и новое определение: «защитники границ свободы».

К уже существующим многочисленным американским легионам — в военной форме и в гражданской одежде, но находящимся под управлением военных, — добавляется новый легион. Состоящий в основном из бывалых, немолодых профессионалов, этот легион постарается стать преторианской гвардией, предназначенной защищать «корпус американус»; а так как они профессионалы, то, несомненно, будут беспредельно преданы своей отчизне: новому легиону. Их боевой клич — антикоммунизм; их девиз — «освобождение угнетенных».

Действия по подавлению мятежных выступлений, или контрпартизанская война, — это не только борьба против партизан. Контрпартизанская борьба необходима и для устранения причин ее возникновения.

Разберемся, что же происходит во Вьетнаме.

Признание нами необходимости контрпартизанской борьбы, на первый взгляд, являлось свидетельством существования партизанской борьбы. Если верить своей пропаганде, то во Вьетнаме мы находимся по приглашению правительства этой страны (того самого правительства, которое тормозит неизбежные процессы), и не для того, чтобы сменить его, а, наоборот, чтобы оставить и поддерживать. Но пропаганду можно отбросить в сторону, поскольку, во-первых, мы сами создали и финансируем правительство и, следовательно, можем сказать, что сами себя пригласили, и, во-вторых, это правительство действует под нашей эгидой, и, следовательно, надеяться на какие-либо серьезные изменения нет оснований. В любом случае попытка иностранного государства вмешаться и что-нибудь изменить ни к чему не приведет, потому что именно интервенция и вмешательство в дела Вьетнама положили начало войне в этой стране. Личный состав войск специального назначения учат не вмешиваться во внутривнутриполитические дела, потому что это якобы вызовет чувство обиды. Почему же в таком случае мы должны предполагать, что вмешательство во внутривнутриполитические дела путем участия в контрпартизанских действиях вызовет меньшую обиду? (Заметьте и запомните: пока мы говорим только о восстании и мятеже; пройдет еще немного лет, и американский народ приучат к термину «вторжение».)

Другие обстоятельства порождают не менее интересные проблемы. Как могут пришельцы — в большинстве своем неспособные глубоко понять народ, к которому обращаются, — убедить этот народ в том, что те, кого он считает плохим, на самом деле хорош? Оценка пришельцев иная, но она не обязательно более правильная; пришельцы не переживали истории этого народа и никогда не были под управлением правительства, о котором идет речь. (Задача пришельца в стране, которая только что получила независимость от колониальной державы, еще труднее.)

Один из наших методов состоял в том, чтобы начинать осуществление различных программ гражданских действий; однако при этом снова возникли две альтернативы: программы могло проводить в жизнь как вьетнамское правительство, так и США. Существует огромное несоответ-

ствии между расходами средств на вооружение и на гражданские программы и такое же несоответствие между средствами, ассигнуемыми на гражданские программы, и средствами, которые действительно расходуются на удовлетворение нужд народа. Если программу осуществляют американцы, народ никак не связывает эту программу с правительством. В стране, народ которой считает, что человек, что-то дающий и ничего за это не получающий, — просто-напросто дурак, отказ от компенсации рассматривается лишь как попытка завоевать расположение или навязать американские порядки; в противном случае это может означать, что американцы дураки. В стране, народ которой из поколения в поколение жил тем, что говорил пришельцам то, что они хотели услышать, пришельцы никогда не определяют, за кого их действительно принимают: за оппортунистов, наживающихся на несчастье и страданиях других, или за дураков, или одновременно за тех и других.

Являясь из поколения в поколение объектом китайской, французской, португальской, японской и теперь американской пропаганды, вьетнамцы научились слушать, кивать в знак согласия, а потом сравнивать пропаганду с делами. В результате они поняли: что хорошо или плохо для Соединенных Штатов, совсем не обязательно в такой же мере хорошо или плохо для Вьетнама.

Пропаганда вовсе не обязательно означает ложь, и все правительства, агентства и организации стремятся так или иначе использовать возможности пропаганды. В армии США пропаганда определяется следующим образом: «Любая информация, идеи, доктрины или специальные обращения, распространяемые с целью оказать влияние на мнение, эмоции и позицию той или иной группы людей и получить поддержку этой группы тому или иному мероприятию...» Слова «любая информация» и «получить поддержку» в этом определении имеют особое значение. Правдивая информация, вероятно, лучший вид пропаганды, но совсем не обязательно, что такая информация вместе с этим и наиболее действенная. Эффективность пропаганды определяется степенью понимания пропагандистом аудитории, для которой предназначается пропаганда. При популяризации среди американцев какой-нибудь доктрины, кандидата или моющего средства американские пропагандисты, живущие в Америке, не встречаются с осо-

быми трудностями. А вот что касается иностранных государств, то с каждым годом становится все более очевидным, что аналогичные приемы пропаганды зачастую не приносят результатов, если, конечно, интересы народов этих стран не совпадают с нашими.

Действительно, пропаганда, подготовленная американцами и основанная на американских убеждениях и интересах, может вызвать у вьетнамцев совершенно противоположную реакцию. Допустим, что вьетконговцы убили старосту какой-нибудь деревни. Американцы немедленно печатают памфлет с описанием этого террористического акта и широко распространяют его как еще одно доказательство вероломства коммунистов. При этом авторы памфлета предполагают, что их представление о террористическом акте абсолютно совпадает с представлением тех, кому предназначается памфлет. Но если убитый староста был назначен сайгонскими правителями, то он наверняка жил обособленно от остального населения деревни и, по-видимому, эксплуатировал это население; поэтому популяризация того, что коммунисты освободили население деревни от неугодного ставленника, лишь укрепит надежду этого населения на то, что только национально-освободительный фронт способен что-то изменить. В лучшем случае распространенный памфлет продемонстрирует неспособность существующего правительства предотвращать подобные террористические акты. В 1965 году я читал памфлет, в котором описывалось, как солдаты национально-освободительного фронта взорвали автобус на Южной дороге. То, что Сайгон не контролировал данную дорогу, было не ново, но распространять листовки только для того, чтобы похвастаться, по-моему, было незачем.

В 1961 году на территории Вьетнама находились лишь небольшие подразделения войск специального назначения, которые использовались очень редко. Препятствием к их использованию, хотя и не непреодолимым, была, конечно, нерешительность. Если бы многочисленные планы, имевшие своей целью преодоление этого препятствия, осуществились в 1955—1956 годах, то шансы на успех, несомненно, возросли; но в этом случае нам не пришлось бы иметь дело с мятежными выступлениями. Движение, начавшееся в форме разрозненных выступлений из-за политической неудовлетворенности, развилось тем временем в хорошо организованное вооруженное восстание,

обеспечивающее осуществление многих программ, которые правительство должно было бы осуществить в контролируемых им районах.

Никто не знает почему, но в осуществлении программы решили руководствоваться опытом англичан в Малайе. Помимо огромной разницы между Вьетнамом и Малайей в политическом отношении существуют и другие важные различия. Англичане никогда не утверждали, что они — гости в Малайе, с самого начала ясно показывая, что хотят кое от кого избавиться, и первым их шагом было заявление правительству с требованием перестроиться. За долгие годы пребывания в Малайе они сумели изучить страну и народ. Малайцы еще не завершили кровавую войну за независимость. Страна не была искусственно разделена демаркационной линией на две части, и никакая держава не стремилась сделать из одной страны две. На самых первых этапах англичане провели радикальные реформы, направленные на подрыв сил мятежников, переселили большое количество крестьян в защищенные районы и успешно использовали против повстанцев авиационные десантно-диверсионные группы специального назначения¹, применявшие тактику коротких ударов.

Мы не имеем возможности установить, справедливо ли мнение о том, что во Вьетнаме наилучший контингент для борьбы с партизанами — это такие же партизаны; и сейчас еще этот принцип практически не испытан. Войска специального назначения расширили мероприятия по осуществлению программы организации и подготовки групп местных гражданских иррегулярных сил, а это

¹ Английские группы авиационной службы специального назначения организованы по принципу малочисленных групп, но в отличие от американских отрядов войск специального назначения они выполняют всю работу сами. Подготовленные для действия в составе небольших групп типа «командос», не имея задач обучать и организовывать местных контрпартизан, они совершенно независимы от их лояльности и подготовленности. Чрезвычайно эффективные в действиях, эти группы понимают, что понадобились бы годы, а не шесть — восемь недель, чтобы подготовить массу местных воинов для столь же эффективных действий. Хотя желающих действовать в составе таких групп немало, сравнительно немногие из них обладают такими качествами, как мастерство, умение, хладнокровие, преданность, бодрость, изобретательность, звериная агрессивность. — *Прим. автора.*

означает, что люди, которых они готовили, представляли собой главным образом малочисленные группки этнического меньшинства. Эти так называемые ударные силы жили не в деревнях, а в лагерях, огражденных колючей проволокой и минными полями, а поскольку они жили в лагерях, которые необходимо было охранять, им недоставало мобильности партизан и они никогда не могли отойти от таких лагерей достаточно далеко. Оружие для себя они не захватывали, а получали; такие лагеря и их обитатели часто оказывались дополнительным арсеналом оружия для противника. Их денежное и другие виды содержания обычно превышали содержание в регулярной армии; а так как они были наемными — вербовавшимися, как правило, не по идеологическим мотивам и освобожденными от воинской повинности — их лояльность Сайгоу была весьма сомнительной. Их обучали и использовали как обычные небольшие подразделения, а не как партизан, и период обучения обычно длился не более шести — восьми недель. Оперативные отряды «А» в таком лагере жили отдельно от местных воинов.

Вполне понятно поэтому, что каждая из таких групп местных гражданских иррегулярных сил контролировала лишь ограниченный район. Если считать эффективным соотношением — десять обычных бойцов на одного партизана, то силы партизан были превосходящими. В этих условиях существование известного влияния, пусть даже ограниченного, — заслуга групп местных гражданских иррегулярных сил и их наставников из оперативных отрядов «А».

Даже если бы идея «партизаны против партизан» была испытана, все равно осталось бы противоречие: можно смело предположить, что если существование и успех действий партизан зависят от поддержки местного населения, то две противостоящие друг другу партизанские организации не могут пользоваться поддержкой одновременно, и в конечном итоге пропагандисты и их хозяева узнают, какая из этих организаций действительно пользуется поддержкой. Возможно, именно поэтому идея «партизаны против партизан» никогда не осуществлялась; или, возможно, кто-то наконец понял, что нет никаких доказательств тому, что, как это утверждается в учебной программе, войска специального назначения способны вести успешную партизанскую войну.

Здесь уместно сказать несколько слов о предрассудках и дискриминации в вооруженных силах. В течение многих лет у нас издавались гражданские законы против сегрегации, предрассудков и дискриминации, и тем не менее никто не может утверждать, что они изжиты. В вооруженных силах, являющихся одной из крупнейших составных частей нашего общества, в которых запрещена сегрегация, предрассудки и дискриминация, темнокожие солдаты по-прежнему чувствуют, что в армии существуют два порядка, два дисциплинарных устава.

В силу экономических причин во многих районах нашей страны большой процент призывников и новобранцев составляют негры. Молодые люди призывного возраста из обеспеченных семей пользуются отсрочкой как учащиеся учебных заведений, в то время как негры, бросающие школу в более раннем возрасте и сознающие, что темный цвет кожи затрудняет их жизнь, видят в военной службе меньшее из двух зол. Из-за недостаточного образования или компроматов в полиции многих негров не призывают в армию, но, поскольку согласно закону армия должна принимать определенное число людей «ниже стандарта», значительное число негров все-таки попадает на военную службу. По истечении второго или третьего года службы, при условии, если негр зарекомендует себя хорошим солдатом, он получает капральское (Е-4) звание, а может даже стать сержантом, и в то время, как его белокожие сверстники с нетерпением ждут возможности возвратиться домой, негру такая возможность часто не обещает ничего хорошего. В результате — вербовка на сверхсрочную, хотя армейская жизнь нравится негру ничуть не больше, чем его белокожему сверстнику.

Как и в органах государственного управления, основными критериями для продвижения по службе в армии являются время пребывания в воинском звании и стаж военной службы. Поскольку процент остающихся на сверхсрочную среди негров больше, чем среди белых, в армии много негров, имеющих звание старших сержантов, и это в еще большей степени привлекает на военную службу молодых негров. Однако армия вряд ли имеет основания хвастаться своей ролью в борьбе с бедностью. То, что так много граждан США видят наилучшие шансы

для равенства в самых недемократических организациях, — фактически обвинительный акт той части американского общества, из которой армия черпает 80 процентов личного состава вместе с предрассудками, присущими этому обществу.

В 1955 году нас, четырех новобранцев, отказались обслуживать в ресторане в Манхэттене (штат Канзас), потому что один из нас был негр. Не армия устанавливала эти правила, и не она могла запретить владельцу ресторана продолжать такую деятельность, хотя почти все местные торговые заведения существовали только благодаря своей основной клиентуре — солдатам из Форт-Райли.

В ФРГ солдаты, находящиеся весь день службы вместе, вечером расходятся по барам, в которых процветает сегрегация. При этом сегрегация в барах установлена не немцами, а американцами, теми же американцами, которые создали негритянские гетто в Соединенных Штатах, и таким же путем, как в Америке. Если несколько негров входят в бар, белые покидают его, и вскоре в баре остаются только негры. Я наблюдал такую картину в Мюнхене, в Нюрнберге и в Ирлангене.

Когда я в 1957 году явился в Форт-Худ (штат Техас), главный сержант, который знал, что я ищу квартиру, дал мне план города и заверил, что любой район в нем, кроме Киллина, безопасен, поскольку неграм в черте города жить запрещено. Киллин — еще один пример части города, зависимой в экономическом отношении от расположенных там воинских частей; более того, большинство его жителей служат в этих частях в качестве военных или по вольному найму.

Вы, вероятно, вспомните, что именно в этом штате, накануне возвращения туда из Германии 2-й бронетанковой дивизии, было оглашено, что военнотружущих негров, имеющих белокожих жен, ожидают приговоры судов о заключении в тюрьму. Большинство этих военнотружущих негров с семьями было направлено в связи с этим в такие места, как Форт-Дикс (штат Нью-Джерси), Форт-Льюис (штат Вашингтон) и Форт-Орд (штат Калифорния). Солдаты негры и их семьи не могли получить гарнизонных квартир, поскольку они находятся за пределами района Киллин.

Официально в вооруженных силах не должно быть никаких предрассудков и преубеждений, однако на ответ-

ственные должности в армии очень часто назначаются люди, имеющие склонность к предрассудкам и предубеждениям, и это в равной мере относится как к войскам специального назначения, так и к остальной армии. В 1961 году в войсках специального назначения негры были, но значительно меньше, чем в остальных родах войск.

Проиллюстрирую предрассудки и предубеждения людей, занимающих ответственные посты в армии, одним примером. Офицер, ответственный за назначение личного состава во Вьетнам, выражал неудовольствие по поводу того, что кандидатуры людей, отобранных им для боевых отрядов, действовавших по проекту «Дельта», отклонялись в пользу тех, кто был отобран сержантом, занимавшим более низкое по сравнению с этим офицером служебное положение. Официально отобранные люди отклонялись не потому, что были слабо подготовлены, а потому, что каждого кандидата должны были знать и рекомендовать два военнослужащих, участвующих в проекте. Однажды, когда длинный список отклоненных кандидатов уже стал вызывать беспокойство офицера-кадровика, он предложил еще человека, которого знал только один участник проекта, да и то поверхностно. Офицер-кадровик дал ему очень хорошую характеристику, превознося в ней его боевые качества, и направил вместе с ней рекомендации хорошо известных лиц, с которыми служил рекомендуемый. Человек в конечном итоге был принят с условием, что, если позднее обнаружится, что он не подходит, его пошлют обратно в ту же часть. Он оказался действительно весьма ценным для проекта, потому что хорошо работал и с американскими и с вьетнамскими солдатами, а его боевые качества были выше, чем качества некоторых ветеранов проекта. Некоторое время спустя, в один из вечеров, офицер-кадровик пригласил Мэнни и меня к себе на виллу выпить по стаканчику вина. В разгаре дискуссии по поводу выполнения участниками проекта последних боевых заданий наш хозяин заявил:

— Мне определенно нравится, что среди участников прсекта «Дельта» нет ни одного негра.

Раскачивавшийся в кресле-качалке Мэнни удивленно посмотрел на меня. Моя реакция была скептической.

— Что вы сказали? — спросил я.

— Ни одного негра нет в оперативных группах. Я го-

ворю это не потому, что имею какое-нибудь предубеждение против них, вы понимаете, но дело в том, что им, неграм, не хватает той изюминки, которая есть у белых... Вы правильно поступаете, что не берете их к себе.

— Но это не так! — возразил Мэнни. — Среди нас есть негр.

— Кто?

— Сержант Хэндли, тот, которого вы так настойчиво рекомендовали нам. Я никогда не отклоняю кандидатуру человека из-за цвета кожи; я отклоняю ее только по тем причинам, о которых говорил вам.

— Не может быть, что он негр, — удивленно возразил офицер. — Я знаю его вот уже несколько лет. Он белый.

— Может быть, его кожа и светлая, но, согласно его личному делу, да и тому, что он говорит о себе сам, он — негр.

— Вы хотите сказать, что знали об этом, когда принимали его к себе?

— Совершенно верно, — согласился Мэнни.

Офицер откинулся на спинку кресла-качалки и энергично замотал головой.

— Просто не могу поверить этому! Если бы я знал, никогда не порекомендовал бы его. Бросьте, Мэнни, — сказал он, резко подавшись вперед, — вы просто хотите посмеяться надо мной.

Может быть, в более скрытой форме, но предрассудки и предубеждения в войсках специального назначения есть, и они являются опасной чертой характера тех людей, которые предназначаются для работы с местным населением.

Предубеждение против негров в войсках специального назначения отрицается. Мне никогда не приходило в голову, что оно допускается, поскольку официально его не существует — об этом черным по белому записано в уставах.

Во Вьетнаме войска специального назначения сначала работали почти исключительно с монганьярами, то есть с людьми, которых и вьетнамцы-то ненавидели и с которыми обращались, как с животными. Довольно странно, но большинство военнослужащих войск специального на-

значения сработались с этими темнокожими и даже искренне полюбили их. Несмотря на то что американцы жили с ними отдельно, этот горный народ ответил им дружескими чувствами. Военнослужащие оперативных отрядов «А» приберегли свою неприязнь для вьетнамцев и не скрывали пренебрежительного отношения к своим коллегам из местного населения, хотя некоторые американцы и называли их дружелюбно — «мои вьетнамцы», подчеркивая этим, что выделяют их из общей массы. Режим, которому помогали оперативные отряды «А», не пользовался авторитетом, и можно было предположить, что, если вьетнамцы входят в тайные организации, борющиеся с этим режимом, а какие-нибудь национальные меньшинства восстанут против правительства, они, несомненно, окажутся на стороне восставших. В 1964 году генерал Хан фактически обвинил войска специального назначения в подстрекательстве к восстанию. Никто не удивлялся, когда слышал, как эти солдаты ругали сайгонское правительство и вьетнамцев за их глупость, невежество и несправедливость.

Общения с вьетнамцами, среди которых повстанцы находили поддержку и чьи сердца и умы нужно было завоевать, сократились до минимума. Кроме своих коллег — разведчиков-диверсантов и официальных должностных лиц, с которыми они сотрудничали без особого желания, американцы общались лишь с водителями такси да с девушками из баров.

XXI

Волей судьбы на пути во Вьетнам в конце концов оказался и я.

Жизнь в Сайгоне и моя работа в штабе в качестве сержанта-специалиста по 3-му и 4-му корпусным районам были совсем не такими, как я думал, когда только приехал во Вьетнам. В На-Транге меня удивило многое: и бесчисленное множество девушек, которые убирали помещения, застилали наши кровати, чистили ботинки; столовая, переполненная вьетнамскими поварами и другими работниками кухни; сотни людей, убирающих район, поливающих цветы, загружающих и разгружающих самолеты. В Сайгоне, где весь сержантский состав жил в гостиницах с установками для кондиционирования воздуха, с обслуживающим персоналом и, казалось, неисчерпаемым

контингентом девушек из расположенных на той же улице баров, самым трудным делом было заснуть. Большинство из нас и не пыталось этого делать после того, как закрывался бар, потому что в коридоре с кафельным полом не смолкали стук деревянных каблуков и визгливые голоса девушек из бара; в комнатах шумели и гоготали солдаты, беспрестанно звонили звонки и шумели души в ваннах.

Должность специалиста по району, которой я сначала был недоволен, оказалась счастливой и способствовала в конечном итоге тому, что я попал в состав сил, участвующих в проекте «Дельта». Моей главной обязанностью было изучение всего происходящего в лагерях войск специального назначения в двух корпусных районах, образующих южную половину того, что известно под названием Южный Вьетнам. Я должен был вести информационные дела и непрерывно наносить изменения обстановки на оперативные и разведывательные карты; каждое утро на основе донесений из лагерей я докладывал полковнику о событиях за минувшие сутки. У меня оставалось достаточно времени на посещение всех лагерей, чтобы полнее ознакомиться с обстановкой на местах; это дало мне возможность увидеть и узнать основную часть людей, состоявших в оперативных отрядах «А», которые часто оставались в лагерях безвыездно по шесть месяцев. До возвращения из Вьетнама я успел побывать во многих городках этой страны, в деревнях и деревушках, в лагерях и в городах, начиная с Гуэ и до Ха-Тьена; я участвовал в боевых операциях, проводившихся в самых различных условиях местности, встречающихся во Вьетнаме.

Служба в штабе давала мне еще одно преимущество: я был осведомлен об общей обстановке и, следовательно, понимал, почему принимаются те или иные решения или совершаются те или иные политические маневры. Я удивился огромному количеству прошедших через мои руки докладов и других документов с грифом «NOFORN» (No Foreign Dissemination — не для иностранцев), что означало: с документом может ознакомиться самый низший американский чин, но ни при каких условиях его не должен видеть ни один из вьетнамцев, независимо от положения и чина. Во многих из них давалась оценка вьетнамских военных и политических деятелей, которая существенно отличалась от хвалебных гимнов южновьетнамской

армии в официальных американских пресс-релизах. С вьетнамскими подразделениями специального назначения обходились по-иному. Если замечали, что вьетнамский командир лагеря ворует слишком много денег, предназначенных для специальных подразделений, или продает слишком много военного имущества на черном рынке, или слишком часто проявляет трусость, на вьетнамское командование оказывали давление, с тем чтобы его сняли с должности. Обычно его назначали в таком случае командиром другого лагеря, а тот, кого он заменял, направлялся в третий лагерь и так далее. Иногда правонарушителя даже повышали в должности и посылали в штаб.

Во Вьетнам я приехал с искренним желанием помочь «нашим вьетнамским друзьям защитить свободу и демократию», однако меня совершенно сбilo с толку отношение к этим «друзьям» моих коллег. На службе, в отеле, в барах и в лагерях—повсюду я слышал громко высказываемое неуважение и неудовлетворение нашими «друзьями»: правительство прогнило, чиновники продажны, армия труслива, разведчики-диверсанты заслуживают все эти три эпитета, обыватели — жулики, а все женщины — проститутки. По истечении некоторого времени нетрудно было понять, почему американцы, как правило, были низкого мнения о вьетнамцах. Их общение ограничивалось официальными военными и политическими деятелями, девицами из баров и спекулянтами, то есть категорией людей, которые страдали упомянутыми пороками, и на это имелись причины: у них были хорошие учителя — американцы.

Шли годы, и становилось совершенно очевидно, что война не достигает желаемой цели. Те немногие бои, которые еще велись, обычно происходили лишь вокруг лагерей войск специального назначения. Южновьетнамская армия, как правило, начинала подготовку к операциям задолго до их проведения, с тем чтобы не встретить противодействия противника, а в тех редких случаях, когда бои все же имели место, казалось, что они были результатом американской инициативы. Я стал экспертом по составлению раздутых суточных полевых донесений, предназначенных для создания впечатления о том, что на фронте что-то все же происходит. Для специалиста по 1-му корпусному району (Да-Напг, Гуэ) ввиду отсутствия

там боевых действий это дело было нелегким, так как придумывать что-нибудь было почти невозможно.

Судя по разведывательной карте, района, контролируемого Сайгоном, фактически не существовало. Дороги во многих местах были все еще открыты, но только с разрешения национально-освободительного фронта, собиравшего плату за государственные перевозки¹. Независимо от количества имевшихся сил южновьетнамская армия не отваживалась проникать во многие районы. Национально-освободительный фронт настолько уверенно контролировал некоторые районы, что проводил в них выборы, строил школы и больницы, открывал рынки, собирал налоги и ремонтировал дороги и мосты. Случаи, когда отдельные роты национально-освободительного фронта окружали батальоны южновьетнамской армии, становились угрожающе частыми. В таких случаях сайгонские войска, очень часто бросая оружие и оставляя американских советников, покидали обороняемый район². Становилось очевидным, что все большее число вьетнамцев в провинциях переходило на сторону национально-освободительного фронта. Агентура часто доносила, что небооруженные отряды агитаторов национально-освободительного фронта входили в деревни, расположенные рядом с правительственными гарнизонами, проводили там соответствующую работу и даже оставались на ночь.

Чем более очевидным становилось такое положение, тем с большим усердием американское командование пыталось что-то предпринять, чтобы исправить его. Оперативные отряды «А» войск специального назначения теперь совершали более частые и длительные патрульные операции за линией фронта и в тылу противника, а командир оперативного отряда «В» в Сайгоне должен был лично руководить такими операциями, с тем чтобы достигнуть противника и заставить его сражаться. По мере того

¹ Когда движение по дорогам становилось мало доходным или нецелесообразным, они закрывались. Большая часть дорог была закрыта до сентября 1965 года, когда их начали открывать американские войска. Движение по железным дорогам было прекращено после 1964 года. — *Прим. автора.*

² Нередко случалось так, что, когда подразделения южновьетнамской армии по рекомендации американских советников вступали в бой и оказывались в окружении, прилетали американские вертолеты и забирали американцев, а вьетнамцы оставались, чтобы вести бой. — *Прим. автора.*

как все большая и большая часть территории переходила под контроль национально-освободительного фронта, зоны для «свободной охоты» бомбардировочной авиации расширялись. Американские летчики вылетали «на охоту», пытаясь вызвать противодействие противника. В моду вошло новое определение слова «вьетконговец»: любой вьетнамец, бегущий от самолета; любой мертвый вьетнамец.

Донесения о невыполнении боевых задач, сформулированные таким образом, чтобы представить события в наиболее выгодном свете, переписывались и обобщались в промежуточных штабах, чтобы сделать их более внушительными. Конечный результат — «смотрите, как мы много делаем такими малыми силами» — представлял собой не очень хорошо замаскированную просьбу поставить больше войск и вооружения.

В конце 1964 и начале 1965 года любого, кто предположил бы, что в 1966 году ничего еще не будет решено, несмотря на полное господство, четыреста тысяч войск, пять тонн бомб, сбрасываемых стратегической и тактической авиацией на каждую квадратную милю во Вьетнаме, и что ответственные руководители будут говорить о необходимости двух миллионов войск и еще пяти годах войны, — любого такого отправили бы «подлечиться и отдохнуть».

По мере того как рушились надежды, что неизбежно при ведении войны на бумаге, все чаще и чаще раздавалось: «Это грязная война, но она единственная из возможных».

Слова: «Это грязная война, но...», пожалуй, требуют пояснения. Во-первых, за небольшим исключением, американские солдаты во Вьетнаме в 1964 году были профессионалами, а профессионалам всегда свойствен известный цинизм по отношению к гражданскому населению, особенно иностранного государства. Они негодовали по поводу накладываемых на них политиканами «нелепых» ограничений: концепция «советников» никогда не пользовалась популярностью, а жизнь постоянно расстраивала основанные на этой концепции планы. Офицеры и сержанты испытывали непреодолимое желание приказывать, вместо того чтобы давать советы, а с этим чаще всего не считались. Недовольство возрастало также из-за трудностей в отыскании противника или в опознании его: как отличить противника от массы народа? Несмотря на еже-

дневные затраты полутора миллионов долларов, несмотря на лесть и обман, увещевания и просьбы, запугивания и угрозы, политическое и военное положение становилось все хуже и хуже. Но существовала компенсация, существовали причины, объясняющие желание военщины поощрять события и преподносить их американскому общественному мнению в розовых красках.

В 1964 году во Вьетнаме было пятнадцать тысяч «советников», из них двенадцать-тринадцать тысяч в Сайгоне. Это новый рекорд бюрократии даже для американской военщины. До войны во Вьетнаме военнослужащие со стажем менее десяти лет никогда не видели боевых действий и, следовательно, не имели никаких шансов получить медали. Возможности офицера для продвижения в будущем увеличиваются, если он имеет достаточное количество медалей. После того как было объявлено, что все награды, которые даются только в военное время, можно заслужить, участвуя во вьетнамской войне, количество добровольцев, желающих отправиться во Вьетнам, заметно возросло.

Вьетнам предоставил американской военщине не только возможность расширить свой бюрократический аппарат, но и послужил ей средством обрести свой голос в политике США. Являясь основным поставщиком информации о «положении во Вьетнаме», американская военщина интерпретирует это положение, основываясь на своих, военных оценках, предназначает ее по своему усмотрению и дает вместе с ней военные рекомендации. Военные удерживают информацию не потому, что они нечестные или нелояльные, а потому, что уверены в необходимости этого для военной безопасности. По мнению военных, это поведение не только вполне нормальное и честное, но и лояльное по отношению к стране. Однако национальная политика и общественное мнение формируются вовсе не на основе этой информации.

Создавалось впечатление, что военные порекомендуют убраться из Вьетнама лишь в том случае, если смогут найти такую «легкую» войну где-нибудь еще, а пока они полны решимости продолжать ту, которая есть. В 1964 году предлагалось множество различных планов окончания войны, однако все они были отклонены. В апреле генерала Харкинса заменили генералом Уэстморлендом, а генерал Тейлор был назначен послом США в Южном Вьет-

наме. При поддержке США были подготовлены отряды для инфильтрации в Лаос (проект «Дельта») и в Северный Вьетнам. Более претенциозные проекты пришлось отложить до окончания выборов, однако военные готовились к их осуществлению, а американский народ подготавливали к тому, чтобы он безропотно «проглотил» их.

По мере того как партизаны продолжали владеть инициативой, удерживать благоприятное соотношение потерь путем преувеличения данных о них становилось все труднее, поэтому потребовалось внушить американскому народу, что мы имеем дело с вторжением и боремся с захватчиками. Зазвонили тревожные колокола, и все внимание было направлено на то, чтобы найти какие-нибудь факты, которые можно было истолковать как доказательство этого утверждения, невзирая на его опасную нелогичность. «Вторжение» в обычном понимании этого термина означает, что на Вьетнам напало иностранное государство, а такое толкование превращало «борьбу с захватчиками» в нелепость, ибо иностранцами, воюющими на территории Вьетнама, были американские войска.

Американский народ потребовалось убедить в том, что коммунисты нарушили Женевские соглашения 1954 года о восстановлении мира в Индокитае, что не вызвало особых затруднений, ибо всем американцам давно известно, что коммунисты никогда не выполняют соглашений. Однако в других частях мира сделать это оказалось не так просто, потому что в трех более важных статьях соглашений говорится следующее:

1. Ни одна из сторон не должна заключать союзов с другими странами или получать военную помощь извне. (Еще не высохли чернила на соглашениях, как группа военных советников США взяла на себя обучение сайгонской армии, а СЕАТО — организация стран Юго-Восточной Азии — изъявила готовность присоединить к себе Вьетнам.)

2. В июле 1956 года должны были состояться выборы с целью объединения двух зон (а не стран). (По нашей рекомендации Нго Дин Дьем отказался от проведения выборов, потому что предварительные данные говорили о том, что они будут не в его пользу и не в пользу «свободного мира».)

3. Административное разделение на две зоны — временное «и ни при каких обстоятельствах не может быть

истолковано как представляющее собой политическую и территориальную границу». (Статья 1, раздел 6 окончательной декларации.)

В 1964 году, на девять лет позднее того времени, на которое было назначено объединение страны, мир стал свидетелем появления во Вьетнаме сил иностранной державы — Соединенных Штатов, обвиняющих вьетнамцев в том, что они вторглись во Вьетнам. К концу 1965 года американский народ убедили в необходимости посылки сотен тысяч наших войск в южную зону; в результате там же оказались войска народно-освободительной армии Северного Вьетнама, чтобы попытаться выгнать американцев. Так якобы подтвердилось пророчество: еще раз факты оказались соответствующими пропаганде.

Чтобы подтвердить пропаганду в прошлом, положение в настоящее время нужно показывать в лучшем свете. Поскольку формирование устойчивого правительства в разгаре конфликта было невозможно, вину за политический беспорядок возложили на национально-освободительный фронт, несмотря даже на то, что во время надвигающихся и фактически имевших место государственных переворотов действия национально-освободительного фронта, по существу, стихали. В американских войсках во Вьетнаме считали, что «десять грязных вьетнамцев не стоят одного американского солдата», а поэтому уничтожались целые деревни, лишь бы не допустить потери одного американца. Тем не менее официальные пресс-релизы восхваляли храбрость наших вьетнамских друзей. О действительной оценке американским командованием боевой эффективности южновьетнамской армии можно судить хотя бы по принятому в 1966 году решению об отведении всех вьетнамских войск из районов боевых действий и использовании их в тыловых районах на работах по «мирным» программам. Это позволило нам под благовидным предлогом освободиться от помехи и обеспечило полный контроль американского командования над военными действиями.

XXII

Описанные боевые эпизоды включены в книгу вовсе не для того, чтобы пощекотать нервы любителям кровопролитных военных приключений. Описание любого из десятка других таких же выходов на боевое задание в

тыл противника могло бы послужить этой цели. Для меня последний эпизод имеет особое значение, которое он приобрел в результате предыдущего выхода на задание в укрепленный район сил национально-освободительного фронта.

В этот предшествовавший описанному выход мой американский партнер и я оказались в безвыходном положении. Отклонившись в сторону для разведки, мы пробирались с ним через джунгли, чтобы присоединиться к своему отряду разведчиков-диверсантов из вьетнамцев, и в этот момент без какого-либо предупреждения на нас со всех сторон обрушился ружейный огонь. Мой коллега американец был выведен из строя одним из первых выстрелов. Я остался один, без какой-либо надежды на помощь (отряду вьетнамцев в случае непредвиденных действий противника мы приказали выйти из этого района), позади меня была открытая поляна, а впереди очень жидкий кустарник. Я не мог видеть своего противника, и единственное, что указывало на его численность, это то, что он расходовал боеприпасы так, словно с завтрашнего дня война будет вестись не стрелковым оружием, а луками и стрелами. Не видя никого, я не мог ответить на огонь и только сжался в комок за кустами, в то время как свистящие вокруг пули срезали ветки над моей головой и оставляли бороздки в песке совсем рядом с моими ногами. Под обстрелом я был не впервые, поэтому испытываемый мной страх не выходил за рамки обычного. Сердце готово было выскочить из груди; я оцениваю обстановку, намечаю четыре варианта действий и сразу же отвергаю их. Внезапно в голове рождается мысль: мне предстоит умереть.

Мысль страшная: я подумал не о том, что, возможно, умру, а о том, что умру обязательно. Что бы я ни предпринял, с какой бы хитростью ни действовал, я все равно должен был умереть, потому что оказался в ловушке.

Опущу детали того самого невероятного стечения обстоятельств, благодаря которому остался жив. Через тридцать минут я снова был на базе и жадно пил холодное пиво, а мой партнер лежал на чистой койке в госпитале.

Операции, описанной вначале, я придаю особое значение, потому что это был мой первый выход на боевое задание. Отдельные эпизоды в этой операции позволяют понять такую вещь: как много есть мелких, на первый

взгляд, деталей, о которых необходимо постоянно помнить, и до какого автоматизма должны быть отработаны действия человека. И что еще важнее, это описание дает представление о том, до какой высокой степени эффективности может дойти человек в искусстве убивать. В составе нашей группы были хорошо натренированные бойцы, прямо-таки со звериными инстинктами самосохранения и доведенной до рефлексов способностью убивать, когда это нужно, и не убивать, когда это чревато для тебя нежелательными последствиями. Я готовил четырех членов группы, а еще двоих готовили другие специалисты. Мы с Грэйди проходили подготовку под наблюдением одних и тех же инструкторов и представляли собой конечный продукт всей этой машины: без каких-либо приказов и вообще даже без слов, как будто у нас был одинаковый ум, мы всегда знали, что, когда и как делать. Мы были дисциплинированными солдатами и в качестве их беспрекословно подчинялись приказам даже при отсутствии таковых. Повиновение и подсознательное желание пойти на смерть в сочетании с отточенным инстинктом самосохранения — неотъемлемые качества идеального солдата.

В пяти случаях мы имели возможность убивать, но только в двух воспользовались этой возможностью. От нас зависела жизнь или смерть других людей, и мы принимали квалифицированное решение. В двух случаях у нас были основания оставить неизвестных нам людей в живых, причем ни одно из них не имело никакого отношения к таким понятиям, как справедливость, мораль, демократия, свобода или любовь. Решения принимались автоматически. Позднее я был глубоко озабочен тем, что мое мышление стало механическим, интуитивным, несмотря на вновь осознанное мной понятие жизни. Десять лет тренировки, направленной на достижение такого автоматизма, даром не проходят, и от механического мышления избавиться нелегко. Человек, который нес пищевой котелок с едой для своих товарищей, никогда не узнает, что он остался жив только благодаря тому, что не сделал шага в сторону от тропы, по которой шел; сделай он этот роковой шаг — и любой из шести притаившихся неизвестных ему людей не задумываясь перерезал бы ему горло. Жизнь и смерть иногда решают вот такие детали.

Процесс превращения человека в солдата — это про-

цесс доведения его до звероподобного состояния даже в том случае, если он никогда не убивает другого, при этом человек этот редко сознает существо такого процесса, то есть он почти никогда не замечает изменений, происходящих в его взглядах на ценности. Процесс превращения целой нации в воинствующую — это тоже процесс доведения народа данной страны до звероподобного состояния, при этом и здесь достойно сожаления то, что лишь немногие представители этого народа понимают и сознают происходящую трансформацию.

Позволяя себе стать воинствующей нацией, мы принуждаем к тому же и большую часть остального мира. Все дело в том, что усиление нашего милитаризма вынуждает другие страны к соответствующим действиям, и наоборот. Однако никто, кажется, не использует свои войска для достижения политических целей так активно, как это делаем мы.

Чем воинственнее мы делаемся и чем больше вынуждаем других становиться такими же, тем труднее прийти к соглашению, тем чаще переговоры заходят в тупик.

Люди, которые неизменно мыслят военными категориями, неизбежно проявляют недоверие к своим двойникам в других странах. Забывая, что они имеют дело с людьми, военные рассматривают переговоры, как часть военных маневров, как мрачную игру в шахматы. Пример тому переговоры о ядерном разоружении. Снова и снова появляются непредвиденные причины и обстоятельства (некоторые из них явно притянуты за уши), которые мешают подписанию договоров. И дело не только в том, что каждая сторона убеждена в расставлении другой стороной ловушки, но и в том, что военные в случае подписания договора лишатся своей самой лучшей игрушки и окажутся не у дел¹.

Народ Вьетнама вот уже более двадцати лет непрерывно пребывает в состоянии войны, а это означает, что уже третье поколение вьетнамцев вырастает с оружием в руках и само их существование зависит от способности

¹ В 1955 году русские согласились на ядерное разоружение, но мы настаивали тогда на обсуждении вопросов контроля; в 1959 году русские пошли даже на то, что соглашались на инспекцию на местах. В обоих случаях мы отыскивали предлоги, оправдывающие наше нежелание подписать договор. Они соглашались с нашими условиями, но мы уклонялись. — *Прим. автора.*

мыслить военными категориями. Надо полагать, что, чем дольше будет идти война, тем непреклоннее будут вьетнамцы и тем больше они будут подозревать нас, даже в том случае, если переговоры не будут означать для них отказа от всех или от части их суверенных прав.

Такое урегулирование конфликта путем переговоров, при котором вьетнамцы должны будут отказаться от чего-либо уже завоеванного ими, затруднено тем, что это горячая война. Одна из характерных черт революционных войн состоит в том, что те, кто потерял все и вынес самые худшие лишения, менее всего склонны прекратить борьбу, пока не достигнута победа. Маловероятно, чтобы американцы смогли постичь ту душевную травму, которая нанесена в войне южным вьетнамцам. Для многих там не существует ни политики, ни национализма, единственное, что они чувствуют, — это ненависть, которая затмевает благоразумие. Для партизан война стала их образом жизни, и, прежде чем отказаться от нее, они захотят получить соответствующую компенсацию, то есть то, за что сражаются.

У меня нет никаких личных обид или претензий к войскам специального назначения. В течение всего срока пребывания в них я был вполне доволен продвижением по службе и гордился своими способностями солдата.

Многие могут подумать, что я написал эту книгу с целью внести предложение ликвидировать войска специального назначения. Я написал ее потому, что считаю необходимым внимательно присмотреться к тому, как мы используем эти войска.

Данкен Д.

Д-17 Новые легионы. Сокращенный перевод с английского В. Петрова с предисл. Т. Белашенко. М., Военное издательство, 1970.

196 с., 30 000 экз., 56 к.

Автор книги — сержант армии США, длительное время служил в американских войсках «специального назначения» («зеленые береты») в Южном Вьетнаме. В знак протеста против агрессивной политики правящих кругов США и разбойничьей войны во Вьетнаме сержант Данкен уволился со службы и опубликовал записи, в которых показывает, что в действительности представляют собой «зеленые береты». Из книги хорошо видно, что основной арсенал средств этих наемных убийц составляют террор, тайные расправы, подрывные действия, пытки и зверства.

В книге содержатся примеры большой обличительной силы, которые раскрывают нравы военщины США, агрессивную человеконенавистническую политику американских агрессоров.

Книга представляет интерес для широкого круга читателей.

1-12-2

198-70

327.215

Данкен Д.

НОВЫЕ ЛЕГИОНЫ

Редактор *Квитницкий А. А.*
Лит. редактор *Сакович Г. В.*
Художник *Борисов П. А.*
Технический редактор *Зудина М. П.*
Корректор *Жильцова Т. В.*

✱

Сдано в набор 29.9.69 г.
Подписано к печати 2.2.70 г.
Формат бумаги 84×108^{1/32} 6^{1/8} печ. л. = 10,29 усл. печ. л.
10,271 уч.-изд. л. Бумага типографская № 1
Цена 56 коп. Тираж 30 000,
Изд. № 10/2054. Зак. 936.

✱

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство Министерства обороны СССР.
Москва, К-160

✱

1-я типография Воениздата
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

56 к.

Д. ДАНКЕН • НОВЫЕ ЛЕГИОНЫ